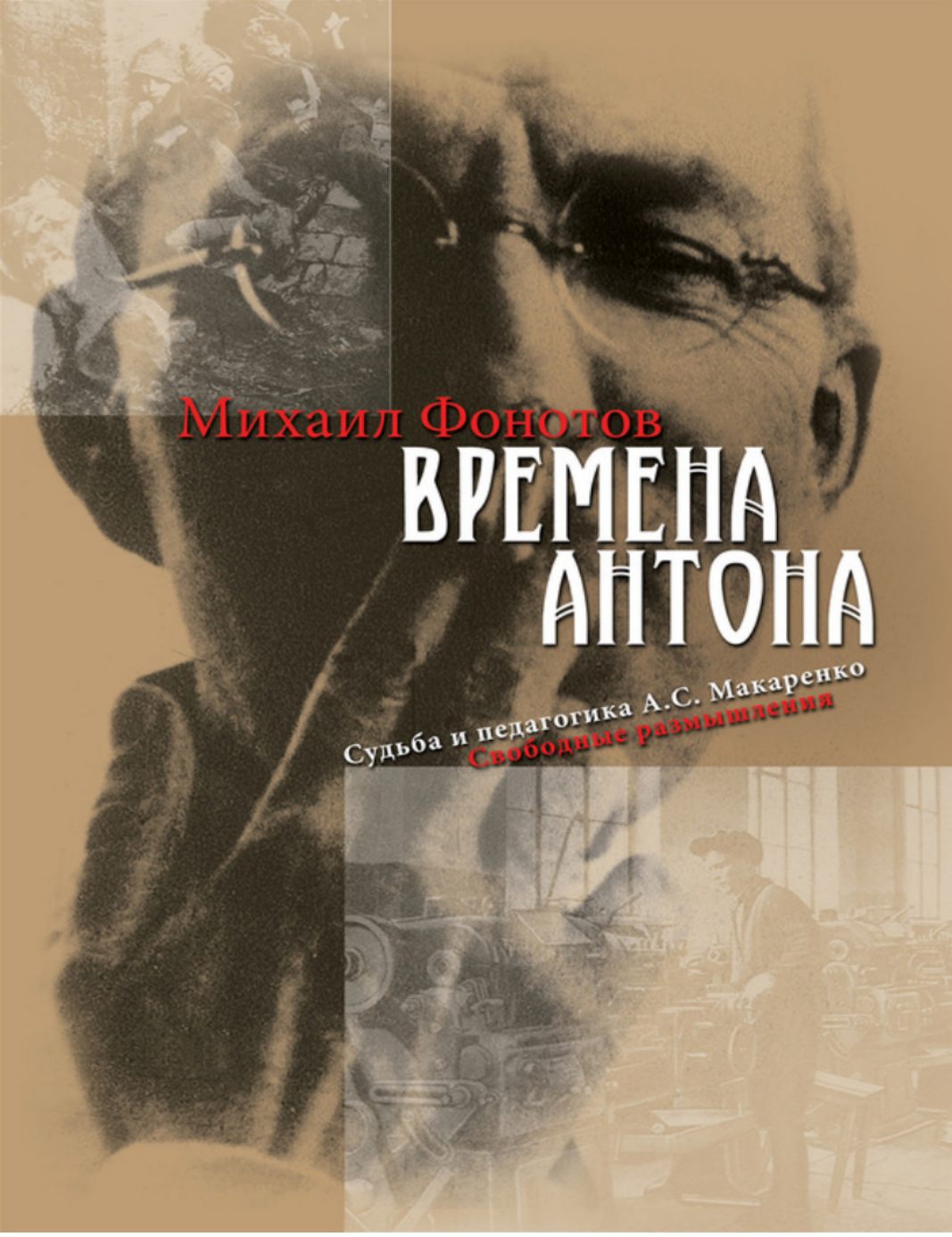


Михаил Фонотов

ВРЕМЕНА АНТОНА

Судьба и педагогика А.С. Макаренко

Свободные размышления

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Времена – проходят. Люди – остаются. Не все, лишь некоторые. А. С. Макаренко – остался. Своими книгами, своими мыслями, своими трудами. Остался своей страстью – *воспитать человека.*

А подлинная страсть, как известно, заразительна. Она не знает рамок времени, преград расстояния. Она проникает от сердца – в сердце.

Книга Михаила Фонотова – тому подтверждение. Это не биография Макаренко, не монография о нем. Это книга – размышление, книга – вопрошание, книга – диалог сквозь время. О времени, о человеке, его тайне. О тайне диалога и тайне воспитания.

Приобщитесь этим тайнам, читатель. В них – тайна жизни самой.

- Михаил Саввич Фонотов
  - Педагогические параллели
  - Часть 1
    - Пролог
      - Нет, Макаренко – не Корней…
    - Калабалин
      - Все дальше на восток, все дальше от дома…
      - Дворянка Галина фон Мейер
      - В камере я сел на нары и заплакал…
      - Ах, Карабанов, не иначе – укротитель…
      - И встретились в Москве…
    - Портрет
      - И с этим жить всю жизнь…
      - Он – всегда с книгой
      - Милая, зачем такая ирония?
      - Вы никогда не щадили меня…
    - Чекисты
      - Беспризорная педагогика и чекисты
      - Враги ЧК видят издалека
      - Безобразный образ Наробраза
      - Правда анкеты и правда человека
      - «Я страстно люблю детей»…
      - «Секретный визит» в кремль
    - Максим Горький
      - Кто воспитывал воспитателя Макаренко?

- Пришествие Максима Горького
- Великий писатель – гость колонии
- «Поэма» – увековечивание опыта
- Признание
  - Он покорил весь земной шар
  - Среди известных и прославленных
- Воспитание
  -
  - Переделки, переломки, переплавки, перековки…
  - Воспитатель – тоже стахановец
  - Всплеск социального оптимизма
  - И актерское мастерство – тоже
  - Теперь он – классик, а был – живой человек
  - Ах, эта вездесущая среда…
  - Кому позволено «бить морду»?
  - Наказывать нехорошо, но можно…
  - Пресловутый индивидуальный подход…
- Коллектив
  - Один человек и много-много людей
  - Личность – ничто, коллектив – все?
  - Воспитание «на автопилоте»
  - «Шхуна» педагогики и «корабль» производства
  - Какое время на часах педагогики?
  - Печь для «переплавки» человека
- Система
  - Наследия и последователи
  - А интереса у государства – нет…
  - Опыт жизни как лучший из учителей
  - Загадка невиданной эффективности
  - Республика самоуправления ФЭД

○ Часть 2

- Эти три года в коммуне…
- Щербинин, или где теперь Антон Макаренко?
- Ильенков
  -
  - Не случайная преемственность
  - В жизнь – из мрака и безмолвья
  - Синхрофазотрон для педагогов
  - Да, мы одинаковы, но не совсем
- Граф
  - Толстой и Макаренко. Сопоставление

- Толстой прав и когда ошибается
- Нет смысла в достижении идеала

- Об авторе

Михаил Саввич Фонотов
Времена Антона. (Судьба и педагогика А.С. Макаренко. Свободные размышления)

Педагогические параллели

Серия «Педагогические параллели» выходит при поддержке директора 31 лицея г. Челябинска А.Е. Попова

В качестве иллюстраций к книге использованы, в частности, фотографии из архивов колонии им. Горького и коммуны им. Дзержинского, которые возглавлял А.С. Макаренко. За их предоставление издательство благодарит А.Ю. Федосова (г. Москва).

Часть 1

Пролог

Нет, Макаренко – не Корней…

В годы войны, в самый ее разгар, в 1943 году, Корней Чуковский обратился к И. В. Сталину с письмом. К самому Сталину? Да, к нему.

И что заставило известного детского писателя «сигнализировать» вождю? Повод был важный? Важный. Детский писатель сообщал Сталину о «социально опасных детях». Корней Иванович подробно, со знанием дела, с примерами писал о малолетних ворах, грабителях, насильниках.

Из письма: «Я считаю своим долгом советского писателя сказать Вам, что в условиях военного времени образовалась обширная группа детей, моральное разложение которых внушает мне большую тревогу».

Из письма: «Около месяца назад в Машковом переулке у меня на глазах был задержан карманный вор».

Из письма: «Мне известно большое количество школ, где имеются социально опасные дети, которых необходимо оттуда изъять, чтобы не губить остальных».

Из письма: «Вот, например, 135-я школа Советского района. Школа неплохая. Большинство ее учеников – нравственно здоровые дети. Но в классе 3 „в“ есть четверка – Валя Царицын, Юра Хромов, Миша Шаковцев, Апрелов, – представляющая резкий контраст со всем остальным коллективом».

Из письма: «В протоколах 83-го отделения милиции ученики этой школы фигурируют много раз. Сережа Королев, ученик первого класса „в“, занимался карманными кражами в кинотеатре „Новости дня“. Алеша Саликов, ученик второго класса „а“, украл у кого-то продуктовые карточки».

Из письма: «Для их перевоспитания необходимо возможно больше трудколоний с суровым военным режимом типа колонии Антона Макаренко. Режим в этих колониях должен быть гораздо более строг, чем в ремесленных училищах. Во главе колоний нужно поставить военного».

Из письма: «В качестве педагогов должны быть привлечены лучшие мастера этого дела, в том числе бывшие воспитанники колонии Макаренко».

К. И. Чуковский и А. С. Макаренко были знакомы, и, кажется, довольно близко. Если не ошибаюсь, какое-то время они жили в

соседях. И все-таки – как они далеки друг от друга…

Нет, А. С. Макаренко не сигнализировал Сталину о социально опасных детях. Он не жаловался вождю на социально опасных первоклассников. Он их не боялся. Он их любил.

И поступил он иначе.

Калабалин

Все дальше на восток, все дальше от дома…

Поезд прибыл в Катав-Ивановск поздней ночью. 1941 год, конец ноября. К удивлению Галины Константиновны, их встречали. У вок-зальчика стояли подводы, какие-то незнакомые люди принимали детдомовские ящики и корзины, тащили их к телегам. Детей и воспитателей – а их было больше двухсот человек – сразу же повели в баню. Потом накормили горячим супом. Уже под утро уложили спать в школе.

Казалось, все позади – многолюдные вокзалы, бомбежки, тревожные ночи, бидоны с супом, которым кормили детей, усталость от езды и от нудных остановок… Надо было устраиваться – неизвестно, как долго, – на новом месте, далеко-далеко от Подмосковья. Но и далеко от войны.

После двух недель дороги – Челябинск, место назначения. Впрочем, как Галина Константиновна выяснила в облоно, не в Челябинске было отведено пристанище детскому дому, а в трех сотнях километров от него, в обратном направлении – в неведомом Катав-Ивановске. Надо было за два часа погрузиться в два товарных вагона, оборудованных только лавками и буржуйками. И снова – стук колес, теснота, ожидание неизвестности. Беспрерывно топились буржуйки, на остановках ребята, те, которые постарше, добывали уголь, набирали свежего снега, чтобы вскипятить то, что следовало называть чаем.

Как бы то ни было, можно было успокоиться, как-то жить и опять ждать.

Галина Константиновна ждала писем от мужа, от Семена Калабалина. Но Семен как уехал с Ярославского вокзала, так и пропал.

Как в воду канул. Ни строчки от него, ни весточки. И куда бы Галина Константиновна ни обращалась, ей отвечали, что ее муж нигде не числится – ни в списках убитых, ни в числе пропавших без вести, ни в каких других списках.

Не было писем от Семена до Катав-Ивановска, не было их и в Катав-Ивановске. Иногда Галина Константиновна по какому-то необъяснимому побуждению сама садилась за письмо мужу. Как бы отвечая ему, она просила его не беспокоиться, писала, что дети здоровы и устроены, что она продолжает «его дело» – руководит детским домом. Писала, что ждет его и верит, что он жив.

Письма она писала, но не отправляла. От них ей почему-то становилось легче.

Однажды в «Комсомольской правде» Галина Константиновна прочитала стихотворение Константина Симонова «Жди меня», и сразу поняла, что стихи – о ней и надо на них ответить. В ту же ночь ответ был готов.

Жду тебя, хороший мой,
Очень крепко жду.
Жду уральскою зимой,
Жду весной в цвету.

……

Снятся мне твои черты,
где же ты теперь?
Милый мой, когда же ты
Постучишься в дверь?

Верю, ты придешь опять,
Ласковый, родной…
Милый, я умею ждать,
Как никто другой.

А Семен Калабалин в это время находился не на фронте, а за фронтом, во вражеском тылу. В разведшколе. В немецкой. Абверовской.

Он сразу же после призыва попал в разведчики. И его сразу же строго засекретили. Недолго учился новому ремеслу. Потом – заброс за линию фронта. Неудачное приземление – сломал ногу. Плен. Лагерь. Побеги. Побои. Угроза бесславной и безвестной смерти. И тогда – новый замысел. Путь в немецкую разведшколу. Опять учеба, теперь уже по-немецки. И, наконец, долгожданный заброс в районе города Горький, давно задуманная явка в «Смерш». И – новая игра, с немецкой разведкой, которая продолжалась до конца 1944 года.

А в Катав-Ивановске детдом № 60, калабалинский, его и ее, признан лучшим из детских домов области. Ему было вручено Красное знамя. В 1943 году, в самый разгар войны, Галине Константиновне – первой в области – было присвоено звание Заслуженный учитель школы РСФСР.

Семен Калабалин

Правда, на первых порах город был настороже. Соседство малолетних преступников его беспокоило. И не зря. Однажды случилась кража, и очень серьезная: исчез чемодан с карточками для работников военного завода.

Подозрение сразу пало на детский дом. Галина Константиновна собрала ребят: кто? Виновник не объявился. Но ребята обещали найти вора. И нашли. А потом детдом не раз помогал городу – то картошку убрать, то дрова заготовить.

К тому времени в Катав-Ивановск стали приходить письма от уже воевавших детдомовцев. А от Семена писем не было…

Дворянка Галина фон Мейер

Некогда, очень давно, жила-была маркиза Мария де Траверсе. Она родилась в 1822 году в семье капитана первого ранга и к сроку стала прекрасной невестой, блиставшей на балах. Эта маркиза – прабабушка Галины Константиновны Калабалиной.

В те же годы рос Александр Паткуль. С семи лет Александр жил при дворе императора Александра I, почти как сын, почти

как брат наследнику Александру. Александр Паткуль – прадед Галины Константиновны.

Мария и Александр стали мужем и женой. Жили – счастливо и беззаботно – то в Петербурге, то в Варшаве, но более всего – в Царском Селе.

А был еще в те времена дворянин и очень богатый помещик (1800 крестьян) Карл фон Мейер. Карла и его супругу Амалию, среди прочих семи детей, радовал сын Иван, родившийся в 1833 году, а воспитание получивший в Императорском Александровском лицее на казенном иждивении. Иван фон Мейер – дед Галины Константиновны.

Иван женился на дочери генерал-адъютанта Александра Патку-ля – Марии. Это случилось в 1869 году. Мария – бабушка Галины Константиновны.

В семье Ивана и Марии росли три дочери и два сына. Один из их сыновей – Константин. Это – отец Галины Константиновны. А мать ее – Нина Михайлова, о которой я мало что знаю. Они воспитывали двух дочерей – Галину и Ольгу. (В Катав-Ивановске Ольга похоронит своего грудного ребенка).

В 1915 году Галя (ей шесть лет) и Оля (ей три года) были записаны в дворянскую родословную книгу Псковской губернии, и им были выданы свидетельства об этом.

На берегу речки Аполь, в живописной холмистой местности, в деревне Бардово, росли и надеялись на счастливое будущее две сестры фон Мейер. Господский дом, картинная галерея, интерьеры в росписях, библиотека, парк и пруды при нем, хозяйственные постройки, четыре тысячи десятин земли, прекрасно налаженное хозяйство – казалось, ничто не может омрачить их светлые надежды. И вдруг – невероятные перемены.

Отец погиб в германской войне. Революция. Опять война, гражданская. Конфискация имения. Переезд в Харьков. Мать устроилась учительницей немецкого языка, а Галя взялась за учебу. И вступила в общество «Друг друзей» – чтобы собирать беспризорных детей на вокзалах, определять их в детские дома, дежурить в ночлежках.

В 1925 году скоропостижно умирает мать. Гале – шестнадцать лет. Об учебе нечего было и думать. Она начинает работать на табачной фабрике. Куда однажды приехал Антон Семенович Макаренко – с лекцией. После лекции Галя подошла к Макаренко, рассказала о себе. Антон Семенович долго не раздумывал – записал Галю в группу рабфаковцев от колонии, которые учились в Харькове. Чуть позже ее приняли в колонисты – вручили костюм и синюю блузу с белым воротничком. Когда Галя приехала в колонию, Антон Семенович сразу же познакомил ее с парнем в

малиновых трусах и синей рубашке. Это был Семен, ее будущий муж. Они поженились в 1927 году. Гале было 18 лет.

Значит, так, у дворянки Галины Калабалиной был псевдоним Подгорная, а девичья ее фамилия – Мейер.

В камере я сел на нары и заплакал…

Семен Калабалин – беспризорник с двенадцати лет. Много чего успел повидать с юных лет и понатворить по глупости и в азарте. Водил по дорогам мнимого слепого. Сбежал от него. Пожил в цыганском таборе. Не понравилось. Попал в банду грабителей и даже стал ее вожаком. «Мы носились по району, точно стая волков». Впрочем, нельзя не упомянуть и о том, что Семен успел с братом повоевать в красном батальоне. Наконец – тюрьма.

Он сам о той тюрьме: «Вероятно, следствие по моему делу было очень легким. Поэтому оно быстро кончилось. Чрезвычайная Комиссия приговорила меня к расстрелу. Так заявил мне следователь. Может, такого решения ЧК и не было, но в камеру смертников меня перевели. Вот уж где я оказался среди отборных негодяев. Всем, кто сидел в нашей камере, терять было нечего, поэтому разговоры велись откровенные. Чего только не наслушался я! С какой ненавистью здесь говорили о большевиках и о Красной Армии. Несколько раз поминали и полк имени Шевченко, разведчиком в котором я был когда-то, батальоном которого командовал Иван».

Беспризорники. 1920-е

«Каждый день несколько человек уводили из камеры на расстрел». «Наша камера пустела. Настал, наконец, день, когда я остался один. Последнюю группу: двух кулаков, трех офицеров и одного попа – увели». «Снова настало утро, и, когда в камеру вошли, у меня не оставалось надежды, я был один, значит, пришли за мной». «Привели меня к следователю, тому самому, который уже много раз меня допрашивал. Он посмотрел на меня, как всегда, хмуро и раздраженно. Он задал мне несколько дополнительных и, по-моему, лишних вопросов. Потом он сказал, я не помню, какими словами, что меня не расстреляют». «Меня повели обратно, в ту же самую, пустую теперь, камеру смертников. Когда дверь за мной закрылась, я сел на нары и заплакал. Плакал долго, беззвучно и неожиданно уснул».

К сожалению, теперь не все, как прежде, знают, что педагог и писатель Антон Макаренко написал книгу «Педагогическая поэма», в которой одним из героев, и, пожалуй, главным, был Семен Калабалин, переименованный в романе в Карабанова. Эпизод встречи педагога и беспризорного бандита в свое время был хрестоматийным и не нуждался в пересказе. А теперь, пожалуй, надо его пересказать. Пусть сам Калабалин вспомнит об этом.

А. С. Макаренко – руководитель колонии имени М. Горького, 1923 год

«А дело было так. Однажды вызвали меня к начальнику тюрьмы. Войдя в кабинет, я увидел, кроме начальника, незнакомого. Он сидел в кресле у стола, закинув ногу на ногу, в потертой шинельке, на плечах башлык. У него крупная голова, высокий открытый лоб. Больше всего мое внимание привлек большой нос и на нем пенсне, а за ним блеск живых, насмешливо-добрых, каких-то зовущих, умных глаз».

– Правда, что тебя Семеном зовут?

– Правда.

– Так это чертовски здорово! Мы с тобой почти тезки, меня Антоном Семеновичем зовут».

Макаренко продолжал тем, что он начинает очень важную работу, и ему нужна помощь.

– Ты согласился бы пойти со мной?

И Калабалин согласился с просьбой «такого приятного человека».

– Ну, Семен, – сказал Макаренко, – если есть вещи, забирай и пойдем.

И они пошли. Нужно сказать, что Макаренко до этого успел

договориться с начальником тюрьмы, что возьмет Семена «под расписку».

«Так я на всю жизнь распрощался с тюрьмой».

Шли от тюрьмы к губнаро-бразу. Во дворе учреждения стоял конь по кличке Малыш, запряженный в телегу. И тут «Антон Семенович поразил меня своим поручением.

– Ты грамотный, Семен?

– Да, грамотный.

– Вот хорошо.

Тут он вынул из кармана бумажку и, вручая ее мне, сказал:

– Получи, пожалуйста, продукты – хлеб, жиры, сахар. Самому мне времени нет. Сегодня мне предстоит побегать по канцеляриям».

«И не дав мне опомниться, хотя бы для приличия возразить, быстро ушел». «Ну, и дела! Интересно, чем все это кончится. Я почесал себе затылок, очевидно, как раз то место, где рождаются ответы на самые трудные вопросы жизни, и продолжал размышлять: как же так? Прямо из тюрьмы и такое доверие – получить хлеб, сахар. А может, это испытание какое? Подвох?»

Короче говоря, Калабалин продукты получил. Поехал обратно и по дороге встретил Макаренко. Тот опять озадачил Семена. «Я и забыл, – сказал он, – тут недоразумение случилось. Нам передали две буханки хлеба. Надо бы вернуть их. Отнеси, пожалуйста, а я тебя подожду».

«Мои уши и лицо зажглись огнем стыда. Отчего бы это? Раньше этого со мной не бывало. Соскочив с шарабана, вытащил из-под сена две буханки и направился на склад. А в голове мысли: что это за человек?»

Калабалину пришлось вернуть две буханки, тем более что это были те самые, которые он положил в шарабан незаметно от кладовщика. Но как догадался об этом Макаренко?

Так началась новая жизнь Семена Калабалина в колонии имени Горького.

Ах, Карабанов, не иначе – укротитель…

Все обернулось так, что спортсмен, всадник, плясун, шахматист, артист, мастер на все руки – Семен Калабалин сам стал педагогом и воспитателем, «убежденным сторонником переделки человека», как выразился Макаренко, продолжателем дела своего учителя. Вместе с женой он «поднимал» детские дома под Киевом и Ленинградом, в Виннице, Полтаве, Москве, Грузии. Он «приводил в чувство» и укрощал такие детские дома, в которых воспитатели потеряли всякий контроль над своими

воспитанниками. В одном из них детдомовец-психопат средь бела дня зарезал их сына-первенца. Тогда Семену советовали «бросить это проклятое дело». «Нет, я не бросил поле брани, не отступил, не изменил педагогическому делу. И не пищал». У них были еще дети – всего двенадцать, своих и приемных.

Как работал педагог Семен Афанасьевич Калабалин? Как и его учитель, – убежденно, с верой в себя, прибегая к импровизации, не без метода «взрыва». Три примера из его практики, рассказанные им самим и другими.

Пример первый. «В Ленгороно я просил предоставить мне место воспитателя в одном из худших по своей организации детских домов. Такое учреждение под титулом „66-я школа-колония для трудновоспитуемых детей“ нашлось. Положение было действительно трудное. В Ленгороно меня предупредили, что это учреждение подлежит расформированию – так оно неисправимо запущено».

«Это была типичная малина-ночлежка, скопление воришек, которые день проводили в городе, занимаясь воровским промыслом, а к ночи сползались в колонию. Мои попытки собрать ребят для знакомства и беседы были безуспешными». «Воспитатели сидели по своим квартирам-бастионам и не подавали никаких признаков жизни».

«На третий день своего безуспешного блуждания по колонии я натянул волейбольную сетку на столбы, надул мяч и стал играть в надежде, что кто-то из ребят соблазнится и составит мне компанию». «Вдруг где-то совсем близко задребезжал сигнал, как-то тревожно, взахлеб. Окна второго этажа спален распахнулись, и в них показались букеты мальчишеских голов. Все, кто был во дворе, стремглав бросились в дом. Со второго этажа хором закричали: „Бык! Бык! Убегай!“ И я увидел во дворе огромного быка. Он шел в мою сторону. „Бежать!“ И вдруг я подумал: „Я побегу от этого зверя и… делать здесь мне больше нечего“».

«А бык подошел к сетке и стал играть рогами. Пока бык играл сеткой, намотав ее на рога, я лихорадочно искал выхода. Бык развернулся ко мне задом, а я схватил его за хвост и стал ногами бить по его ногам и сдавленным голосом уговаривать вернуться на хозяйственный двор. Я решил, что только вместе с его хвостом оторвусь от быка. Через некоторое время мне удалось укротить его и погнать в стойло».

«Эффект был неожиданный, но нужный.

– Идемте к нам в спальню, – баском проговорил угрюмый мальчик, в котором без труда угадывался „авторитет“. Я пошел».

«Система организации детского коллектива А. С. Макаренко, возникшая на Украине, оказалась одинаково живительной и в

детских учреждениях Ленгороно». 66-я школа-колония стала образцово-показательной.

Второй пример. В изложении А. С. Макаренко. «Вызвал из Ленинграда Карабанова: „Бери новую колонию, будешь работать там“. – „Хорошо“. Дал я ему старый совхоз (с. Якушенцы). Ничего там не было. Я решил: Карабанов человек сильный. Дал я ему „лучших ребят“. Со всей Украины собрал… настоящих „жуков“ которые со мной без мата принципиально не разговаривали. Парню 14–15 лет, но у него в кармане отмычка и водка. Месяц я продержал их в приемнике, окружив высоким забором, часовых поставил. Наконец, получаю телеграмму от Карабанова: можно привозить.

Ночью они прибыли в Винницу. Карабанов подал к станции два грузовика. Приехали. Накормили „хлопцев“ уложили спать. Утром проснулись – кругом степь, пусто».

«Прибежал Карабанов: „Где хлопцы?“ Схватил первого попавшегося коня, без седла, поскакал за ними. Видит – идут хлопцы по дороге. Он спрыгнул с коня. Поскользнулся и упал. Лежит. Те к нему: что такое? Пробуют поднять. Стонет. Потом говорит: „Снесите меня в колонию“. Понесли Карабанова в колонию. Всей гурьбой пошли. Принесли. Осторожно опустили его, а он вскочил и говорит: „Ну, спасибо, что донесли, не хотелось мне пешком идти“. Ребята буквально обалдели».

«Через три месяца я приехал туда к нему с ревизией, посмотрел на них. Дисциплина, что надо. Все очень вежливы, приветливые, все читали „Педагогическую поэму“»…

Пример третий. Вспоминает коммунар Леонид Конисевич.

«В Барыбинский детдом никто не хотел ехать, сменились четыре директора подряд. Проводившие весь день на крыше воспитанники проигрывали в карты имущество и девочек, играли „на воспитателя“ – проигранного прогоняли сквозь пруточный строй в коридоре. Когда сюда привезли Калабалина, тот сказал:

– Мне нравится. Остаюсь. Но при двух условиях: месяц – никаких проверок, даже если услышите, что меня убили или я кого убил. И уволить всех воспитателей – наберу новых сам.

Условия были приняты. Собрав остатки персонала – уборщиц, сторожа, повара, истопника, – произнес вдруг:

– Дармоеды, надо начинать работу. Будем таскать им пищу на крышу.

И понесли. Те, позавтракав, побросали миски вниз. Пообедали – вновь побросали. Поужинали… А наутро, когда вновь „официанты“ доставили завтрак на крышу, все спустились, грудою вошли в кабинет:

– Не имеешь права заставлять есть на крыше.

– Спускайтесь, – произнес спокойно Семен Афанасьевич.

Спустились, и конфликты были окончены, картежники исчезли».

И встретились в Москве…

Однако надо еще раз вернуться в Катав-Ивановск. Галина Константиновна каждый день ходила на почту за письмами. И однажды она увидела на конверте знакомый почерк. Это был почерк Семена. Она вскрыла конверт, начала читать и ничего не могла понять. Письмо – не ей, а Сухининой, ее подруге. Обратный адрес: Горький, гостиница «Центральная». И подпись – Сухинин. Галина Константиновна от обиды расплакалась: дождаться, наконец, письма от Семена и так разочароваться… Успокоившись, она вновь перечитала письмо. Отчего бы Семен стал писать Сухининой. И ни слова о ней – почему?

Письмо Семена Калабапина жене

Какая-то загадка. Не сразу, но она все же поняла: в письме муж сообщает о главном – о том, что он жив.

Первое побуждение, охватившее ее, – все бросить и поехать в Горький. У нее появилась тоненькая ниточка – ее нельзя было выпустить из рук. Но «все бросить» означало бросить детей, своих и остальных, которые тоже не были чужими…

Через некоторое время пришло второе письмо. Тоже рука Калабалина. Из Горького же. Но на этот раз на имя Порозовой, воспитательницы детдома. Кое-что стало проясняться. Семен писал: «Все это время судьба мною играла, как играют бурные весенние потоки воды – щепкой». И он долго и подробно

описывал приключения этой щепки. И потом – «И заговорю я голосом человечьим… И многое вам расскажу, мои милые, и многое вам неясное станет ясным и даже дорогим».

Семен и Галина Калабалины

Горький… Вырваться бы туда… Она его там обязательно отыскала бы. Просто, может быть, встретила бы на улице… Ходила бы, ходила бы по улицам, пока не встретила бы.

Галина Константиновна упросила одного из руководителей Катав-Ивановска обзвонить гостиницы и госпитали Горького. Тот обзвонил, но Калабалина в них не оказалось.

Прошло несколько месяцев. На Урал пришел сентябрь 1943 года. Галина Константиновна отправила статью о своем детдоме в одну из московских газет. И вдруг оттуда: приезжайте в Москву. На этот раз ей помогли уехать. В Москве она остановилась у Галины Стахиевны Макаренко. И ей все время казалось, что он где-то здесь, ее Семен. Сердце чувствовало, что они должны встретиться. Возвращаясь на квартиру, всегда спрашивала, не приходил ли кто. Так было и на этот раз. Пришла: «Никто не приходил?» Сняла пальто и – звонок. Открывает дверь – на пороге Семен…

Портрет

И с этим жить всю жизнь…

Я хочу увидеть Антона Макаренко. Да, увидеть. Со стороны. Как он идет по тротуару мимо цветников. И – во весь рост, с ног до головы. И, конечно, – его лицо. Сквозь стекла очков всмотреться в глаза…

Я хочу увидеть Антона Макаренко – человека, который воспитывает.

Однажды он чуть-чуть помог мне сам. В письме жене Антон Семенович описал себя именно так – со стороны. И указал не только год и день, но и часы с минутами: 19 сентября 1928 года, 5 часов 15 минут вечера. Коммуна имени Дзержинского.

«Заходит солнце. Оно как раз освещает мой стол немного слева и сзади. Телефон на столе кажется золотым. И золотые окурки в пепельнице. В саду сыгровка оркестра. Какой-то вальс. Кто-то пробежал со смехом мимо окна»…

Вы увидели его? Готовая картина. Будто бы камера оператора остановилась на его письменном столе, а микрофон прислушивается к звукам оркестра, к топоту пяток под окном, к запыхавшемуся смеху… Мгновенье из вечности.

А. С. Макаренко, Полтава, 1920

Но – нет, в тот вечер Макаренко сидел спиной к нам, а надо, чтобы он повернулся. Но он не повернется, сколько бы мы ни ждали. Мы его не увидим никогда.

А каким его запомнили те, которые «свидетели»?

Василий Зайцев:

«Каким он был внешне? Среднего роста, стройный, подтянутый. Носил всегда строгий полувоенный костюм: гимнастерку или косоворотку, подпоясанную широким ремнем, а иногда узким кавказского типа ремешком, галифе, сапоги. Лишь один раз я видел его в брюках навыпуск, он показался каким-то странным, они ему не шли. Он был близоруким, носил очки с толстыми стеклами. Иногда заводил усы небольшие, сидел и старательно подкручивал кончики усов, но вскоре их сбривал. С виду суровый, говорил глуховатым и немного хриплым, будто сорванным голосом. Говорил скупо, только о самом важном, и очень не любил болтунов. Любил юмор, не чуждался шуток, мог и подковырнуть».

Юрий Белов:

«Он – суровый по внешности, малословный человек лет за сорок, с большим носом, сумными и зоркими глазами, он похож

на военного и на сельского учителя из „идейных“. Говорит хрипло, сорванным или простуженным голосом, двигается медленно и всюду поспевает, все видит, знает каждого колониста. У него, видимо, развита потребность мимоходом, незаметно, приласкать малыша, сказать каждому ласковое слово, улыбнуться, погладить по стриженной голове».

Антон Калабалин-сын:

«Как-то он (отец) спросил Макаренко, почему он не купается с нами. Он ответил: „Знаешь, Семен, если я разденусь, вы с ума сойдете – такой я худой, а я не хотел бы, чтобы вы меня жалели“».

Александр Абаринов, который не видел живого Макаренко, «нарисовал» его в последние годы таким: синяя гимнастерка, бриджи, заправленные в кожаные сапоги, длинная шинель без ремня, на голове – черная фуражка с темно-синим околышем и металлической кокардой из белой эмали с серпом и молотом. Лица на этом портрете нет, только одежда, чекистская форма.

А **Лавр Степанченко** вспоминает о встрече и неприятном знакомстве «с человеком невысокого роста, по сравнению со мной, с прищуренными острыми глазами за стеклами пенсне, гнездящемся на большом носу, иронической ухмылкой, не сходящей с губ большого рта, и колючей прической ежиком»…

Антон Макаренко в школьные годы

Строгий, почти суровый, молчаливый, а если говорящий, то хриплым простуженным голосом, в очках на большом носу, в неизменной форме, почти военной…

И его любили, такого?

Любили.

За что же?

Судя по портретам, я не сказал бы, что Антон Макаренко так уж некрасив, как о нем принято говорить. Не красавец, конечно, но нормальный мужик. И глаза не такие уж строгие, и нос не такой уж большой. Но все, кто «рисовал» портреты Антона Семеновича, один за другим повторяют одно и то же: с внешностью Макаренко не повезло. Будто бы не повезло ему еще в утробе матери, которая с ведрами на коромысле поскользнулась, упала навзничь, и потому ребенок родился недоношенным, болезненным, еле выжил. А брат Макаренко Виталий открытым текстом уверяет нас, что невзрачная

внешность была трагедией Антона. «Небольшого роста, с небольшими серыми глазами, которые казались еще меньше от привычки близоруких людей прищуриваться. Большой красноватый нос, который казался еще больше при маленьких глазах – все это повергало Антона в уныние.

– Мой нос, как говорится, Бог семерым нес, а мне одному достался. Предстоит прожить всю жизнь с таким носом – задача не из легких».

Вообще брат Виталий с явным удовольствием живописует внешность брата Антона. У него и в мыслях нет как-то поберечь самолюбие Антона, которого не видел много лет. Ведь что-то можно было бы «забыть», но память ему ни разу не отказала. Он выкладывает все, что было и не было, – золотухи, ангины, флюсы, карбункулы, ячмени, насморки, которыми болел Антон. И повязки на щеках, и вату в ушах, и рыбий жир, и йодоформ, и нос распухший, а зимой пунцовый.

Не знаю, может быть, так и было, – то, что не участвовал в детских играх. А если участвовал, то «был очень неловок, неуклюж и страшно близорук». Наверное, Антон страдал от того, что был мишенью для шуток и издевательств. Кто-то подставил ногу, он упал, разбил нос, потерял очки – всем смешно…

Что делать, если Господь наделил тебя несуразной внешностью? Отчаиваться? Да, отчаиваться. Страдать? Страдать, конечно. Но, в конце концов, – понять, и очень рано, что если «нет внешности», необходима «внутренность». Если ничего не остается, как «носить» такую внешность, какая есть, то внутренний мир – в твоем распоряжении. Надо же как-то приходить к людям. С чем-то. С тем, что имеешь. Вовне или внутри. «Неудачная» внешность заставляет человека лихорадочно заполнять свой внутренний мир.

Впрочем, не все так просто. Комплекс «некрасивости», я думаю, неотступно сопровождал Макаренко всю жизнь. В том-то и дело, что он, этот комплекс, жил в нем внутри. И очень сильно там проявлял себя. Как ни странно, он нашептывал закрываться, прятаться, отгораживаться, отстраняться… То есть скрывать от людей и то, что в тебе «красиво», – твой внутренний мир.

Он – всегда с книгой

Не на кого сослаться, кроме как на Виталия Макаренко. А он не сомневается: в Крюкове Антон – самый образованный человек. Он всегда с книгой. Читает всё – от Гомера до Горького. Он всегда задумчив, всегда глубоко в себе. Ему всё интересно. Одно из увлечений – музыка. Он не пропускает ни одного симфонического

концерта, слушает «Стеньку Разина» Глазунова, «Пер Гюнт» Грига, 40-ю симфонию Моцарта, 4-ю симфонию Шумана…

Братья Виталийи Антон Макаренко

Он – интеллектуал. Но не голова объясняет нам Антона Макаренко, а его сердце. Суть его не в том, что он много знал, а в том, что остро чувствовал. Сердце объясняет Макаренко, но не дает нам ясности. Можно сказать иначе: ясность в том, что в сердце

Макаренко так много о мире и людях, так много несовместимого и противоречивого, так много узлов, которые не развязать…

Пусть скажет он сам.

А. Макаренко: «Мне противен весь мир, потому что он противоречит и моему чувству, и моему уму».

А. Макаренко: «Во-вторых, мне надоели люди. Ведь могут же они надоесть. Я на них не сержусь и не злюсь, они мне просто надоели».

А. Макаренко: «В жизни вообще я один никогда не бываю».

А. Макаренко: «Меня не надолго хватит. Я ведь живу только за счет нервов».

А. Макаренко: «Я ненавижу всю русскую интеллигенцию».

А. Макаренко: «Педагогика – шарлатанство». «Да и какой я педагог!»

Известный немецкий макаренковед Гетц Хиллиг нашел в Макаренко «попытки к бегству из коммуны», что вроде бы не вписывается «в традиционные представления о жертвенном служении А.С. Макаренко своему делу – педагогике»…

Ах, Гетц Хиллиг, специалист все разложить по полочкам, все пристроить к регламенту, к каждому предложению прикрепить знак плюс или минус. Можно ли так – вообще и к Макаренко – в частности? Человек в сердцах что-то сказал «не так» – и что? И это лыко – в строку? И это анализировать? Сразу – обобщать?

Сразу – в пику?

Лев Толстой – о себе: «Я дурен собой, неловок, нечистоплотен и светски необразован». «Я раздражителен, скучен для других, нескромен, нетерпим». «Я почти невежда». «Я не храбр. Я неаккуратен в жизни и так ленив, что праздность сделалась для меня почти неодолимой привычкой». И – что? Поверим ему? Впрочем, Лев Толстой – к слову.

Сопоставлю два высказывания Антона Макаренко. Первое: «Я лично человек вовсе не волевой, и никогда не отличался такими достоинствами сильной личности. Вовсе нет. Обыкновенный интеллигент, обыкновенный учитель». И второе: «Я привык стоять на твердой позиции твердого человека, знающего себе цену, и цену своему делу, и цену каждой шавке, которая на это дело лает». Два разных человека? Нет, два в одном. То он сильный, то он слабый. То велик, то мал. То весь в сомнениях, то – никаких сомнений. Но он – не вечно мятущийся неврастеник, который не способен на какие-то действия, кого-то куда-то повести и даже пойти за кем-то, потому что и сам себя потерял. Все дело в том, что его сердце и его ум принимают слишком много сигналов извне, и очень непросто примирить их в себе, согласовать, просеять и извлечь из них одно решение. При всем при том, никакая внутренняя душевная работа не должна оставить без устоев, без твердой почвы под ногами. Есть истины, от которых нельзя уходить далеко.

А. С. Макаренко – студент Полтавского учительского института, 1914

Мне Макаренко тем и дорог, что сложен, противоречив, такой и сякой – всякий. Живой! Да, в нем есть всё. Потому что он – человек. Он человек, обычный, такой же, «как все». И в то же время – не как все. То, чего у всех – чуть-чуть, в нем – много-

много. То, что у всех – побаливает, в нем – нестерпимая боль. То, что у всех – иногда, у него – всегда…

Я помогу Гетцу Хиллигу. И не один, а вместе с Макаренко. Мы подбросим ему другие «разоблачения».

А. Макаренко: «Какой я все-таки дурацкий человек. Я специально приспособлен к тому, чтобы меня потребляли. Вот сейчас почти круглые сутки вожусь со всякими черными пустяками: столовая, спальни, вешалка, обувь, подготовка к юбилею, стенгазета, журнал, кружок, целый день в мелочах, которые только потому делаю, что другие не умеют или не хотят. А с книгой?»

А. Макаренко: «Я убежден, что больше нет человека такого глупого, как я. Ну, какого черта мне нужно и сейчас просиживать в кабинете до двух часов?»

А. Макаренко: «Я живу плохо. Очень много работаю, очень мало сплю, много злюсь и как-то лишен перспектив».

Ну, и что? В письмах к любимой женщине мужчина позволяет себе быть недовольным собой, пожаловаться, может быть, слегка порисоваться… Неужто Гетцу Хиллигу и этого не понять? И, став свидетелем минутной слабости человека, тут же воспользоваться этим, «взять на карандаш»?

Нельзя пройти мимо «постулата» Макаренко о счастье: «Несчастных людей быть не должно. И я убежден, что при развернутом коммунизме будет так: такой-то привлекается к судебной ответственности по такой-то статье за то, что он несчастлив. Нельзя быть несчастным». И далее: «Если ты чувствуешь себя несчастным, твоя первая нравственная обязанность – никто не должен об этом знать. Найти в себе силы улыбаться. Всякое несчастье всегда преувеличено, его всегда можно победить».

Это им сказано всерьез? Конечно, всерьез. И в то же время – не без шутки. С шутливой чрезмерностью. С доведением до крайности. Такую раскрепощенность можно понять – речь идет о невероятно далеком будущем, едва ли не об утопии. Или о мечте. И поэтому неуместен вопрос: «А сам?»

Сам Макаренко был счастлив. И был несчастным. Свои несчастья не выставлял напоказ. Скорее, прятал их от всех. Даже принимая Максима Горького, скрыл от него, что уволен из колонии. С другой стороны, наверное, и Антон Макаренко не ушел из-под влияния реального и официального оптимизма и энтузиазма, которыми были окрашены 20-е и 30-е годы в Советском Союзе. Тогда несчастье было не в моде. В моде была вера в светлое будущее, в то, что нет преград на пути к нему, а несчастье – всего лишь нелепое недоразумение в том шествии.

Как это – все счастливы, а ты – несчастлив? Ну-ка, выше голову, тверже шаг, вливайся в тысячные колонны и оставь свои беды позади…

Милая, зачем такая ирония?

Есть в характере Макаренко странность, которая, может быть, ключ к его личности.

Однажды, это было осенью 1928 года, Антон Семенович поссорился с женой Галиной Стахиевной. Они были в разлуке, но в страстной переписке. Он писал ей длинные, в несколько страниц, письма, битком набитые признаниями в любви. Одно и то же, одно и то же он повторяет сотни и, кажется, тысячи раз – люблю, люблю, люблю… И всё – на Вы, на Вы… Признаться, когда читаешь письма влюбленного Макаренко, даже устаешь от этих «Солнышек», «Лисичек» и «Ваш Тоська». И от этих намеков на мужчин, которые окружают жену на далеком южном берегу. В письмах мужчина выглядит мягким, слабым, зависимым от женщины. И даже заискивающим перед ней, сдержанной и терпеливой. И будто бы остающимся без взаимности.

И вдруг – размолвка. Неожиданно суровая. Повод, как это бывает, вроде бы ничтожный. Антон Семенович посетовал на то, что Галина Стахиевна неосторожно обращается с его письмами. Оставляет их там, где кто-то может их прочитать. Она отреагировала жестко: «Пусть почитает, если ему интересно, и пусть издохнет от зависти, что на свете есть такие, как мы с тобой, счастливые люди. Кого ты там боишься, хотела бы я знать? Нет, я это совершенно серьезно». И дальше в том же тоне: ирония по поводу конспирации…

Макаренко, тоже с неожиданной твердостью: «Солнышко, в этой цитате не важен текст, а важен тон». И прямой вопрос: «Зачем такая ирония?» И обида: «По отношению к Вам я бы такой иронии не допустил».

Жена А. С. Макаренко Галина Стахиевна

Галина Стахиевна коснулась больного места и не сразу это поняла. Даже, кажется, удивилась тому, что муж всерьез, без уступок отреагировал на такую неважность. Но Макаренко настаивал на своем: «Я разорвусь на части, чтобы никто не увидел развернутой кровати в моем и Вашем присутствии». И уточнил: «Просто в моей натуре чрезмерное отвращение ко всякому глазу, смотрящему в мое интимное, мое личное, дорогое для меня». Он допустил, что «это у меня болезненное» и, наконец, еще раз повторил: «Я не хочу обыкновенной семьи, я хочу, чтобы мы с Вами были только нашей тайной, я хочу купаться в этой нашей симфонии, но без зрителей и друзей». А позже, уже в другой связи, он скажет: «Люблю Вам дарить цветы, но я не могу переть эти цветы на глазах у всех».

На первый взгляд, эта «конспирация» – некая пуританская провинциальность или провинциальная пуританность Макаренко. На самом деле, я думаю, здесь много чего намешано. Конечно, явная отстраненность и скрытность. Привычка к безнадежному непониманию. И застенчивость, впитанная с детских лет. И даже глубокая обида на людей или, точнее, на судьбу, которая так нелепо с ним распорядилась. К комплексу внешности, к которому с годами можно было притерпеться, примешивалось стремление скрыть от людей всё, что внутри. Страх перед тем, что это откроется. Его экстерьеры и интерьеры никак не соответствовали друг другу. В его душе бушевали бури, а на лице застыла холодная суровость. Он не хотел, чтобы другие знали, как горячо

у него внутри. Кажется, он и сам не знал, что делать со страстями, которые его обуревали. Педагогика требовала от него закрытости, а душа хотела открыться. Макаренко не мог не стать писателем, и он им стал.

Вы никогда не щадили меня…

Теперь самое место и время рассказать о короткой, но прекрасной странице в жизни Антона Макаренко – о романе с Ольгой Петровной Ракович. О романе, которого не было.

С Ольгой – она была красивой, обаятельной, умной и какой угодно хорошей еще – Антон Семенович познакомился еще в 1919 году. А через несколько лет пригласил ее на работу в колонию. Но работала она не в самой колонии, а выполняла поручения Макаренко в Полтаве, где жила. Встречались нечасто, чаще переписывались – через Семена Калабалина, который едва ли не каждый день бывал в Полтаве.

Влюбиться в Ольгу было проще простого. Это, как говорится, напрашивалось. И «начальник» влюбился в свою юную сотрудницу – неосторожно, но тоже юно.

Письмо от 20 октября 1920 года.

«Как бьется Ваше сердечко?

Правда, что у Вас ежедневно бывает Голтвянский? Правда? Может быть, он и есть тот самый, который лучше всех? Интересно.

А все-таки я Вас люблю».

Письмо без даты.

«Писать стихи, гореть и любить, безнадежно молиться и делать глупости предоставим другим. Правда?

Нет, солнышко, в том-то и дело, что неправда. Неправда, неправда!»

Письмо без даты.

«Я чувствую сейчас в себе огромные силы, но я уже хорошо знаю, что эти силы слишком глубоко во мне скрыты. Вы не можете их увидеть. Это силы мысли и философского синтеза. Если Вы их увидите, Вы отравитесь ими навсегда. Вам не нужно их показывать. А то, что Вам нужно и что Вам поэтому нравится, того у меня нет: ни беззаботного смеха, ни остроумия без претензий, ни ясной силы жизни: живи, пока живется.

Ах, не хочется с Вами расставаться».

Письмо от 23 сентября 1924 года.

«Сейчас я или пришел в себя, или окончательно обалдел. И не знаю, что делаю, что-то такое, что должен сделать Человек, или что-то недостойное Человека. Но все равно. Я зато хорошо понимаю только одно.

Это одно: я не могу отказаться от Вас. Пожалуйста, не пугайтесь. Я самым идеальным образом уважаю Вашу свободу. Как бы Вы не поступили, Вы всегда будете прекрасны и всегда правы. Я искренне буду преклоняться перед любым Вашим решением. Я готов быть Вашим шафером и держать венец над Вашей головкой.

Я представляю себе: как трудно Вам понять, что у меня в душе. Я, без всякого сомнения, какой-то урод. Это совершенно серьезно. Почему я сейчас не только не ощущаю своего унижения, но напротив?

Я выше всех, недосягаемо выше. Вы можете позавидовать моей гордости.

Когда я утром встретился с Вами, для самого себя неожиданно захватила меня волна радости. Радости оттого, что у нас разрыв, оттого, что Вы спокойны, оттого, что я в одиночестве могу любить и нет до этого никому никакого дела, оттого, что я могу отделить от себя мои страдания и рассматривать их, как нечто постороннее, как в микроскоп.

Вы мне вручили пакет с моими письмами. Ах, да, письма… Это показалось мне пустяком. Можно было вдоволь посмеяться над всей этой историей с письмами. Не было компаньона. Конечно, и не могло быть. Я не ожидал от себя, что я могу быть таким дураком. Письма можно перевязать веревочкой, возвратить. Больше ничего веревочкой не перевяжешь.

Письма мне понравились. Если у Вас есть вкус, Вам, вероятно, приятно было получать такие письма. В них много есть кое-чего.

Вы никогда не щадили меня. И это выходило у Вас прекрасно. Даже Ваше последнее:

– Вы мне не нравитесь.

Странно все-таки: отчего я Вам не нравлюсь? Я Вам писал такие изящные письма!

Все дело, видите ли, в чем: никто не имеет права отнять Вас у меня. Даже Вы. Абсолютно никакого права. Вы – это, прежде всего, образ в моей душе, а потом уже Вы. А любить Вас, поклоняться Вам, всегда видеть Вас перед собой – моя воля.

Я Вам не нравлюсь? Господи, какой дурак пытался внушить мне, что это для меня важно? Не нравлюсь? Ну так что? Какое вообще это имеет отношение к нашему разговору? Что Вы,

собственно, хотите сказать? Ну, что Вы мне можете сделать? Отнять у меня Солнышко вы все равно не способны. А добровольно я его не отдам».

Письмо от 3 октября 1924 года.

«Я теперь боюсь лишнюю минуту побыть с Вами, боюсь того критического момента, когда Вас начинают раздражать моя морда, мои слова, моя любовь, и когда я, заметив Ваше раздражение, уже не понимаю, что делаю.

Но я боюсь и другого – того, что Вы уйдете от меня. Этого я боюсь больше всего на свете. В то же время я знаю, что чем больше я буду торчать перед Вами, тем Вы скорее уйдете. Такова жизнь.

Но чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизменней и вернее,
Любя, страдая, тяжко млея,
Оно изноет наконец.

Это Тютчев, не сердитесь. Вообще не сердитесь, дорогая».

Письмо от 24 марта 1930 года.

«Дорогая Ольга Петровна!

Ваше письмо меня и страшно обрадовало, и поразило, и страшно огорчило. Читаю его несколько раз и своим глазам не верю – неужели это Вы, Солнышко, пишете. Подумайте – я Вас четыре года не видел и не получил, конечно, от Вас ни одной строчки.

Вы остались в моей памяти только прелестной улыбчивой царевной, которая так радостно и непринужденно посмеялась над моим искренним и очень глубоким чувством к Вам. Все эти четыре года я с мучительной обидой вспоминал „нашу“ историю, которая, собственно говоря, не была Вашей историей.

Я не могу ни о Вас говорить, ни с Вами говорить иначе, как о любимой. Не хочу ни себя, ни Вас обманывать – в моей жизни Вы были чрезвычайно значительны».

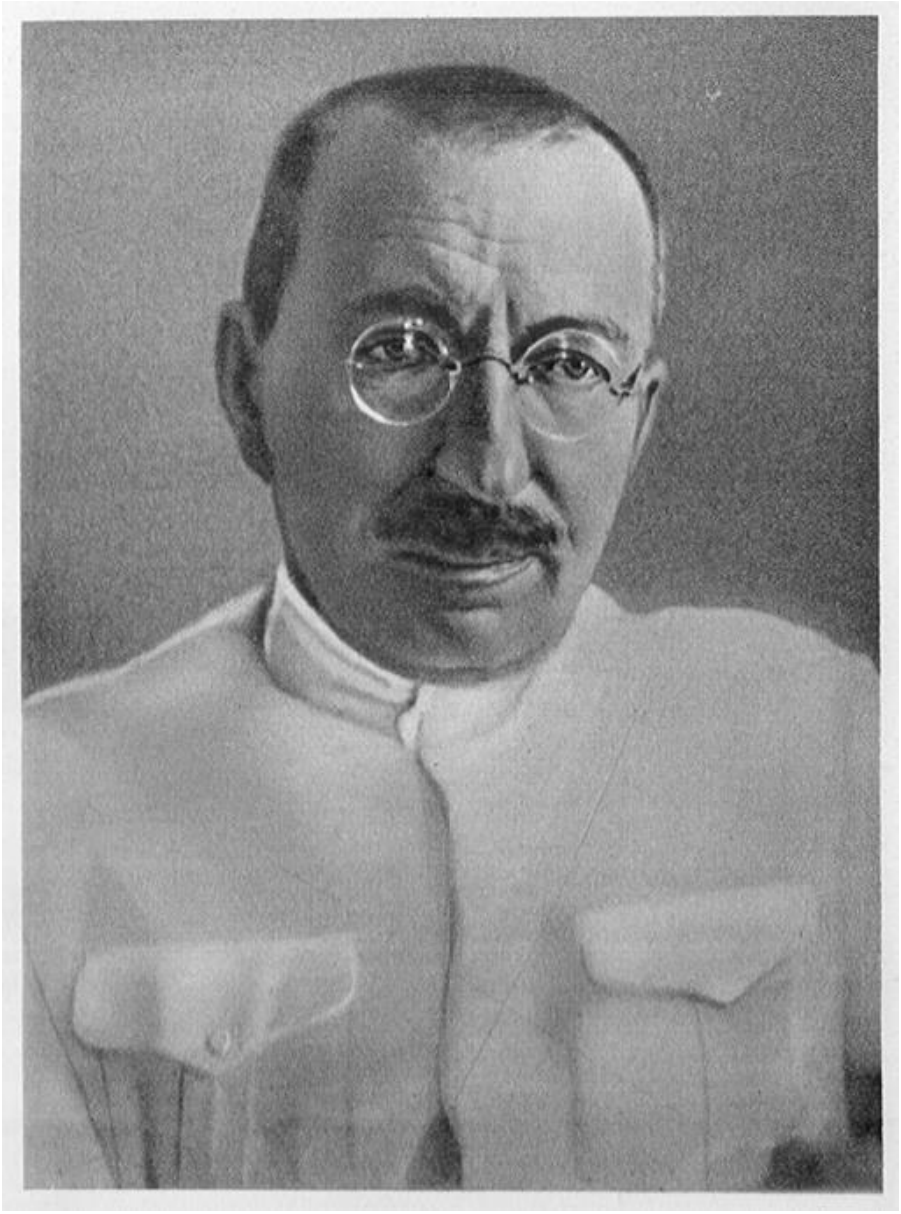
Письмо от 13 марта 1939 года.

«Дорогая Ольга Петровна!

Действительно, один раз в пятилетку судьба балует меня таким значительным подарком, как Ваше письмо. Только Вы – хитрая по-прежнему: в письме Вы ничего не пишете – одни комплименты и пожелания, да несколько сентенций, по форме

стариковских, а по содержанию просто хитрых и немножко насмешливых.

Как я живу на новом поприще? Трудно это сравнить с прошлым. Но сейчас уже не бывает у меня таких счастливых минут, помните? Ехали мы в Полтаву на нашем замечательном фаэтоне. Почему-то Вы ночевали в колонии. Ехали мы утром. Вы сидели на главном сиденье рядом со Стефанией Потаповной, я против Вас, и мы смеялись всю дорогу. Я не помню, о чем мы говорили тогда, но я хорошо помню, что это был самый счастливый момент в моей жизни. В общем, Вы смущались и дерзили мне, но Вам страшно хотелось хохотать, а Стефания Потаповна завидовала Вашей красоте и молодости и обижалась.



А. С. Макаренко, Москва, 1938

В моей теперешней жизни никакого счастья нет. Но я уже не хочу счастья давно и отношусь к счастью принципиально отрицательно. Я очень много работаю, много борюсь и часто лезу на рожон, у меня много врагов, а друзья… друзья готовы выпить со мной рюмку водки и посудачить. Поэтому я всегда ощущаю себя на какой-то боевой позиции и готов к драке, но это уже больше привычка, чем стремление. В руках у меня нет такого дела, которое я готов защищать до последней капли крови. Пишу.

Сейчас развел повесть о любви – длинную повесть, в которой хочется сказать многое и многое вспомнить, поэтому сейчас я еще чаще вспоминаю о Вас.

В моей жизни Вы – самое глубокое и самое чистое воспоминание.

Отвечайте, очень прошу… очень…»

Последнее письмо от Макаренко Ольга Петровна получила за день до его смерти.

Согласитесь, не только Макаренко не чувствовал себя в этой любви жалким и униженным, но и мы его не видим таким. Наоборот, он выше своей возлюбленной и выше всех нас. В некоторых местах мы явственно ощущаем великодушную снисходительность любящего к любимой. И его превосходство именно в том, что он любит. Она его не любит? То есть у нее нет любви. Нет! А у него – есть! Она бедна любовью, а он любовью богат. Она любовью обделена, а он ею наделен.

Конечно, в любви прекрасна взаимность. Но, может быть, еще прекрасней любовь без взаимности. «Спасибо, что Вы живете на свете». И всё. Ничего выше этого нет. Тут – никакого эгоизма, только одна любовь.

Вы увидели Антона Макаренко – человека, который воспитывает? Особый интерес к воспитателю – логичен. Он – специалист по улучшению человеческого рода. То есть он нечто передает своим воспитанникам. То передает, что накопило человечество за свою историю. Но как это происходит? Может быть, независимо от того, каков сам воспитатель? Может быть, он – равнодушный посредник и только? Или, вольно и невольно, он передает и самого себя? И тогда он должен быть образцом? Или, наоборот, не образцом, а живым человеком, не лишенным всего человеческого?

Быть образцом, может быть, и надо, но – невозможно. Нет у нас образцов. Все мы – живые люди. И – слава Богу.

Антон Макаренко:

«Я думаю такой формулой: мое счастье – это не двусмысленная реальность, а счастье человечества, свобода и справедливость, правда и истина – это не больше, как гипотеза».

Да, счастье – гипотеза… Не больше как…

Чекисты

Беспризорная педагогика и чекисты

Даже тех исследователей, особенно зарубежных, которые признают Макаренко как великого педагога, одолевает смущение, когда они вынуждены упоминать о том, что Макаренко работал в системе ВЧК. У них мозги плавятся от короткого замыкания при совмещении в одном лице двух ипостасей – педагог и чекист. Это, в их глазах, несовместимо.

Что касается сочетания «Макаренко – чекисты», то в нем соседствуют два парадокса. Первый парадокс в том, что никто так не мешал Макаренко, не третировал его, как педагоги. А второй парадокс в том, что первыми помощниками Макаренко были чекисты. Все, что он сделал, – благодаря им. И вопреки педагогам-«олимпийцам».

Не кто-то другой, а именно педагоги добились того, чего добивались несколько лет, – уволили Макаренко, изгнали из колонии имени М. Горького. И что? А все то же: «Мою беспризорную педагогику немедленно „подобрали“… чекисты». «И не только не дали ей погибнуть, но дали высказаться до конца, предоставив ей участие в блестящей организации коммуны имени Дзержинского».

Враги ЧК видят издалека

Наших современников почти убедили в том, что ВЧК – это чернота без единого просвета. Внушили, что если есть на белом свете абсолютное зло, то это ВЧК. Представили чекистов как кровожадных преступников, которые только то и знали, чтобы убивать налево и направо.

Антон Макаренко воспринимал их иначе. Он, между прочим, задумал даже роман под названием «Чекисты».

Если вспомнить, соратники и сотрудники Дзержинского не только врагов революции выискивали, не только разоблачали, карали, томили их в тюрьмах и расстреливали, – они держали границы государства, их бросали на самые трудные – чрезвычайные участки народного хозяйства, например, наводить порядок на железной дороге. А еще им было поручено позаботиться о детях-беспризорниках. Если быть точным, они сами напросились на эту очень хлопотливую работу. Еще в 1921 году по постановлению ВЦИК была создана Комиссия по

улучшению жизни детей. Ее председателем был назначен Феликс Дзержинский, который «хотел бы стать сам во главе этой комиссии», чтобы «реально включить в работу аппарат ВЧК». В тот же день Дзержинский разослал всем органам ВЧК на местах приказ с предложением, что и как сделать для детей. Эта работа продолжалась десять лет – пока была насущной.

Но, начиная, чекисты очень скоро поняли, что мало отлавливать на вокзалах чумазых подростков и отправлять их в детские дома. Надо как-то прочнее устраивать их в жизни, находить для них наставников, выводить на путь истинный. В конце концов, беспризорники привели чекистов к педагогике. Но не к «обычной» школьной педагогике, а другой, особой, той, которая знает, с какой стороны подходить к малолетним преступникам, на каком наречии с ними разговаривать, как входить в контакт с ними и проникать в их души. Такой педагогики не было. Ее следовало создать. И чекисты принялись ее создавать.

Нет, не с чекистами воевал Макаренко, когда отстаивал свою педагогическую систему. Он воевал с «олимпийцами», с учеными мужами из органов народного образования, которые искали и находили в нем все мыслимые педагогические грехи, главный упор делая на том, что воспитание Макаренко – не советское, не «соцвос».

Безобразный образ Наробраза

Не удивительно, что Макаренко не любил ходить в «наробраз». Да и особой нужды в том не было. Все-таки это была чужая контора. Начальство-то у него другое, чекистское. Но педагогические чиновники при случае давали понять, что их права распространяются и на него. И разговаривали с ним свысока, с поучениями и претензиями. Особенно «достал» Антона Семеновича инспектор по фамилии Шарин. Разумеется, Макаренко не могло не раздражать то, что этот «очень красивый, кокетливый брюнет с прекрасными вьющимися волосами, победитель сердец губернских дам», пустослов, к месту и не к месту употреблявший несколько модных терминов, пытался учить уму-разуму директора детской колонии, которая «посреди общего моря расхлябанности и дармоедства стоит, как крепость».

Макаренко было скучно в очередной раз выслушивать набор обвинений, который выставляли ему в наробразе. Будто он наводит в колонии аракчеевскую дисциплину. Что «нужно строить „соцвос“, а не застенок». «Наказания? Наказания воспитывают раба». «Долг? Долг – буржуазная категория». «Честь?

Честь – офицерская привилегия»…

Неприязнь друг к другу густела, отношения обострялись. И однажды Шарин счел возможным арестовать Макаренко.

Повод: Макаренко без ведома ведомства принял в колонию бездомного пацана. Ведомство о том не ведало, но знал Особый отдел, знал и даже требовал принять. Дошло до того, что Шарин вызвал милиционера, который увел педагога в кутузку. А сам собрал комиссию и поехал в колонию. С обыском. Но с обыском ничего не получилось. Колонисты, грозя отколотить, прогнали «гостей» за ворота. И навострились спасать своего Антона. Правда, к тому времени Макаренко выпустили, и он вернулся в Куряж.

На первый взгляд, Макаренко никак не вписывался в систему ВЧК-НКВД. Виталий, родной брат – белый офицер, эмигрант, живущий где-то во Франции. Жена Галина Салько – дворянка, из рода Рогаль-Левицких. Исключена из партии – не прошла чистку. И это ни для кого не секрет: Антон Семенович добросовестно перечислил все свои «грехи» в анкете работника НКВД. К тому же и сам – беспартийный. С такой биографией – какой из него чекист? Скорее человек с подозрительным прошлым. Интеллигент, и вне НКВД не заслуживающий доверия, а он – внутри.

Правда анкеты и правда человека

Да, шли годы, а Макаренко оставался внутри «системы». Это, заметьте, через годы возбудило подозрительность некоторых потомков, которые уже в наше время стали допытываться: почему? Допытываются как раз те, которые ищут «всю правду» о Макаренко.

Вопрос исчерпывают два ответа. Первый – очень простой: Антон Семенович Макаренко был хорошим педагогом, чего не могли не видеть чекисты. И они не хотели расставаться с эффективным работником. Несмотря на изъяны его анкеты. Все-таки есть анкета и есть человек. Чекисты, разумеется, предпочли хорошего человека хорошей анкете. Второй ответ – не явный, но важный: и среди чекистов хорошие люди – не редкость. В том числе и «там», наверху.

Даже Гетц Хиллиг, в симпатиях к чекистам не замеченный, о начальнике НКВД Украины с 1923 по 1937 годы В. А. Балицком позволил себе такие слова, как «просвещенный и высокопорядочный чекист». Балицкий, как и Дзержинский, остро воспринимал страдания бездомных детей в лихую годину революции и гражданской войны. И когда он узнал о

деятельности Макаренко, стал ему помогать. Покровительствовать! Согласитесь, это звучит интригующе: главный чекист Украины – покровитель педагога Макаренко. Но какая в том интрига? Никакой. Макаренко лучше других помогал чекистам в работе, которая им поручена. И которая, к тому же, им по душе. И дело дошло до того, что чекисты подготовили коммуну «под Макаренко»: всё – пожалуйста, только работай.

Из первых рук: «Наш дом выстроили чекисты Украины за счет отчислений из своей заработной платы». «Чекисты Украины вовсе не были так богаты, чтобы строить дорогой завод, большие корпуса. Все дело в том, что чекисты обладали очень небольшими средствами, собранными путем вычетов из их жалованья. Они вложили в дело другой капитал».

Другой капитал? А какой? Что имел в виду Макаренко?

Из первых рук: «Они реализовали новые представления о человеке, позволяющие беспризорного поставить в первые ряды общества».

В. Н. Манцев, Ф. Э. Дзержинский, В. А. Балицкий. Фотография 1920 года

Конечно, на рубли или червонцы из жалованья не построить новейший завод, оснащенный новейшим импортным оборудованием. Наверное, чекисты, действительно, использовали и другую «силу своего коллектива», другой капитал – их возможности в те годы уважались всеми. Но – вдумаемся – на что они «отвлеклись» от своих прямых дел: на завод для детей. На завод – для детей! Но завод – не игрушка. И может ли государство позволить себе такие забавы в такое время?.. Оказывается, может.

Из первых рук: «В конце декабря 1927 года наш дом был готов и оборудован. Были расставлены кровати, в клубах повешены гардины и закончены художниками уголки. В библиотеке на полках стояло до трех тысяч книг, в столовой и на кухне все было подготовлено, и сам Карло Филиппович был на

месте. Кладовые были наполнены всем необходимым. И только тогда, когда все это было готово, в коммуну приехали первые коммунары».

Завод ФЭД – картинка. Длинное трехэтажное здание с четырьмя ризолитами и линейными окнами – в духе конструктивизма, вырвавшегося на «короткую» свободу в те годы. Ничего подобного этому заводу в мировой истории не происходило. Заглянем туда, рассмотрим все подробно.

«И на заводе, и в спальнях, и в клубах, и в столовой вас обязательно поразит какая-то совершенно исключительная опрятность и нарядность этого особого мира – мира до конца социалистического. Все здесь блестит и радуется: безукоризненный паркет, зеркала, блестящие никелем и чистотой станки, правильно сложенные детали и полуфабрикаты, портреты, гардины и цветы, солнечные пятна на каждой стене, сверкающие улыбки молодежи, снова цветы и снова улыбки».

«Да, это совершенно новый мир. И это мир – рабочий».

В. А. Балицкий

Пока «в кресле» сидел Балицкий, у Макаренко не было никаких профессиональных проблем. Он был недоступен «олимпийцам», завистникам и доносчикам. 1936 год, арест бывшего начальник отдела, в котором работал Антон Семенович, – Л. Ахматова. И он на допросах назвал Макаренко в числе членов «троцкистской террористической организации». Казалось, опасность – у порога. Следующий шаг – арест. Все –

предопределено. Но еще в силе Балицкий. Он приказал вычеркнуть фамилию Макаренко из протокола допроса и тем спас человека, имя которого облетит весь мир.

Однако через год «в список» попадет сам Балицкий, и его тут же расстреляют. Наверное, гибель Балицкого натолкнула Макаренко на невеселые размышления. Может быть, и до этого у Антона Семеновича были поводы для сомнений, но расправа над Балицким подводила под ними черную черту. Как бы то ни было, но Макаренко отказался от романа о чекистах.

«Я страстно люблю детей»…

Да, Макаренко работал в ВЧК-НКВД. Да, он работал у Дзержинского. А кто он, Феликс Дзержинский? Железный человек, не знающий жалости и сострадания? Кровожадный нарком, будто сорвавшийся с цепи? Упивающийся чужими страданиями террорист? О нем много написано всякого разного. Теперь пусть он сам скажет о себе в разные годы, откровенно и сокровенно.

«Я так хотел бы познать красоту в природе, в людях, в их творениях, восхищаться ими, совершенствоваться самому, потому что красота и добро – это две родные сестры».

«Везде страдания, тяжкий труд и нужда».

«Я видел и вижу, что почти все рабочие страдают, и эти страдания находят во мне отклик».

«Я не умею наполовину ненавидеть или наполовину любить».

«Я хотел бы обнять своей любовью все человечество, согреть его и очистить от грязи современной жизни».

«Не стоило бы жить, если бы человечество не озарялось звездой социализма, звездой будущего».

«И когда небо безоблачно, вечером заглянет ко мне за решетку звездочка и как будто говорит тихонько, когда, забывшись, я как бы вижу живую улыбку Ясика и его глаза, полные только любви и правды».

«Я все еще ношу кандалы».

«Я всегда любил детей. С ними чувствовал себя сам беззаботным ребенком, с ними мог быть самим собой».

«Только детей и жаль! Я встречал в жизни детей, маленьких, слабеньких детей с глазами и речью людей старых, – о, это ужасно! Нужда, отсутствие семейной теплоты, отсутствие матери, воспитание только на улице, в пивной превращают этих детей в мучеников, ибо они несут в своем молодом маленьком тельце яд жизни, испорченность. Это ужасно! Я страстно люблю детей».

Ф. *Э. Дзержинский*

«Часто, часто мне кажется, что даже мать не любит детей так горячо, как я».

«Я нахожусь в самом огне борьбы».

«Работа и борьба адская. Но сердце мое в этой борьбе осталось живым, тем же самым, каким было и раньше».

«Мы вовсе не собираемся уничтожить всех тех, кто раньше был капиталистом. Наоборот, мы приглашаем их к себе на службу, но при этом говорим: „Будьте честными, не вносите в наши ряды развала, и вы будете уравнены со всеми трудящимися“».

«Кольцо врагов сжимает нас сильнее и сильнее, приближаясь к сердцу. Каждый день заставляет нас прибегать ко все более решительным мерам».

«На нас двинулся весь мир богачей».

«Прошу проверить обоснованность всех арестов».

«Я не могу быть председателем ВСНХ – при таких моих мыслях и муках».

«Почти совсем не выхожу из моего кабинета – здесь работаю, тут же в углу, за ширмой, стоит моя кровать. В Москве я нахожусь уже несколько месяцев. Адрес мой: Б. Лубянка, 11».

Я думаю, Дзержинский и Макаренко, встретившись в доверительной беседе, хорошо понимали бы друг друга, – первый чекист и первый педагог страны.

Известно, что после коммуны Макаренко оказался в Киеве, в органах НКВД. Он стал чекистом-чиновником. В том было мало радости. Удовольствие было разве что от того, «как закопошился и начал расползаться „Олимп“, спасаясь от едких порошков чекистской дезинфекции». Он неожиданно поднялся над «олимпийцами». И имел удовольствие увидеть их страх и растерянность. Да, признавался Макаренко, он не испытывал никакого сострадания к «Олимпу», к этому «гнезду бактерий, несколько лет назад уничтожившему мою колонию». В сущности, это были его враги. И не только его.

Очень скоро Антон Семенович написал рапорт об увольнении, сославшись на то, что «в административном аппарате польза от него ничтожна». И это была правда.

В начале 1937 года он уехал в Москву.

«Секретный визит» в кремль

По легенде, в один из летних дней 1927 года Антона Семеновича вызвали в Кремль. Педагога принял сам Сталин. Разговор был об очень секретном и далеком от педагогики деле – о создании центра подготовки разведчиков и диверсантов. Провожая, вождь дошел с Макаренко до открытых дверей своего кабинета, и потому последнюю фразу слышали люди в приемной. Сталин сказал: «Вам не станут мешать. Однако помните, что от вашей работы во многом будет зависеть безопасность страны».

Я не знаю, встречался ли Макаренко со Сталиным. Не исключено, что встречался. Если разговор был не для всех, потайной, то, естественно, о своем визите в Кремль Макаренко мог умолчать. Как бы то ни было, секретное подразделение как будто вошло в состав колонии. Поселилось в ней. Не уверен, что это хорошо. Не думаю, что Антон Семенович был в восторге от такого соседства. Впрочем, сведения об этой странице в жизни Макаренко скупы и не дают сказать о ней что-то определенно.

Однако говорят, что воспитанники Макаренко работали за рубежом, в том числе с Рихардом Зорге в Шанхае.

Антон Макаренко сотрудничал с властями? Сотрудничал. И знался со Сталиным? Может быть, и знался. А что – нельзя? Надо всегда и везде – против своего государства?

Это – другое время. Это – 1927 год. Сталин еще не тот, каким станет через десять лет. Страна, после небывалой в мире революции, жила верой в себя, в свое будущее, в своих вождей. И Макаренко, как все, был уверен, что если где-то что-то не так, в том вина властей на местах, а не кремлевских вождей. И надо всего лишь, чтобы в Кремле об этом узнали, – и сразу же будет

наведен порядок.

Страна надеялась, что на этот раз, наконец-то, впервые в мире, в России восторжествует справедливость, которую она выстрадала в войнах и революциях…

То, что произошло в России в 1917 году и позже, Макаренко принял без восторгов, но сочувственно. Социалистический идеал был ему близок. Но одно – идеал, а другое – реальность. В ней многое отталкивало. Однако я не согласен с Гетцем Хиллигом в том, что Макаренко скрывал свои политические убеждения. Будто он «мог производить впечатление, что является истинным приверженцем советского строя». Нет, я думаю, что Макаренко не из тех, кто «производит впечатление». Если же согласиться, что он вел двойную игру, то разваливается весь его образ. Это будет другой человек.

Молодые годы остались в памяти у Макаренко в унылых тонах – захолустье, глушь, серое небо, скучные безнадежные дни… Он чувствовал себя на обочине жизни, в то время как «сама дорога была предоставлена господам. Они мелькали мимо нас в каретах и колясках, блистали богатством, красивыми платьями и красивыми чувствами». «Это была мерзкая жизнь». «Это была та жизнь, которую мы научились по-настоящему ненавидеть только теперь, после Октября». Еще о прошлом: «Когда я перелистываю страницы моей жизни, в памяти возникают ужасающие годы беспросветной реакции, наступившей после 1905 года».

Если у кого-то есть сомнения по поводу того, как сильно Макаренко верил в революцию и социализм, то в этом смысле сомневаться не в чем. Есть, как говорится, документы. Авторские. Личные свидетельства. Прямые. Без обиняков.

Пожалуйста: «Октябрьская революция внезапно открыла передо мной невиданные просторы для развития свободной человеческой личности, открыла богатейшие возможности в моей воспитательной работе».

Пожалуйста: «Мы – те, которые вступили в трудовую жизнь в 1905 году, воспитывали нашу мысль и волю в учении марксизма, в борьбе Ленина и партии большевиков».

Ему не все нравилось?

Не все. А кому и когда нравилось все? Суть в другом – негатив, который он видел в новой жизни, был для него поводом не для злорадства, а для горечи.

В изъянах, ошибках и прорехах нового строя он видел не желанное средство для борьбы с социализмом, а, наоборот, повод для его улучшения и утверждения.

А. С. Макаренко, 1905

Антон Семенович без запинок пользовался советской риторикой. Он не противился, если бы его называли большевиком, но – беспартийным. В партию он не хотел. Потому что, да, не все в ней нравилось. Но главное, он, как, кстати, и Владимир Маяковский, не хотел себя связывать партийной дисциплиной. Он предпочитал самостоятельно распоряжаться своей судьбой и приносить пользу своей стране на своем месте, а не на том, куда пошлет партия. На этот счет Антон Семенович высказался прямо: он «предан до отказа», но не вступает в партию, «потому что так удобнее работать». Вообще он не был человеком публичного активизма, не был трибуном митинговых стихий, не из тех подручных, которые всегда на подхвате и всегда, действительно, – под рукой.

На самом деле, Макаренко был связан с советским строем и социализмом гораздо теснее, чем может показаться. Потому что без советского строя и социализма немыслима его педагогика.

Максим Горький

Кто воспитывал воспитателя Макаренко?

Антон Макаренко воспитывал «пацанов». Это ясно. Простите, но кто воспитывал самого Макаренко? Если признать, вслед за всем миром, что он велик, то кто воспитал великого человека?

Да, конечно, родители. Наверное, в характере Антона Семеновича были такие черты и черточки, которые привились ему от матери и отца. К сожалению, у нас нет никакой возможности выяснить, что именно Антон «взял» у родителей. Что-то взял. Не мог не взять. Что-то интимное, тонкое, теплое… И – глубокое, но – не публичное.

Однако, я допускаю, что-то очень важное родители не дали сыну. Или он пренебрег тем, что имели отец с матерью. А потом всю жизнь ему этого, родительского, не доставало. Могло случиться и так, что в душе Макаренко – неосознанно – затаилась обида на родителей. За что-то. За привязчивые болезни. За обличье, которое ему досталось… Кто знает…

Родители А. С. Макаренко – Семён Григорьевич и Татьяна

Михайловна. Кременчуг, 1913

Осмелюсь сказать, что родителям было трудно с Антоном. Сын вел себя не так, как им хотелось бы. Они его плохо понимали. Он рос необычно. Он не давался им. Весь – внутри, а вовне – ершистость, вроде бы ему не присущая. Вдруг объявил, что – женится. Отец – против, негодует. Конфликт. Размолвка.

Долгая. Почти на всю жизнь.

У молодого Макаренко, кроме родителей, были другие – и более глубокие – воспитатели.

Книги – они стояли между сыном и родителями. И они стали его главными воспитателями.

Он сам: «Батько мой был человеком старого стиля, он учил меня на медные гроши, впрочем, других у него не было. Учили меня книги».

Книг было много. Среди других – Антон Чехов. Макаренко не мог пройти мимо него. До поры до времени «стоял» на Чехове. Но чему мог научить Чехов? Прощанию с прошлым? Грусти листопада? Провожанию уходящего? Томлению в сладком тумане? Чехов никуда не звал. Он и сам не знал, куда идти. И надо ли идти куда-то. Ведь если идти, то вперед, а что впереди – неизвестно.

Может быть, Антон Павлович Чехов был мудрее всех и раньше других понял, что все в жизни тщетно, однако молодой Макаренко был настроен иначе. Исподволь в нем зрело чувство протеста. Стремление что-то изменить. Как-то в этой жизни определиться. Понять, где какие стороны. Где солнце восходит и где заходит. Почему наступает ночь и неизбежен ли рассвет? И однажды он прозрел. Он пришел к Горькому. Или Горький пришел к нему.

Пришествие Максима Горького

«Так началось мое сознание гражданина. Я не могу отделить его от имени Горького».

«На моих глазах задрожали вековые ночи Российской империи. Горький пришел и сказал: – Буря, скоро грянет буря!»

«Ни с чем не сравнить по своему значению „На дне“. Я продолжаю думать, что „На дне“ – совершеннейшая пьеса нового времени во всей мировой литературе. Я воспринял ее как трагедию».

«Это имя знаменовало для нас и высокую убежденность в победе человека, и полнокровное человеческое достоинство, и полноценность человеческой культуры, которая освобождается от

проклятия капиталистической „цивилизации“».

«Видеть хорошее в человеке всегда трудно». «Хорошее в человеке приходится всегда проектировать, и педагог это обязан делать. Он обязан подходить к человеку с оптимистической гипотезой, пусть даже с некоторым риском ошибиться».

«Тогда я прекрасно понял, что эта [советская] педагогика вся находится в горьковском русле оптимистического реализма».

«Горький вплотную подошел к нашему человеческому и гражданскому бытию. Особенно после 1905 года его деятельность, его книги и его удивительная жизнь сделались источником наших размышлений и работы над собой».

А. М. Горький

«Вся моя последующая жизнь была посвящена тем людям, которые в старом мире обязательно кончали бы в ночлежке».

«Я обратился к своим первым воспитанникам и постарался посмотреть на них глазами Горького».

«Революция поручила мне работу „на дне“, и, естественно, вспоминалось „дно“ Горького».

«Передо мной всегда был образ того, кто сам вышел из недр

народных. Так, когда я должен был указать моим „босякам“ образец человека, который, пройдя через „дно“ поднялся до высот культуры, я всегда говорил: – Горький! Вот образец, вот у кого учиться!»

Первое письмо колонисты отправили в Сорренто Максиму Горькому в 1925 году. На ответ не очень надеялись. Но ответ пришел, и очень быстро. Завязалась переписка. Каждый отряд готовил свое письмо, рассказывал о своих делах, как бы отчитывался перед писателем. Письма всех 28 отрядов собирали в огромный пакет и отправляли в Италию. И писатель находил время читать «этот детский лепет» и отвечать на него. Переписка продолжалась три года. «Личная встреча была потребностью и радостью не только для нас, но и для Алексея Максимовича». И когда Горький вернулся в Советский Союз – не мешкая, отправился в колонию.

Великий писатель – гость колонии

Антон Семенович Макаренко так хорошо написал о встрече Горького и его пребывании в колонии, что эту главку я охотно отдаю ему.

«В начале июля, в самый разгар жатвы, почетный караул горьковцев с оркестром и знаменем выстроился на перроне харьковского вокзала. Алексея Максимовича встречали тысячи людей. Выглянув из окна вагона, он сразу узнал нас и приветливо протянул нам руки.

На другой день он приехал в колонию. Ребята встретились с ним как родственники, с глубочайшей теплотой дружбы, и как читатели, и как граждане Советской страны. Алексей Максимович прожил у нас три дня. В здании школы ребята приготовили для него большую комнату, любовно украсив ее зеленью и цветами.

Алексей Максимович вставал вместе с нами – в шесть часов утра. Ему не пришлось тратить время на ознакомление с нашими делами: всё ему было известно. Многочисленные письма наших двадцати восьми отрядов, все до одного, были им прочитаны, и он ничего не забыл из того, что было там написано. Он знал не только фамилии, но имена всех командиров, а также других ребят, о которых ему писали. Он знал, как ведется наше хозяйство. Ему хорошо были известны дела свинарни – главного нашего богатства. В колонии была замечательная свинарня, устроенная по последнему слову техники. В ней воспитывалось триста чистокровных английских свиней.

Антон Макаренко и Максим Горький с колонистами, 1928

Даже расположение наших построек было ему знакомо. В первое же утро, зайдя в его комнату, я уже не застал в ней нашего дорогого гостя. Я увидел его только за завтраком в общей столовой. Он сидел, тесно окруженный ребятами одиннадцатого отряда, и деревянной ложкой ел гречневую кашу. За его спиной стояла в белоснежном халате „дежурная хозяйка“ – одна из девушек-воспитанниц – и чуть не плакала.

– Алексей Максимович, как же это так: для вас завтрак готовили, а вы взяли и пришли сюда, в отряд. А мы там хороший завтрак…

Он лукаво поглядывал на ребят, пригласивших его завтракать, и оправдывался:

– Послушай… чего ты пристала? Это же каша… такая замечательная…

Ребята были в большом затруднении: с одной стороны, им хотелось, чтобы Алексей Максимович завтракал за их столом, а с другой стороны, выходило как-то неловко – они лишили Алексея Максимовича какого-то лучшего завтрака, приготовленного для него дежурной хозяйкой. Петька Романченко нашел выход из положения:

– Алексей Максимович сначала у нас позавтракает, а потом съест твой завтрак, Варя, хорошо?

Горькому этот выход очень понравился. Он оглянулся на хозяйку и добродушно развел руками:

– Ну, вот, видишь. Чего же ты волнуешься? А твоего завтрака на нас хватит?

– На кого – на вас?

– На меня и на них… вот… на одиннадцатый отряд.

– Так они… Вот еще новости! Их же пятнадцать человек!

– Не хватит, значит?

Дежурная хозяйка в панике бросилась на кухню. По дороге налетела на меня и с возмущением забормотала:

– Эти… одиннадцатый… всё напутали… Всё испортили.

Я ей посоветовал подать „горьковский“ завтрак на стол одиннадцатого отряда. Там началось пиршество, и Горький смеялся больше всех, глядя на кусок зажаренной свинины, одиноко лежавший на тарелке. Одиннадцатый отряд, конечно, краснел и отказывался от встречного угощения. Так ничего и не вышло из отдельной кухни, организованной для гостя заботами наших юных хозяек.

Горький с колонистами на сенокосе

После завтрака Алексей Максимович ходил между командирами и договаривался, куда ему отправляться на работу. На самых далеких полях убиралось яровое, но туда нужно было ехать, а Горький ни за что не хотел ехать на линейке, так как откуда-то узнал, что для этого нужно снять с работы лошадь. Но и в этом случае был найден выход. Алексея Максимовича усадили на жатвенную машину. Держаться на железном сиденье жатки было довольно трудно, но жатку окружил целый отряд, и упасть Алексею Максимовичу было некуда.

Он шутил:

– На чем только я не ездил, а на таком экипаже еще ни разу

не доводилось.

В поле он отказался от косы:

– Какой я косарь? Ну вас, смеяться будете!

– Нет, не будем смеяться, Алексей Максимович! Вот острая коса, это для вас приготовили.

– Я лучше вот эту штуку возьму.

Он взял вилы и помогал ребятам подгребать колосья. Ребята окружили его и, рассуждая о разных хитростях работы вилами, успевали подбирать за него все колосья. Алексей Максимович обиделся:

– Что же ты… Слушай, оставь же и мне что-нибудь…

Прибежал дежурный командир:

– Это для чего Алексею Максимовичу вилы дали? Он гость, а вы его… работать! Алексей Максимович, там вас столяры ожидают. У них сейчас сдача ульев.

Алексей Максимович понимал, что нельзя никого обижать. Поэтому в течение рабочего дня он успевал побывать на всех работах.

В бывшей зимней церкви он рассказал колонистам, как много лет тому назад он пришел в этот самый монастырь, чтобы поспорить со знаменитым святошей.

Макаренко и Горький, 1928

В свинарне он обеспокоенными глазами наблюдал, как поросится „Венера“, и принял на свои руки первого великолепного английского поросенка.

После работы и ужина все колонисты собирались вокруг Горького. Один вечер был посвящен постановке „На дне“ силами ребят. Горького посадили посредине зала и во время действия на сцене рассказывали ему разные подробности об актерах. Больше всего понравилась Алексею Максимовичу игра колониста

Шешнева, изображавшего Сатина. На другой вечер был концерт.

А потом пришел третий день, и Алексей Максимович должен был уезжать. Глаза колонистов с утра сделались удивленными: как это так – уезжает Горький!

Ребята выстроились на дворе. Развернули знамя, подали команду. Но не было уже в этом строю никакой торжественности, было только одно стремление: как-нибудь удержать прощальные слезы. Алексей Максимович проходил по рядам, пожимал всем ребятам руки и ласково-грустно улыбался.

Большой нарядный автомобиль был прислан за ним из Харькова, и шофер заботливо распахнул блестевшую лаком дверцу»…

«Поэма» – увековечивание опыта

В те три дня, по вечерам, когда дети укладывались спать, и много раз после у Макаренко была возможность проводить время с Горьким в долгих беседах. Говорили о разном, но все больше, разумеется, о воспитательстве и писательстве. И нельзя сказать, что в тех разговорах один излагал, а другой внимал. Воспитатель Макаренко не мог не интересовать писателя Горького. Ведь, в сущности, они оба занимались одним делом – воспитанием человека. Писатель это делал через свои книги – долгим окольным путем. А воспитатель менял, переделывал человека, работая с ним, «с материалом», непосредственно и имея наглядный и близкий результат. И Горький, конечно, не мог пропустить такой опыт воспитания – когда вчерашний уголовник становится «правильным» человеком. Сам Горький на такое никак не мог рассчитывать. В каком-то смысле он, может быть, завидовал Макаренко. Да, разумеется, воспитанников у Макаренко – сотни, а читателей у Горького – тысячи и тысячи. И все-таки увидеть чудо перевоплощения человека – не театрального, не на сцене, а в реальной жизни – этот соблазн не мог не тронуть Горького.

Алексей Максимович настаивал, и очень терпеливо, чтобы Макаренко переложил на бумагу свой педагогический эксперимент, в котором драма жизни переплеталась с драмой теории. Горький не мог допустить, чтобы этот опыт остался устным, то есть единичным. Однажды он даже прислал Антону Семеновичу деньги, чтобы тот на время оставил педагогику и сел за книгу. И когда книга все-таки была написана, Горький все сделал, чтобы ее за короткий срок издать.

Писательство Макаренко – отдельная тема. Антон Семенович изначально – педагог. Педагогика-то и принудила его взяться за

перо. И даже тогда, когда к нему пришла писательская слава, она стала данью педагогике.

Это тот случай, когда человек сделал что-то такое, о чем нельзя не оповестить «весь мир». Здесь важно не то, как написано, не изыски стиля, не кружева формы, а само содержание, которое захватывает, независимо ни от чего. Впрочем, Макаренко хороший рассказчик, и его книги читаются легко с первой до последней страницы. Макаренко не мечтал стать писателем. Писателем его сделала жизнь, прежде всего своя собственная. Не дар слова делает писателя, а его биография, то есть тот горячий опыт, который накопила душа. Когда есть что сказать, тогда ты писатель. У Макаренко все было наоборот: сама жизнь, сама педагогика не оставляла ему времени, чтобы стать писателем. И если он все-таки им стал, то благодаря педагогике и ради нее.

В первые годы после революции литература так и создавалась: книги пересказывали жизнь. В жизни происходило то, что уже было готовой книгой. Это надо было только перенести на бумагу. Если даже изложить не так искусно, как это делали классики, книга читалась взахлеб. Она становилась бестселлером. Такой книгой была

«Как закалялась сталь» Николая Островского. Для кого она написана? Для тех, кто стоял перед выбором: с кого делать жизнь? Островский написал свою «педагогическую поэму». А повести Аркадия Гайдара, та же «Тимур и его команда», – разве не воспитательные?

В 1928 году вышла книга Виктора Кина «По ту сторону». Она такая же – о том, что испытано и пережито в те буревые годы. Кстати, Виктор Кин редактировал «Рожденные бурей» Островского.

Не знаменательно ли, что сразу после гражданской войны Лидия Сейфуллина написала повесть «Правонарушители», которая, между прочим, произвела на Макаренко сильное впечатление? То, что было остро и горячо в жизни, – само напрашивалось на «художественное», а по сути – на документальное увековечивание. Когда жизнь богата «историческими» событиями, всегда находятся ее летописцы. Теперь даже и представить нельзя, что Макаренко не написал бы свою «Педагогическую поэму». И Максим Горький лучше других понимал, что похоронить опыт Макаренко – непростительно.

Можно гадать, как сложилась бы писательская судьба Антона Семеновича – уже как профессионального писателя. Ушел бы он от педагогической темы или был бы ей верным? Оставался бы «документалистом» или прибегал бы к «выдуманным» сюжетам? Известно, что он намеревался написать книгу о любви. Сразу же

вопрос: сколько в ней было бы педагогики?

Гадать не будем. Получилось так: Макаренко был воспитан книгами, а потом, своими книгами, он воспитывал других.

Признание

Он покорил весь земной шар

Вообще – признан ли педагог Антон Макаренко? Еще бы! Признан! Всем миром признан. И признается до сих пор. Макаренко – и сегодня «горячо». Виктор Опалихин, челябинский ученый, неутомимый пропагандист системы Макаренко: «Ни один педагог в мировой истории не вызывал столько споров и такого интереса». Макаренко – продолжается. Его слава кругами ходит по земному шару, опоясывая его по разным широтам. Судите сами.

ЮНЕСКО признает, что имя советского педагога – среди ста великих людей XX века. Сказано – «великих».

ЮНЕСКО информирует, что Антон Макаренко – всегда в числе самых читаемых писателей мира. А о чем читать у Макаренко? О педагогике.

ЮНЕСКО объявляет: 1988 год – международный год Антона Макаренко. (До него среди россиян этого удостаивались только Ленин и Ломоносов).

ЮНЕСКО подытожило, что способ педагогического мышления в XX веке определили четыре человека – Д. Дьюи, Е Кершенштейер, М. Монтессори и А. Макаренко.

ЮНЕСКО, международное бюро просвещения в нем, в конце XX века отобрало сто педагогов-философов, входящих в «Еалактику пайдейи». Среди русских имен в этой «галактике» – П. Блонский, Л. Выготский, К. Ушинский, Л. Толстой и А. Макаренко.

А. С. Макаренко сравнивали и сопоставляли едва ли не со всеми известными педагогами мира. Нет числа этим сопоставлениям: Макаренко и Е Кофода, Макаренко и Е Куршенштейнер, Макаренко и Е Песталоцци, Макаренко и Э. Фромм, Макаренко и В. Франкл.

А еще его сравнивают с А. Нилом, Д. Джоунзом. А еще с В. Сухомлинским, М. Погребинским, И. Иониным, М. Пистраком, Н. Поповой, С. Шацким.

А. С. Макаренко – руководитель коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, 1930

В 1932 году в коммуну имени Дзержинского приехала делегация из Франции. Возглавлял ее премьер-министр Эдуард Эррио. Делегация – так делегация. Из Франции – так из Франции. Премьер-министр – так премьер-министр. В коммуне привыкли к делегациям. К заграничным – тоже. Видывали и премьер-министров.

Французы прибыли в середине дня. Вся коммуна – на работе, в поле. На месте только дежурный командир. Он и встретил гостей. Не растерялся. Дело привычное, изученное. Как положено, приветствовал. Как предписано, повел по цехам. Французы удивлялись и тому, и этому, но более всего тому, что коммунары вполне обошлись без своего начальника, вообще без взрослых. Слово «коммуна» для французов, можно сказать, родное и близкое, но здесь, в России, они неожиданно оказались в детской коммуне, в которой отлично и даже буднично функционировало самоуправление. То самое самоуправление, которое мало кому давалось в истории.

Когда коммунарский оркестр затеял музыку Бизе, Эррио даже прослезился: вчерашние бездомные дети – и Бизе… «Я потрясен, – повторял он. – Я видел сегодня настоящее чудо». Впрочем, у него

было одно замечание, о котором премьер-министр сказал Макаренко, когда они встретились позже. Эррио не понимал, почему в коммуне бок-о-бок живут правонарушители и «нормальные» дети. И Антон Семенович объяснял ему, что «нормальных» детей надо научить сопротивляться вредному влиянию. Что от него, от вредного влияния, нельзя изолировать, где-нибудь когда-нибудь «нормальный» ребенок с ним столкнется. Пусть столкнется, но должен устоять.

В 1989 году в Марбурге собрался международный симпозиум, посвященный творчеству Макаренко. Там, очень далеко от России, о нашем педагоге держали ученые речи доктор Зигфрид Вайц, профессор Н. Ярмаченко, профессор Кристы Улич, Роза Эдвардс (США), Л. Левин (Польша), Харальд Расмуссен (Дания), Кари Мурто (Финляндия). Кстати, там же, еще в 1969 году, по инициативе профессора Фрёзе была создана лаборатория «Макаренко-реферат», которая подготовила 20-томное собрание сочинений педагога на двух языках.

В США Макаренко известен еще с 1928 года. О нем впервые рассказала Люси Вильсон в книге «Русские идут в школу». Она приезжала в Россию, посетила колонию имени Горького, встречалась с Макаренко.

В 1939 году на Всемирной выставке в Нью-Йорке американцы имели возможность познакомиться с книгой Макаренко «Дети в стране социализма».

Американские ученые Д. Боуэн и С. Лерман защищали диссертации «по Макаренко».

Американская учительница М. Сандерс назвала Макаренко «отцом мировой педагогики».

Создано правление международной ассоциации А. Макаренко, в которую, кроме представителей России и Украины, входят немец Гетц Хиллиг, итальянец Эмилиано Меттини, венгр М. Хашковец, поляк Мариан Быглюк. Очень активен Г. Хиллиг. Он перебрал все мыслимые архивы, перелистал все мыслимые подшивки газет. В том числе газету «Фэдовец» за 1936 год, в которой обнаружил несколько заметок И. Д. Токарева, которые учтиво переправил автору.

А. С. Макаренко «вытащил со дна» и дал путевку в жизнь трем тысячам подростков. Его воспитанник и последователь С. Калабалин к трем тысячам «пацанов» учителя прибавил еще семь тысяч спасенных судеб.

Первые музыканты-колонисты, 1927

Среди тех, кто продолжал и продолжает дело А. Макаренко: А. Г. Явлинский, В. В. Кумарин, Г. М. Кубраков, В. М. Опалихин и др. Среди его последователей не только педагоги. Система Макаренко заинтересовала производственников, например, рабочих, перешедших на бригадный подряд. В том числе известного бригадира В. Серикова.

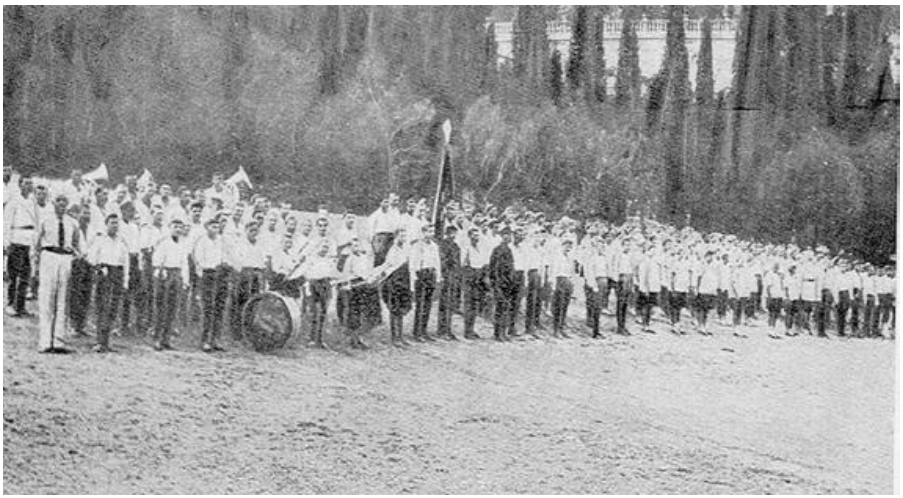
Среди известных и прославленных

Сентябрь 1931 года. В одном из писем жене Антон Семенович дает ей увидеть такую картину: «Ехать на пароходе, на котором только коммуна, это совершенно особое удовольствие. Без всяких виз мы будем иметь право заходить во все порты, можем сходить на берег, только ночевать нельзя. А на что нам ночевать? Лучше всего ночевать в нашей каюте, правда же, Лисичка.

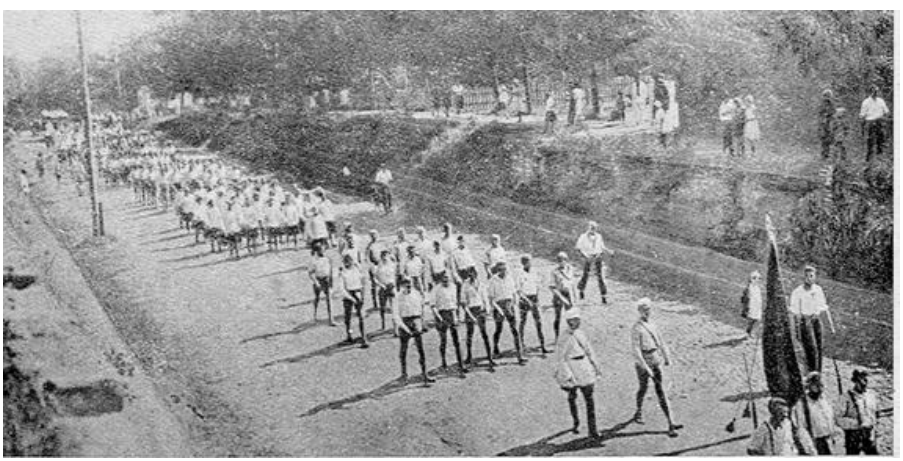
Заходить будем в такие порты: Константинополь, Афины, Генуя, Лондон, Гамбург. Может быть, к тому времени, говорил капитан, будет разрешено заходить в Марсель. Марш коммунаров с красным знаменем по Парижу. Это, оказывается, не такая уж далекая мечта».

Я не знаю, о каком коммунарском круизе писал Макаренко, мечта это его или несбывшийся проект, но я почти уверен, что марш коммунаров по Парижу – высший успех для Макаренко, высшее признание, триумф, апофеоз, полная победа. В свое время он завидовал брату Виталию, который имел возможность прогуливаться по Ницце, по Венеции и Парижу. Но то променад одинокого изгнанника. А если не один, а с коммунарами, да под

красными знаменами, да с оркестром, как представители великой державы – вот это ответ и брату, и Европе, и всему миру…



«Марш 1930 года» (коммунары в Ялте)



Строй коммунаров в Сочи, 1931

Марши коммунаров восхитили многие города Советского Союза. Они произвели бы впечатление и на Европу. Если бы пароход и если бы разрешение заходить в порты…

Еще два раза сошлюсь на письма Антона Семеновича. Первое относится к 1931 году. Он пишет жене: «Пудовкин прибежал и на коленях просил отложить на завтра. Он здесь снимает картину „Теплоход пятилетки“. Третьего дня на улице он влюбился в наши белые костюмы и в звуки нашего оркестра. Снимает он звуковую картину и поэтому аж дрожит от такого невиданного сочетания зрительной красоты и хорошего оркестра».

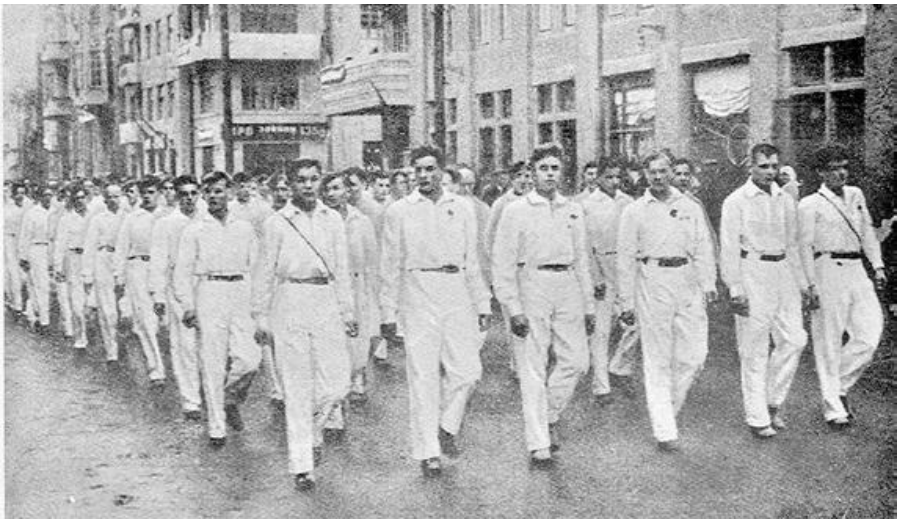
Второе письмо – конца 1937 года: «Еду скучно. Страшно

жалею, что поехал. В одном купе со мной Фадеев, Серафимович, Гладков – все старики». Уже из Тбилиси: «Живу в номере 55-м вместе с Гладковым и Серафимовичем. Старики очень милые и со мной подружились, мне с ними спокойнее, и разговоры замечательные». А это – из Кисловодска: «Первый, кого я встретил, был, конечно, Чуковский. Он заорал на весь вестибюль, что это замечательно, это очаровательно»…

Вы уловили хвастливую нотку, которая так и перебегает от письма к письму мужа жене? Мол, его Пудовкин «на коленях просил», что с Фадеевым в купе – обыкновенный попутчик, что Гладков с Серафимовичем – да, «милые старики»… Но, что ни говори, Макаренко – в кругу известных. Точнее, самых известных и прославленных. Не скажу, что он именно этого и добивался. Шумная слава, наверное, его быстро утомила бы. Не славы, а признания он хотел. Писательского? Педагогического? Я думаю, и того, и другого. Но – признания. И, прежде всего, себя – самим собой.

Если бы в те же годы сошлись дороги педагога Антона Макаренко и композитора Исаака Дунаевского, то, пожалуй, ничего бы не произошло. Встретились и разошлись. А на чем они могли бы сойтись – педагог и музыкант? Но, оказывается, им было бы о чем поговорить. Позже, в 1950 году, Дунаевский писал Р. Рыськиной: «Я нахожусь под сильнейшим впечатлением от прочитанной „Педагогической поэмы“ Макаренко. Я просто не понимаю, как я, зная про эту книгу столько лет, не удосужился ее прочитать и высказать свое восхищение автору, ныне уже умершему. Эта замечательная книга сильна своей жестокой правдой. Вот где школа человеческих характеров. Эта школа заключается в том, что человек должен видеть конечный результат, сияющие дали».

Может быть, композитор Дунаевский «нашел» в педагоге Макаренко сущую суть его: без «сияющих далей» нечего делать – ни в педагогике, ни в музыке, ни в жизни вообще. Когда ничего не сияет впереди, и жить не хочется. Человеку и человечеству надо куда-то идти, к какой-то цели. Разумеется, светлой. Желательно – сияющей. Это у них, у педагога и композитора, общее – «сияющие дали». И не только, однако, у них. То было короткое время, когда люди в России увидели впереди сияние и двинулись к нему…



Строй коммунаров в Харькове, 1932

Воспитание

Воспитание… Вос-питание.

Приставка «вое-» имеет в виду некую высоту. Возвышение. Восходить. Воспрянуть. Воспарить. Восстать. Восшествовать. Воссоздать. Восславить…

Воспитание – «высшее питание». Духовная пища.

Переделки, переломки, переплавки, перековки…

Антон Макаренко: «Главной моей задачей было не образование, а воспитание».

В. Кумарин: «В сочинениях Макаренко, их пять томов, в них не найдете даже страницы, где бы анализировался учебный процесс».

Да, так именно: воспитание, а не образование. Не учеба. Не знание. Это – отдельно. И проще. Значительно проще. И не так важно. Конечно, образование – не совсем отдельно от воспитания, стыки – перекрываются, но одно дело – набить пустую головку знаниями, а другое – дать пищу душе.

Антон Макаренко: «Воспитание детей – самая важная область нашей жизни. Наши дети – это будущие граждане нашей страны и граждане мира. Они будут творить историю. Наши дети – это будущие отцы и матери, они тоже будут воспитателями своих детей».

Какие у нас, у людей, проблемы – в экономике, в быту, в семье, где бы то ни было еще? Проблемы – человеческие. От человека. Зачем нам прокуратура, полиция, суды, тюрьмы? А для того, чтобы как-то спрятать, унять человеческие пороки. Почему мы плохо работаем? Почему рушатся семьи? Откуда коррупция? Все свои проблемы мы создаем сами. Они – от нашего несовершенства. Говоря упрощенно, мы плохо воспитаны – отсюда и наши беды.

Младшие воспитанники коммуны им. Дзержинского

Воспитание человека – главное дело человечества. Ничего главнее нет. Собственно, человечество-то и само создано воспитанием. И продолжает создаваться. Все сводится к тому, чтобы не умножать человеческие дефекты, а сокращать их. Не штамповать их из поколения в поколение.

Антон Макаренко: «Правильное воспитание с самого раннего детства – это вовсе не такое трудное дело, как многим кажется. По своей трудности это дело по силам каждому человеку, каждому отцу и каждой матери».

Самые первые воспитатели – мать и отец. Самые первые и самые главные. Но, если вдуматься, часто ли в прошлом родители осознавали себя воспитателями? У них не было досуга, чтобы отдавать его воспитанию детей. Все время у них отнимала работа. Первое, что их беспокоило, – накормить детей. Чтобы они не пропали с голоду. А воспитать – это не так насущно, этим можно пренебречь. Родители, прежде всего, готовили себе помощников. И смену. Как бы попутно, в ходе работы. В повседневной жизни. Разумеется, не обходилось и без того, чтобы передавать чадам свои жизненные принципы. Свое, так сказать, мировоззрение. И свою нравственность. Это происходило не в отведенное для того время и место, а между делом. И не словом, не наставлением, не нотацией, а примером. Тем более что родители и дети всегда были вместе, рядом, на глазах друг у друга. А результат… Главное, на что могли рассчитывать родители и на что они рассчитывали, – повторить себя в детях. И поддержать их до первых самостоятельных шагов. На первом месте была работа.

Как ни странно, так остается и до сих пор. Да, с некоторых пор появились учебные заведения и воспитатели-профессионалы, но само воспитание не вышло на первый план. И в наши дни государство явственно не осознало, что ничего «первее» воспитания у него нет. Почему-то ему, то есть всем нам, никак не дается убеждение, что воспитание людей – это серьезно, серьезнее всего другого. О чем думает государство? Об экономике. Все то же накормить, одеть-обуть, дать кров… Даже и думать нечего, чтобы поставить воспитание первым пунктом бюджета – это же настоящий переворот в умах. Уже пропали и страхи перед голодом, на их месте – страхи перед ожирением, а воспитание все там же, в конце списка. Более того, оно и упоминается все реже. У образования какие-то резоны еще остались, а у воспитания защитников все меньше. И множатся, множатся, множатся человеческие пороки – первые виновники наших проблем в экономике, экологии, культуре, образовании, во всем.

Антон Макаренко: «Совсем другое дело – перевоспитание. Перевоспитание требует и больше сил, и больше знаний, и большего терпения».

Тем и занимаемся – перевоспитываем всех поголовно и без особого успеха. И нет конца всем этим переделкам, переломкам, пере-плавкам и перековкам…

Януш Корчак: «Реформировать мир – это значит реформировать воспитание».

Воспитатель – тоже стахановец

Антон Макаренко: «Имейте только в виду, товарищи, что я работник практического фронта».

Может быть, Макаренко не ценил теорию педагогики? Не имел к ней склонности или даже способностей?

Наоборот, он хотел создать и создавал теорию педагогики, но остерегал себя от увлечения теорией, от глубокого ухода в нее. Теория, как незнакомый лес, в ней можно потеряться. И чтобы не блуждать в словесных дебрях теории, надо то и дело сверяться с практикой. Так он и поступал: от практики уходил в теорию, а из теории возвращался к практике. Теория, оставшись наедине с собой, теряет способность ориентироваться, учитывать все обстоятельства, а практика, лишенная теоретического анализа и обобщения, превращается в частный случай, в единичный акт.

Заседание Совета командиров коммуны им. Дзержинского

У Макаренко был еще один мотив предпочитать практику. Как и вся страна, он заразился нетерпением перемен. Не в теорию он спешил внедриться, а в жизнь. Чтобы, не откладывая ничего на завтра, «своими руками» переделывать ее, перестраивать на новый лад. Он добивался, чтобы перемены в педагогике не отставали от перемен в строительстве новой жизни. Он мечтал, чтобы педагогика объявила о своем присутствии везде – и там, где она вроде бы неуместна. Чтобы к педагогике подходить как к производству, чтобы «смотреть на воспитателя как на рабочего», чтобы педагогика имела свои изобретения, свое «опытничество», чтобы лучших воспитателей возводили в стахановцы, чтобы, наконец, советская педагогика стояла в прямом отношении к революции, к пятилетке, к индустрии. Макаренко был против того, чтобы педагогика копошилась в своем собственном узком кругу, он хотел отучить ее от скромности стоять в сторонке, стремился вывести ее на первые роли, включить в самые актуальные проблемы дня, расширить «до масштабов страны».

Теперь, конечно, можно и так, и сяк оценивать и переоценивать эту страсть Антона Макаренко. Да, она была, искренняя увлеченность новыми надеждами, но не может искренняя увлеченность характеризовать педагога и человека вообще иначе, чем положительно.

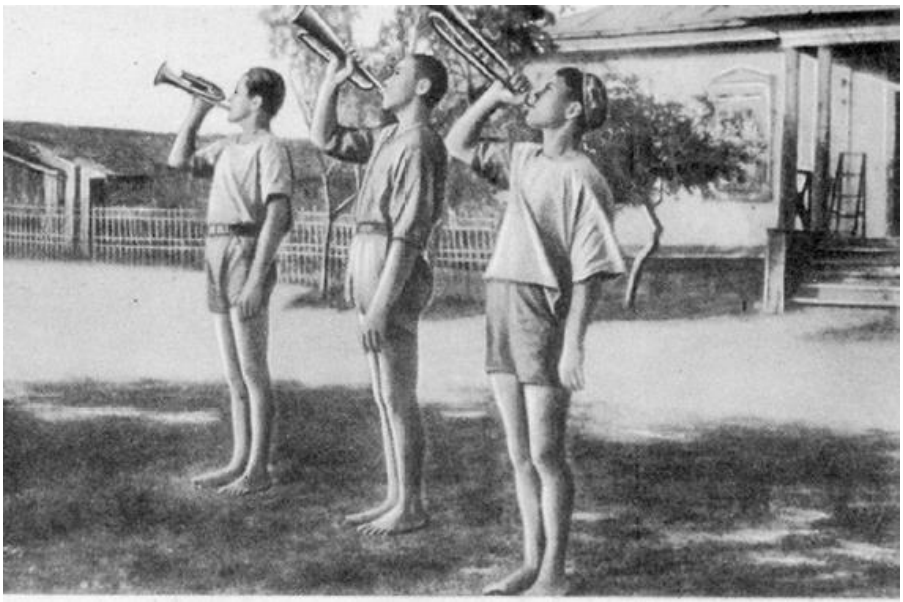
Всплеск социального оптимизма

Еще одна особенность Антона Макаренко – как отпечаток времени.

Кстати, о времени. На долю Макаренко и всей страны выпало одно счастливое десятилетие – годы, когда уже отошли,

отодвинулись кровь и разруха гражданской войны, а еще не вошли в силу сталинские репрессии. Народ России впервые в мире поверил в то, что в стране власть – без обмана новая и без обмана народная. Что теперь все будет не так, как было, что позади – все темное, а впереди – все светлое. А если что-то «не так», то – ерунда, издержки новизны. Еще – никаких сомнений. Да, впереди много трудностей, но они не страшны, они как бы даже в радость – в радость померяться силами с трудностями проклятого прошлого. И преодолеть их.

Этот всплеск социального оптимизма и энтузиазма не мог не коснуться и Антона Макаренко. В этом смысле он был сыном своего времени. И чтобы понять Макаренко, надо иметь в виду это счастливое десятилетие, без которого не было бы и его самого. Его питала (воспитала) новая жизнь, она ему и подсказала, что искать советскую педагогику надо «в горьковском русле оптимистического реализма». Не случайно и то, что одну из своих пьес Макаренко назвал «Мажор».



Колония им. Горького. Сигналисты

В походе. Караул у знамени колонии им. Горького

Может показаться странным, что Антон Семенович предупреждал, что надо делать ставку на «среднего воспитателя». Что воспитатели – обыкновенные люди, которые допускают много ошибок и в воспитании собственных детей. Макаренко не понимал Н. Иорданского, который утверждал, что «педагогическая работа – подвиг». Нет, – возражал Антон Семенович, – никакой не подвиг, а обычная работа. В письме Т. Турчаниновой он признавался: «Я не смотрю на педагогику как на искусство. Не смотрю!» Антон Семенович имел претензии к такому сочетанию слов, как «любимый учитель».

Почему так? Очень просто. Пусть он сам объяснит.

Антон Макаренко: «Мы думаем о воспитании десятков миллионов наших детей. В этой огромной задаче нам нельзя строить свои планы в расчете на добрые сердца, энтузиазм и прочее. В нашем распоряжении имеется и будет иметься только средний воспитатель, член профессионального союза и кооператива, обладающий обычными человеческими чертами».

Педагогика – дело жизни, и, конечно, нельзя допустить, что Антон Семенович был о ней невысокого мнения. Точнее говоря, он был невысокого мнения о той педагогике, которую застал на рубеже веков. Старая педагогика не годилась, и не только потому, что была старой. А новая… Она вроде бы объявилась, но ее Антон Семенович ненавидел еще больше, чем старую. И называлась она как-то неприлично – педологией. С ней-то Антон Семенович и воевал всю жизнь со всей своей страстью и нередкой

опрометчивостью. Противник был неудобный. Имел надежное прикрытие. А прикрывался он не чем-то, а марксизмом. Поэтому пробиваться к его сути через рогатины официальной идеологии было очень опасно.

Антона Макаренко, пожалуй, нельзя упрекнуть в том, что он витал где-то высоко над реальностью. Нет, он был эмоциональным, но реалистом. Он понимал: воспитанников много, миллионы – все дети страны, а воспитателей… Даже и плохих – мало. Хорошие специалисты, наверное, появятся, но – когда? Они придут завтра, а воспитывать надо сегодня. И воспитывать, по возможности, хорошо.

И актерское мастерство – тоже

Я трактую Макаренко так. Надо изобрести такую педагогику, которая будет эффективной в условиях первых лет революции. При этом опереться на свой главный постулат: воспитывает среда. Ей-то, среде, и поручить воспитание подрастающего поколения. Главную роль отвести не воспитателю, а коллективу, действующему в атмосфере строящегося социализма. Это – прекрасный выход, тем более что коллектив, как воспитатель, годится не только в этой конкретной ситуации, но и во всех ситуациях вообще.

Это одна сторона дела. Но есть и другая. Что получается? Воспитатель – ничто? Антон Семенович Макаренко допускал, что воспитатель – ноль? Разумеется, нет. Он сам не только работал воспитателем, он воспитателем жил. Каждый день, каждую минуту, всегда и везде он им был. В своем воображении он нарисовал и держал перед собой образ-образец воспитателя – воспитателя своей мечты. Мастера воспитания.

Антон Макаренко: «Педагогическое мастерство – совсем не пустое дело. В педагогических вузах этим педагогическим мастерством и не пахнет».

Антон Макаренко: «Мастерство воспитателя не является каким-то особым искусством, требующим таланта, но это специальность, которой надо учить, как надо учить врача его мастерству, как надо учить музыканта».

Салют знамени. Поход колонии им. М. Горького в Харьков. А. С. Макаренко впереди знаменной бригады, следующей к правому флангу

«Драматический кружок» Коммуны им. Дзержинского со своим «художественным руководителем», автором многих пьес и ревю – А. С. Макаренко. Кружковцы засняты в костюмах действующих лиц политически острого ревю – «Путешествие коммунаров по Европе». Кружок выступал с этим ревю в харьковских рабочих клубах

Антон Макаренко: «Надо учить читать на человеческом лице, на лице ребенка, и это чтение может быть даже описано в специальном курсе».

Антон Макаренко: «Педагогическое мастерство заключается и

в постановке голоса воспитателя, и в управлении своим лицом».

Антон Макаренко: «Учитель должен знать, как стоять, как сидеть, как подняться со стула, как повысить голос, улыбнуться, нахмуриться».

Антон Макаренко: «Я не говорил, что у меня нет мастерства. Я говорил, что у меня нет таланта, а мастерства я добился».

Тут напрашивается банальное сравнение воспитателя с актером. Сходство есть, та же игра, но без перевоплощения. Как и артист, педагог должен играть искренно (то есть без игры) и в то же время осознанно, как бы со стороны контролируя свое поведение. Но, прежде всего, педагог должен оставаться самим собой, если играть, то себя. Собой, прежде всего, воспитывать. И родителям он советовал следить за собой, потому что между родителями и детьми процесс воспитания не прекращается никогда, «даже тогда, когда вас дома нет».

Сам Макаренко был воспитан так, что отторгал всякие «телячьи нежности». «Коммунары любили меня так, как можно любить отца, и в то же время я добивался того, чтобы никаких нежных слов, нежных прикосновений не было».

Может быть, в этом случае Макаренко не прав, но был таким, каким был, не открывал душу нараспашку, свои чувства не выставлял напоказ.

Кроме того, в арсенале своей педагогики он не держал такие «верные» средства, как доброта, сердечность. Я думаю, он не признавал их именно потому, что мир, в котором детям жить, суров и даже жесток. Изнеживать детей опасно, нельзя, чтобы стали для них неожиданностью суровые ветры жизни. Наверное, Макаренко учитывал и то, что такие свойства, как доброта и сердечность, не привить воспитателю, если их нет изначально. Вообще, не все должно быть завязано на личности воспитателя. Лучше бы – на его квалификации.

Спорить с Макаренко? Можно и поспорить. Если не сдержаться. Спорьте. Но учтите, что он и сам не прочь поспорить. С самим собой.

Непросто объяснить и то, что Антон Семенович сам не хотел быть любимым воспитателем и другим не велел. Наверное, он искал какое-то выравненное, одинаковое воздействие на детей, воздействие, независимое от субъективных качеств воспитателя. Речь опять-таки о педагогике массовой. И о такой педагогике, в которой воспитатель воздействует на каждого преимущественно через коллектив, а не напрямую. Вообще, Антон Семенович оставил прошлому пару «воспитатель и воспитанник». Как было, например, в дворянских семьях, нанимавших гувернера или гувернантку для сына-дочери. Для Советской России такая пара

не годилась. И не только потому, что это слишком частная, индивидуальная педагогика. А еще и потому, что такая педагогика предполагает некую изоляцию воспитанника от среды и слишком интимные и субъективные отношения, отрешенные от других влияний. На самом деле, изолировать ребенка от среды никому не удавалось. А если и удавалось на какое-то время в какой-то степени, то воспитанник оставался один перед задачами, которые он не умел решать.

Теперь он – классик, а был – живой человек

Простите, а есть ли она, наука педагогика? Вообще – есть?

Антон Макаренко: «Меня возмутила безобразная организованная педагогическая техника и мое техническое бессилие. И я с отвращением и злостью думал о педагогической науке: „Сколько тысяч лет она существует! Какие имена, какие блестящие мысли: Песталоцци, Руссо, Наторп, Блонский! Сколько книг, сколько бумаги, сколько славы! А в то же время пустое место, ничего нет, с одним хулиганом нельзя управиться, нет ни метода, ни инструмента, ни логики, просто ничего нет. Какое-то шарлатанство“».

Драка беспризорников

Антон Макаренко: «Моя педагогическая вера: педагогика –

вещь, прежде всего, диалектическая, не может быть установлено никаких абсолютно правильных педагогических мер или систем».

Антон Макаренко, из письма жене, 1928 год: «В эти последние дни я понял еще одну вещь. Нет никакой системы колонии Горького, нет вообще никакой педагогической системы. Долой педагогику. Есть только живая жизнь».

А ведь найдется, небось, «знаток», который откроет миру, что Макаренко опроверг сам себя. Будто разочаровался он в педагогике вконец и признал ее шарлатанством…

Наверное, нельзя забывать, что, какой он ни классик и как ни велик, но – живой человек, а значит, не лишен таких свойств, как эмоциональность, непосредственность, сомнения, метания, рефлексии. Все, что связано с человеком, – сложно. А педагогика – наука о человеке, о том, как из детей создавать людей. Ничего сложнее этого нет. Не зря говорят, что человек – последний объект науки, что пока она еще не готова его исследовать. И педагогика как наука, пока еще – рваная, отрывочная и обрывочная. Не остановить ее диалектическую неугомонность. Если о воспитании «нормальных» детей педагогика в чем-то уже утвердилась, то до испорченных «пацанов» ее руки еще не дошли. И можно понять растерянность Макаренко, когда он столкнулся с вчерашними уголовниками. Никто не мог подсказать ему, как с ними обходиться. Как их укрощать и приручать. Как им напомнить, что они – нормальные люди. Только потом, когда он, методом проб и ошибок, отыщет какие-то приемы и средства, пригодные для «уголовной» педагогики, Макаренко сам убедится и будет убеждать других, что «они» – такие же, как «мы», и каждый из нас мог бы оказаться на их месте. Значит, и воспитание их – не какое-то особое. Так-то оно так, но не сразу. А первая встреча и первые контакты воспитателя и парня-оторвыша, познавшего «свободу» и набитого только обидой, ненавистью и жаждой мщения, – никакая не педагогика. Это ЧП, чрезвычайное происшествие. Непредсказуемое и опасное, как встреча в лесу зверя и безоружного человека.

Плотник Боровой (второй справа) с группой воспитанников колонии им. Горького. Лето 1926

Ах, это воспитание… То восторг, то уныние. То успех, то крушение… Наука ли она, однако, – педагогика? Как она может быть наукой, когда в воспитании все спонтанно, интуитивно, сиюсекундно… Жизнь-то не повторяется. Каждый раз она – другая. Каждый день – сюрприз. И ни подсказок, ни помощи со стороны. И никакого опыта – нечему отстояться. Всё в потоке. Всё в движении…

Ах, эта вездесущая среда…

Сколько времени отводится на воспитание человека? Если официально, то восемнадцать лет. За это время надо «впихнуть» в растущего человека все, что накопило общество за века и тысячелетия. Процесс натужный, напорный, принудительный. Дети сопротивляются учению. Если первичное познание – страсть, то вторичное познание – натаскивание. Может ли воспитание быть легким, интересным, привлекательным, увлеченным, радостным? Почему-то нет. Должно быть и вроде может быть, а не получается. Кто виноват – взрослые ли, дети ли? Взрослые исконно не могут, а дети исконно не хотят. Взрослые напрашиваются в поводыри по жизни, а дети норовят идти без сопровождающих. Взрослые хотят остеречь детей от ошибок, а дети настроены совершить на своем пути все «предписанные» судьбой ошибки.

Но, может быть, взять и отказаться от воспитания? Никого –

не воспитывать. Тем более что и без воспитателей воспитание происходит всегда и везде, независимо ни от кого конкретно. Сказано же: среда воспитывает. Ну, и отдать ей всю педагогику. Что будет, то будет. Какая среда, такой и результат. И тогда вся педагогика сведется к тому, чтобы «делать» такую среду, которая – сама, автоматом – «печет» людей, таких же, какова сама. И здесь мы в очередной раз попадаем в ловушку двух противоречий: хорошую среду делают хорошие люди, а хороших людей делает хорошая среда. Все сводится к тому, чтобы где-то взять хороших людей. Точнее, всех сразу сделать хорошими. Но люди никогда не станут святыми. И, значит, никогда не будет педагогики для святых людей. Она им и не нужна.

А пока, наверное, надо признать, что мощность профессиональной педагогики «бледнеет» перед воспитательной мощью вездесущей среды. А среда – это народ. Академик образования Е Волков пришел к тому же выводу: «Самая сильная, самая надежная и эффективная педагогика есть та, которая повторяет педагогику всего общества». И подтверждает это заключение примерами «из Макаренко»: «Тот же малограмотный Калина Иванович, никогда не обучавшийся педагогике, – опора и надежда Макаренко. Он символизирует союз Макаренко с народным педагогическим творчеством».

Антон Макаренко: «Человек воспитывается целым обществом. Все события в обществе, его работа, движение вперед, его быт, успехи и неудачи – всё это настолько могучие и настолько сложные воспитательные факторы, что адекватно показать их работу можно только в большом специальном исследовании».

Антон Макаренко: «Со всем сложнейшим миром окружающей действительности ребенок входит в бесконечное число отношений, каждое из которых неизменно развивается, переплетается с другими отношениями, усложняется физическим и нравственным ростом самого ребенка. Весь этот „хаос“ не поддается как будто никакому учету, тем не менее он создает в каждый данный момент определенные изменения в личности ребенка. Направить это развитие и руководить им – задача воспитания».

Антон Макаренко: «Задача воспитателя – восстановление нормального соотношения между личностью и обществом».

У меня такое мнение, что и в наше время педагогическая наука мало понимает в том, как – конкретно – окружающая действительность воздействует на растущего человека. В этом смысле как будто нет никакого продвижения к ясности. А хотелось бы знать, как на протяжении шестнадцати лет, от двух до восемнадцати, человеческое общество усердно, сердечно и

немилосердно обходится с человеческой личностью? Конечно, задача очень сложная. Стихия общества подобна стихии погоды, но еще «стихийнее». И то сказать – метеорологи все-таки уже выдают какие-то прогнозы, хотя бы на два-три дня, а «педагогическая погода» все так же непредсказуема. Еще рано решать такие задачи? Науке они не по силам еще?

Пока же картина, как в «Медном всаднике», – подавляющая громада «окружающей действительности», окружающая наивного и доверчивого ребенка, а внизу – небольшая фигурка педагога.

Кому позволено «бить морду»?

Такое впечатление, что в педагогике ничего не устоялось. Все оспорено, и не по одному разу. А вопрос «как?» – остается. Например, как воспитывать – с насилием или без него? С наказанием или без него?

Время сослаться на Макаренко. На тот эпизод, когда он, не сдержавшись, ударил Задорова.

Группа педагогов коммуны им. Дзержинского

«Мой гнев был настолько дик и неумерен, что я чувствовал: скажи кто-нибудь слово против меня – я брошусь на всех, буду стремиться к убийству, к уничтожению этой своры бандитов. У меня в руках оказалась железная кочерга. Все пять воспитанников молча стояли у своих кроватей.

– Или всем немедленно отправляться в лес, на работу, или убирайтесь из колонии к чертовой матери.

И вышел из спальни».

«Пройдя к сараю, в котором хранились наши инструменты, я взял топор и хмуро посматривал, как воспитанники разбирали

топоры и пилы. У меня мелькнула мысль, что лучше в этот день не рубить лес – не давать воспитанникам топоров в руки, но было уже поздно: они получили все, что им полагалось. Все равно. Я был готов на все, я решил, что даром свою жизнь не отдам. У меня в кармане был еще и револьвер».

«Нужно, однако, заметить, что я ни одной минуты не считал, что нашел в насилии какое-то всесильное педагогическое средство. Случай с Задоровым достался мне дороже, чем самому Задорову».

Еще было происшествие – с Волоховым, когда Антон Семенович схватил его за воротник:

– Слушай! Последний раз предупреждаю: не морду набью, а изувечу!

И – случай с Осадчим.

«И вдруг педагогическая почва с треском и грохотом провалилась

подо мною. Я очутился в пустом пространстве. Тяжелые счеты, лежавшие на моем стуле, вдруг полетели в голову Осадчего. Я промахнулся, и счеты со звоном ударились в стену и скатились на пол. В полном беспамятстве я искал на столе что-нибудь тяжелое, но вдруг схватил в руки стул и кинулся с ним на Осадчего. Он в панике шарахнулся к дверям, но пиджак свалился с его плеч на пол, и Осадчий, запутавшись в нем, упал».

Самое поразительное в этих эпизодах то, что Антон Семенович не уберегал себя – хотя бы инстинктивно – от таких откровенных, «некрасивых» подробностей, нисколько не заботясь о том, как он выглядел в них. А выглядел он – и как человек, и как педагог – психопатом, которого опасно допускать до «пацанов». Мог бы он, однако, что-то «забыть», слегка приукрасить картину схватки, у него было время понять – до «Педагогической поэмы», что такими сценами ставит себя на место педагогической мишени. Но открыв перед всем миром себя – «такого», ничего не поправив и не пригладив, Антон Семенович, наверное, знал, что делает.

Позже одна из воспитательниц, Лидия Петровна, по поводу одного из конфликтов, съехидничает:

– Будем бить морду? И мне можно? Или только вам?

Однако – она же:

– А ведь ребята в восторге от вашего подвига. Это привычка к рабству?

– Нет, они понимают, что я пошел на опасный для себя, но человеческий, а не формальный поступок.

Эффект искренней «потери сознания»? Эффект аффекта? Наверное. Но и с какой-то долей игры? Знать бы, чего больше?

Наверное, в этих эпизодах действовал человек-Макаренко, но при этом присутствовал педагог-Макаренко, и своим присутствием педагог-Макаренко попридерживал человека-Макаренко от впадения в полное безумие.

Не сказать, что искренность – абсолютная ценность, но ценится она высоко. Даже подростки, оторвавшие себя от людей и замкнувшие в себе всякое сочувствие и сострадание, оценили этот взрыв эмоций, этот приступ гнева, это безоглядное отчаяние, такое, казалось бы, несвойственное этому человеку. И они, будто бы впервые, «увидели» Макаренко. И сразу же поняли. И открылись ему. И зауважали. И полюбили его.

Остается только предположить, что другого способа проникнуть в души этих беспризорников у Макаренко и не было. Может быть, только этот «язык» им близок и понятен. Им близко и понятно как раз то состояние человека, когда он в полном бессилии и глубоком отчаянии. Это состояние их и сроднило, как после вспышки молнии. На какой-то миг он, кабинетный начальник, и они, бездомные пацаны, – сошлись в одном озарении…

И что теперь? Вводить эти «взрывы» в педагогическую систему, в метод? Сделать правилом? Узаконить?

Нет, конечно. Такое буйство – непедагогично. Но – эффективно. Результат – сто баллов. И – отставить? Избегать? Не применять?

Такая она, педагогика – поди ее пойми. Один раз, так и быть, можно. Ну, два раза. Ну, три. Сколько-то можно. Иногда. И не каждому. Но – без системы.

Можно заключить, что система педагогики состоит из одних исключений. Впрочем, «взрывы» обнаруживают и одну закономерность, правда, очень трудную: всегда быть искренним.

Наказывать нехорошо, но можно…

А, вообще, наказывать – можно?

Был такой случай. Коммунар Иванов украл у другого коммунара радиоприемник. На общем собрании было решено: Иванова – исключить. Выгнать из коммуны. Вплоть до того, что спустить с лестницы. Антон Семенович возражал и пытался разубедить коммунаров, но разубедить не смог.

Бюро комсомольского коллектива

Дальше продолжает он сам:

«Позвонил в НКВД и сообщил, что есть такое постановление общего собрания – выгнать, и выгнать символически таким-то образом. Они мне ответили, что этого постановления не утвердят и что я должен добиться отмены его.

Я обладал очень большим авторитетом у коммунаров и мог добиться, чего хотел, иногда очень трудных вещей. Тут я ничего не мог сделать – они меня лишили слова в первый раз за всю жизнь коммуны.

– Антон Семенович, мы вас лишаем слова».

«На другой день несколько видных чекистов приехали в коммуну. Их встретили так:

– Вы чего приехали? Защищать Иванова?

– Нет, добиться справедливости».

Чекисты убеждали коммунаров: «А куда Иванов пойдет? На улицу? Неужели вы не можете его перевоспитать? Вас же 456 человек, а он один».

Коммунары чекистам отвечали: «Пусть Иванов пропадет! Конечно, мы можем с ним справиться, но чтобы мы могли справляться с такими, как Иванов, его надо выгнать».

Спор шел весь вечер. Иванова выгнали. Дети настояли на своем. Взрослые отступили. Это – как?

Насчет наказаний Антон Семенович высказывался весьма витиевато. «Наказание не такое большое благо» – говорил он. Значит, все-таки благо. Но – небольшое. Еще он говорил, что «наказывать можно», но «хороший педагог не наказывает». То есть наказание – поражение. И еще он говорил: «Там, где нужно

наказать, там педагог не имеет право не наказывать». То есть наказывать – долг.

Если все прояснить, получится так: наказывать – плохо, но жизнь заставляет. То есть в очередной раз жизнь заставляет применять то, в чем педагогика сомневается.

В коммуне было принято так: наказанию подлежат не только воспитанники, но и воспитатели. Если, разумеется, провинились.

Антон Макаренко:

«У меня был Иван Петрович Городич. Это было еще в колонии имени Горького. Он что-то не так сделал в походе. Он дежурил по колонии. Я разозлился. Спрашиваю:

– Кто дежурный? Пять часов ареста!

– Есть пять часов ареста.

Слышу голос Ивана Петровича, педагога. Мне даже холодно немножко стало. Он снял с себя пояс, отдал дежурному, пришел ко мне в кабинет:

– Я прибыл под арест.

Я сначала хотел было сказать ему „брось“. А потом думаю: „Ладно, садись“. И он просидел под арестом пять часов. Ребята заглядывают в кабинет – Иван Петрович сидит под арестом.

Когда кончился арест, он вышел на улицу. Ну, думаю, что-то будет. Слышу гомерический хохот. Ребята его качают.

– За что?

– За то, что сел под арест и не спорил».

С одной стороны, наказание воспитателя на глазах у воспитанников – не педагогика. А с другой стороны, – неожиданный, поразительный эффект. Сработало чувство равной, а не двоякой справедливости. Виноват – признай. И ответь. Если признал и ответил взрослый человек и воспитатель, то они, дети, готовы последовать его примеру – охотно, если не радостно.

Антон Семенович больше ценил близость друг к другу и равноправие воспитателей и воспитанников, чем высокий авторитет одних перед другими. А «признанная» педагогика – как? Она не так демократична, она более аристократична.

Настрадался Антон Семенович от наробразовских чиновников, обвинявших его в «аракчеевщине», в «военщине» и называвших его правила «жандармскими». Но не думал, не гадал он, что через десятилетия, уже в другой России, найдутся у него среди коллег еще более непримиримые противники.

В начале 2010 года в Харькове вышла книга «Педагогические апокрифы. Этюды о В. А. Сухомлинском». Составитель – академик Ольга Васильевна Сухомлинская, дочь педагога. Автор признает, что в молодые годы Сухомлинский был сторонником Макаренко, но позднее «отошел от некоторых его постулатов». Но открыто, в

прессе Сухомлинский никогда не выступал против Макаренко. «Это была скорее внутренняя научная дискуссия». Оно и сразу ясно: тут дело не в Сухомлинском, а в Сухомлинской.

В каждой фразе выказывая свою ненависть к социализму и советской власти, Ольга Сухомлинская вместе с социализмом вдогонку мстит и Макаренко. Она сразу же его «расстреливает» первым же «выстрелом»: «Антон Макаренко был марксистом в педагогике». Как это понимать? В чем его марксизм? А в том, что он считал: «только коллектив может воспитать личность».

В. А. Сухомлинский с детьми

Ольга Сухомлинская пытается кому-то доказать, что ее отец, известный педагог В. А. Сухомлинский, Герой Социалистического Труда, отмеченный всеми мыслимыми в те годы наградами и званиями, «в суровых реалиях социализма» был гоним советской властью, подвергался травле, преследовался и так далее. И противопоставляет его Макаренко. В чем же они разошлись?

Будто бы пока славословили Макаренко, жизнь шла вперед и «на первый план стал выходить человек». И далее – коммуна Макаренко «не оставляла наименьших шансов для развития личности. Коллектив полностью ее поглотил». А в школе Сухомлинского «эти методы не пошли». И цитата: «Сфера личности ученика должна быть независимой, автономной, в которую никто не имеет права вмешиваться. Тем более коллектив. На первом плане не „мы“, а „я“». С этим ясно. Хотя стоит упомянуть, что Сухомлинский не отвергал «власть коллектива над личностью», при условии, что она – человечна.

Второе обвинение: Макаренко воспринимал только мажор. Он не любил тех, кто скулит и ноет. И ссылка на Сухомлинского: «Ребенок в разные периоды имеет право на минор».

Третье обвинение. С некоторых пор будто бы Сухомлинский «взялся за гуманизацию воспитания ребенка в суровых реалиях социализма». Гуманизация состояла в том, что Сухомлинский высказал свое предостережение: «Нормальное воспитание не должно знать наказаний». Наконец, последнее, категоричное: «Детей можно воспитывать только добром, только лаской, без наказаний». С поправкой на то, что «многие учителя не умеют еще воспитывать без наказаний, а в Павлышской школе – умеют».

Я не знаю, стал ли бы Антон Семенович спорить с Сухомлинским. А тем более с его дочерью. Может быть, и не стал бы. А я стану. Тем более что это просто: надо ссылаться не на дочь, а на отца.

Василий Сухомлинский, из «Писем сыну»: «Помни, что наша Родина – первое в мире социалистическое государство. Она открыла человечеству путь к коммунизму. Помни, что наша Родина дала миру великого Ленина».

Василий Сухомлинский: «Нет более прекрасных, величественных идей, чем идея коммунизма».

Василий Сухомлинский: «Школа должна воспитывать убежденных борцов за коммунизм».

Василий Сухомлинский: «Коммунизм – в самом человеке, в его счастье».

Что было, то было – говорил. Правда, некто Г. Глейзер взялся объяснить и «оправдать» Сухомлинского. Сначала он «посочувствовал» известному педагогу, которому пришлось жить и работать «в условиях лицемерия, ханжества, морального разложения, в условиях насквозь прогнившего строя». А потом – «чтобы выжить, а тем более творить» – предположил в нем «определенную гибкость» и «умение приспосабливаться». И не заметил, как в пылу славословия приписал и самого Сухомлинского к лицемерам и двурушникам…

Да, у Сухомлинского были научные оппоненты и откровенные противники. А у кого из известных людей их не было? В газетах появлялись «злые» статьи, и Василий Александрович воспринимал их очень остро. Наверное, он мог заподозрить, что это – гонения «сверху». Однако «сверху» сыпались награды и звания, подавались знаки признания и почтения. Как не раз это бывало, высокая власть не могла в каждом отдельном случае рассудить спорящих и, для верности, держалась одной линии – не обязательно верной. Но сказать, что советская власть «не любила» педагога Сухомлинского, – сомнительно. Наверное, она не

любила его так сильно, чтобы всегда и везде бросаться на его защиту, но так она относилась ко всем без исключения.

Легко согласиться и с тем, что Василий Сухомлинский был искренним коммунистом. Сыном коммуниста (его отец – большевик с 1920 года). Что вынуждена признать и его дочь, которая, однако, с некоторых пор – вызывающая антикоммунистка. По ее мнению, «Василий Александрович, так же как многие другие, не представлял себе другой тип мышления, не в русле категорий марксистско-ленинской философии». Нет нужды задним числом находить в Сухомлинском какие-то либеральные прозрения. Допустимо ли, что, доживи до либеральных времен, он, как и многие другие, как и его дочь, перешел бы с одних позиций на другие? Наверное, этого нельзя уверенно отрицать. Но тогда, в 70-е годы, ветер перемен им еще не угадывался.

Что касается его разногласий с Макаренко, то они, скорее всего, объясняются не идеологическими расхождениями. Здесь – другое побуждение. Честолюбивое. Может быть, не вполне осознанное. Так бывает. Долгие годы Павлышская школа Сухомлинского и сам он не сходили с зенита славы. К последним годам он ощутил себя создателем некоего педагогического учения, которое вправе посягать на масштабы отнюдь не павлышские. Это внутреннее восхождение и придало Сухомлинскому смелости «в чем-то» не согласиться с Макаренко, со своим учителем. Однажды Сухомлинский обнаружил, что все остальные кумиры педагогики уже где-то ниже его. Выше оставался только Макаренко – Первый педагог. Не так ли?

Судя по всему, Василий Александрович и сам обладал теми качествами, которыми хотел наделить своих учеников, – он был сердечным, чутким, отзывчивым, светлым и очень добрым. Вот именно – духовно красивым. И это очень покоряет – то, что он хотел воспитывать доброту добротой. Хотел – и воспитывал. Он воспитывал – Сухомлинский. Но много ли таких, как он? И, значит, правильно ли возводить доброту в главный и едва ли не единственный принцип воспитания? Да, в жизни отведено место и доброте, но и много чему другому. Она – разноцветная, разносторонняя, разнообразная. Наверное, и воспитание должно быть, как жизнь, всеохватывающим.

Людям никак не наскучат споры о борьбе добра со злом. Философы уже сошлись в том, что зло – неистребимо. Что добро и зло – два конца одной палки. Что добро способно превращаться в зло и, наоборот, – зло в добро. Все вроде бы трезво рассуждено. Однако мы продолжаем чего-то ждать, на что-то надеяться. На то, в конце концов, что все-таки возможен мир, состоящий из одного

добра.

Все сомнения развеяны, кроме трех. Первое: что будет, если люди прекратят борьбу со злом? Второе: если все-таки бороться со злом надо, то на какую меру рас-считывать – на половину добра, на треть, на две трети, на три четверти? И сомнение третье: как бороться – только добром за добро или можно привлекать зло? То есть злом – за добро? Как говорится, должно ли добро иметь кулаки?

Санобработка беспризорника в приемнике-распределителе

Не случайно то, что Сухомлинский мечтал, чтобы «доброта стала таким же обычным состоянием человека, как мышление». Что вознамерился он воспитывать добротой, красотой, радостью, мечтой, музыкой природы, верой в светлое будущее. Как это ни романтично, но так ему подсказала реальная жизнь. На его долю пришлись одно-два самых мирных, спокойных, сытых, благополучных десятилетия в истории России. У Макаренко были другие условия.

Добавлю, что обстоятельствами определялось и другое в деятельности Сухомлинского, – то, что к концу жизни он склонился к индивидуализму: Украина раньше других восприняла веяния с Запада, тот самый эгоизм, который подается под обликом «человека на первый план» и «права человека».

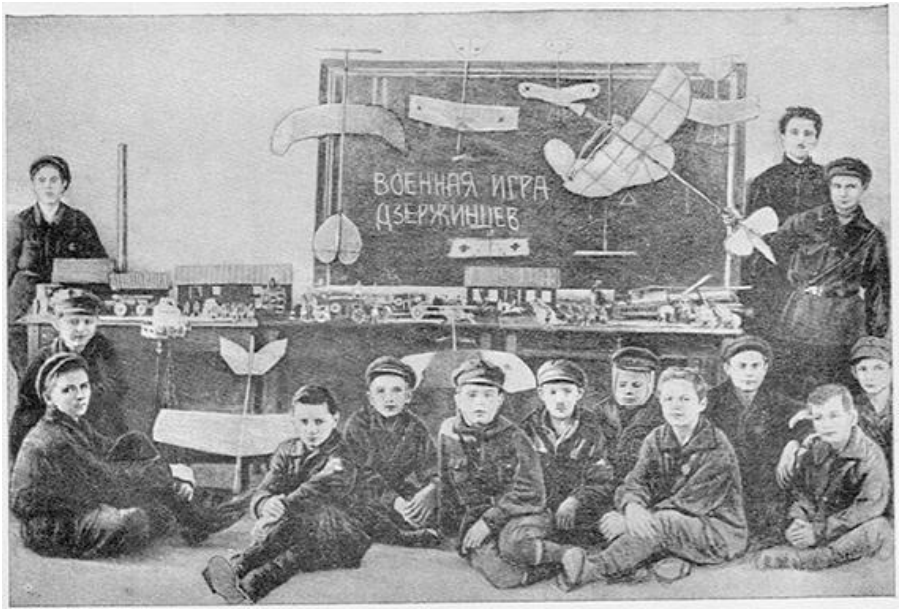
В условиях, данных Антону Макаренко, было не до тонкостей. Первоначально все сводилось к тому, чтобы привести, вернуть в общество подростков, отрицающих общество, отколовшихся от

него и, в сущности, потерявших человеческий облик. Надо было, как ни странно, внушить им, что они – люди, такие же, как все. Не отбросы, не изгои, а люди, которые где-то там, внутри, ничем не хуже других. Дать им надежду – найти себя среди людей. Прежде всего, наделить их такими «фундаментальными» качествами, как честность, трудолюбие, уважение к другим. Да, Макаренко учил их, как есть (не чавкать!), как дышать (не сопеть!), как стоять, как сидеть и как ходить, но это были элементарные навыки поведения среди людей. До более тонких вещей – тактичность, учтивость, обходительность, снисходительность, вкус, изыск, манеры – дело не доходило. Сухомлинский работал и жил в других обстоятельствах. Ему было легче, чем Макаренко? Нет, не легче, но иначе. По-другому.

Пресловутый индивидуальный подход…

О. В. Сухомлинская, имея в виду своего отца, высказалась категорично: «Главным, безусловно, является индивидуальный подход к каждому ученику». Слова красивые и будто бы правильные. Возразить нечего. Хорошо бы так: индивидуальный подход. К каждому. А реально ли? Надо ли возводить в абсолют тот таинственный «синхронный процесс воздействия двух субъектов» – воспитателя и воспитанника? Много ли таких учителей, сердце которых способно каждого ребенка «возлюбить», к каждому подойти индивидуально? Подойти, но ведь не только подойти, а побыть с ним и потом – отойти… Речь идет о массовом воспитании, о миллионах детских душ.

Однажды известного педагога Ш. Амонашвили спросили: «В России 13 миллионов школьников. Где найти для всех учителей-творцов?» «И не надо, – ответил Амонашвили, – невозможно найти миллион учителей и всех сделать новаторами». И добавил: одного бы такого учителя на школу – и то хорошо.



Группа ребят, которые были переведены в коммуну им. Дзержинского из колонии им. Горького. Вместе с ребятами их руководитель – В. Н. Терский. На столе военная игра, изобретенная и изготовленная в коммуне изокружком в свободной мастерской. 1928

Те же ребята через пять лет. На столе уже не игрушки, а электросверлилка, выпуск которой освободил страну от импорта. 1932

Индивидуальный подход невозможен не только потому, что не хватит «индивидуальных» учителей. Допустим, что «подходящих» учителей мы нашли. Будет ли их «подход» индивидуальным? Нет. Он будет одним из тысяч. У каждого воспитанника не один, не два, не десять, а тысячи воспитателей. Никто не в состоянии их учесть. Я думаю, Нобелевской премии достоин тот исследователь, который разберется, сколько индивидуальных влияний ощутил человек и как они на него повлияли. Это такая стихия, которая не поддается никакому моделированию. И потому в начале воспитания мы не можем предугадать, что получим в конце. Каким будет результат. Сколько их, великих, известных, признанных людей, которые ссылались и продолжают ссылаться на то, что в школе их не «раскусили»? Что никто из учителей и не подозревал, что он так вознесется. Вознесение пророчили другим, которые как-то «стушевались» и – не видать…

Антон Макаренко то и дело повторял, что человек «чертовски сложен». Да, человек сложен сам по себе, а общество, состоящее из человеков, в тысячу раз сложнее. И мы говорим: «Жизнь сложна». И пока мы ее не распутали, не познали.

Тот же Антон Макаренко отказался от индивидуального подхода к каждому из своих норовистых пацанов – не только потому, что не успеть каждого понять и каждому помочь, тем более каждого

возлюбить. Воспитание он «отдал» коллективу, а себе оставил воспитание коллектива. Как бы перевел полет на автопилот. Влияние коллектива – оно шире, объемнее, и что важнее, более жизненное, то есть более «от жизни». Вообще, воспитание – дело коллективное, а не индивидуальное.

Значит, сам воспитатель – ничто?

Это сложный вопрос. Воспитатель – профессия очень редкая. Если это профессия. Таких воспитателей, которые остались бы в душе человека на всю жизнь, – единицы. Каждый из нас может заглянуть себе в душу и убедиться в этом.

Вообще нельзя переоценивать роль личности в истории. Человек, сам по себе, мало что может. Почти ничего. А воспитатель – это, по истинному счету, человек, который хочет изменить человечество. Ключевое слово в этом предложении «хочет». Эту страсть что-то изменить мы и ценим. Пусть у него мало что получилось, но он – хотел. Суть в том, сколько таких «хотений».

Коллектив

Один человек и много-много людей

Если в педагогике Антона Семеновича Макаренко есть главное слово, то оно, разумеется, – коллектив.

Когда вымолвлено слово «коллектив», то, хочешь или не хочешь, рядом надо поставить другое слово – «личность». И едва сказано второе слово, сразу напрашивается третье – «противо-сопоставление». Коллектив и личность не в ладах между собой, петухами друг на друга наскакивают, никак не могут договориться, кто из них главнее.

Вроде и спорить не о чем. Личность – это кто? Живой человек. Каждый из нас. Или даже не кто-то, а конкретно я сам. А что такое коллектив? Что-то абстрактное, безликое, бестелесное… Слово и только. За ним – что? Какая-то мешанина. Ну, да, тоже люди, но никто конкретно. Лиц не разобрать. И не слить их в одно лицо.

Так вот, если для тебя превыше всего человек, если ты истинный гуманист, то на кого поставишь? На личность. И наоборот, если ставишь на коллектив, то, ясное дело, людей не любишь, не любишь даже самого себя. Ксенофоб.

Так?

Не так.

А что сказал о коллективе Антон Семенович?

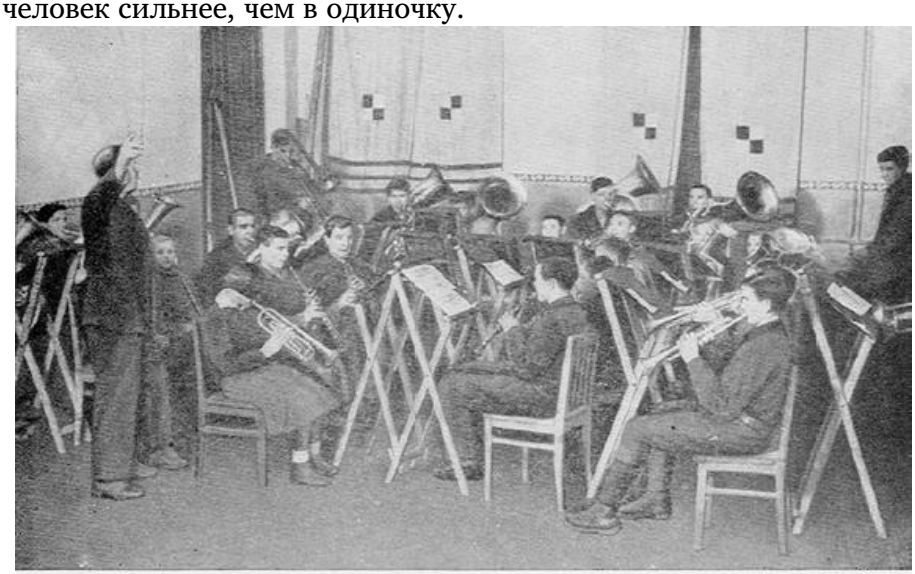
Антон Макаренко: «Представьте себе толпу голодных людей, потерявшихся в какой-нибудь пустыне. Представьте себе, что у этих людей нет организации, нет чувства солидарности. Эти люди каждый за свой страх, каждый в меру своих сил ищут пищу. И вот они нашли ее и бросились к ней в общей свирепой свалке, уничтожая друг друга, уничтожая и пищу. И если в этой толпе найдется один, который не полезет в драку, который обречет себя на голодную смерть, но никого не схватит за горло. Все остальные, конечно, обратят на него внимание. Они воззрятся на его умирание глазами, расширенными от удивления. Одни из этих зрителей назовут его подвижником, высоконравственным героем, другие назовут дураком. Между этими двумя суждениями не будет никакого противоречия».

Далее Макаренко берет другой случай – потерялась в пустыне не толпа, а отряд, коллектив голодных людей. Они тоже найдут пищу, но не бросятся к ней, как дикари, а остановятся перед ней,

чтобы определить, сколько пищи и как ее поделить на всех. Но среди них найдется один, который бросится к пище, не дожидаясь своей очереди. Его схватят и скажут: «Ты и негодяй, и дурак».

Антон Семенович вопрос ставит так. В первом случае образцом нравственности был один человек, а во втором – все, кроме одного.

Простите за банальности, но приходится пересказывать аксиомы. Коллектив – не просто «много отдельных людей». Не пассажиры в трамвае, не зрители в театре. Коллектив – много людей, но – организованных. А это нечто другое. Коллектив связывает личности друг с другом – воедино. Из многих маленьких «я» создается одно большое «МЫ». Некий – ступенью выше – организм. Общая сила коллектива не равна сумме всех отдельных сил личностей, она – больше. То есть в коллективе человек сильнее, чем в одиночку.



Оркестр колонии им. Дзержинского

Обратимся еще к Макаренко.

Антон Макаренко: «Коллектив должен быть первой целью нашего воспитания».

Антон Макаренко: «Я все свои 16 лет советской педагогической работы главные свои силы тратил на решение вопроса о строении коллектива».

Антон Макаренко: «Социалистическое общество основано на принципе коллективности».

Антон Макаренко: «В Советском Союзе не может быть личности вне коллектива и потому не может быть обособленной личной судьбы и личного пути и счастья, противопоставленных судьбе и счастью коллектива».

Собственно говоря, не советская власть придумала коллектив. Его придумала сама природа. Миллионы лет она испытывала это свое изобретение. В одних случаях принцип общности оказывался весьма эффективным, в других – не очень. Можно подумать, что малым и слабым живым существам он – как раз, а великанам – нет. Львам, например, ни к чему собираться в огромные стада. Но природа не поступает категорично, она дает место всем вариантам.

Личность – ничто, коллектив – все?

Да, советская власть предпочла вариант коллективизма. Ее выбор достоин уважения. Если бы не перегибы. Перестаралась она, особенно на первых порах. Может быть, это и простительно: чтобы заявить что-то важное, надо сказать о нем громко. Но есть опасность увлечься и перейти за грань. Как бы то ни было, советская власть подняла коллектив высоко, а личность опустила низко. Помните Владимира Маяковского?

Единица! Кому она нужна?
Голос единицы тоньше писка.
Кто ее услышит? – Разве жена!
И то если не на базаре, а близко.
Плохо человеку, когда он один.
Горе одному, один не воин —
каждый дюжий ему господин,
и даже слабые, если двое.
Единица – вздор, единица – ноль,
один – даже очень важный —
не подымет простое пятивершковое бревно,
тем более дом пятиэтажный…

Отрицание единицы в стихах Маяковского – всего лишь симптом. Случались и курьезы, причем вполне будто бы искренние. Идеология коллективизма выводилась из экономического учения Маркса. Крупное производство, утверждалось, уничтожает много чего, и в том числе «дух индивидуального творчества и индивидуальной психологии».

М. Лядов, один из теоретиков-перегибщиков: «Когда на заводе выпускается паровоз, ни один рабочий не может указать, что сделано каждым отдельным рабочим в этом общем коллективном труде».

Он же, М. Лядов: «Коллективное творчество гораздо

продуктивнее индивидуального во всех видах человеческой деятельности».

Он же: «Все более и более человек начинает коллективно творить и коллективно мыслить. Это идеал».

Он же: «Тогда наступит будущее коммунистическое общество, когда все люди будут совершенно освобождены от власти индивидуальных стремлений, индивидуальных интересов».

Он же: «В будущем обществе даже интеллигентский труд будет коллективным».

Колония им. Горького. Игра в крокет.
Слева – два окна квартиры, в которой жил А. С. Макаренко

Если будущее принадлежит коллективному началу, то каждая отдельная жизнь все более теряет ценность. Нет смысла ею дорожить. Отсюда – пропаганда жертвенности. Выступая в 1926 году в Политехническом музее, Е. Ярославский призывал молодежь – к чему? Абсолютно всерьез он считал, что надо «звать молодежь к старой подпольной морали, к той морали, которая приучила старых подпольщиков жертвовать личной жизнью, интересами семьи во имя интересов рабочего класса, быть спартанцем во всем, уделять очень мало внимания сексуальным мудрствованиям, учиться, читать, работать». А почему? Потому, что впереди новые испытания, жертвы, кровь. «Мы мостки, через которые пройдут грядущие поколения в царство нового мира».

В 1923 году в Челябинске начал было выходить журнал «Сдвиг». Его молодые авторы (М. Голубых, В. Игнатьев и другие) громогласно провозгласили несколько безоговорочных постулатов:

– Что характерно для борьбы рабочего класса? Разрушение личности и утверждение коллектива.

– Масса, а не личность играет первенствующую роль в жизни.

– Новая культура сменяет личность на коллектив.

– Машина должна стать основной производительной силой, а рабочий – ее организатором. Характерным для машины является точность и размеренность ее действий. Ее работа ясна и отчетлива. Это дает возможность ее беспредельного усовершенствования и развития. Культура под знаком машинизма приобретает все относительные свойства машины. Коллективизм и машинизм – вот основные элементы новой культуры.

– Где в наше время быт? У торговца, спекулянта, мещанина. Они ушли в свои покои и устраивают свои берлоги. Есть ли быт в рабочей среде? Нет. Раз нет застоя, нет и быта.

Связисты колонии им. Горького – Володя Зорень (слева) и Ваня Зайченко. 1927

Такие веяния витали над Советской Россией в 20-е годы. В них всего понемногу – и наивности, и самоуверенности, и нетерпения, и категоричности, и невежества. А в общем – безусловная крайность. При желании – простительная. По размышлении – временная.

Нельзя утверждать, что атмосфера тех лет, всеобщий гимн коллективизму никак не повлияли на Макаренко. Допустимо, что

и его коснулось повальное увлечение. Ведь он не стоял в стороне от той жизни, наоборот, он стремился пристать к ее шествию, «войти в шеренги». Но что касается педагогики Макаренко, то ее коллективизм имеет более глубокие корни. К счастью педагога так совпало, что коллективизм педагогики «лег» на коллективизм эпохи. Они счастливо встретились. Что, однако, не обеспечило педагогике и педагогу счастливую и безбедную жизнь.

Антон Макаренко: «Воспитывая отдельную личность, мы должны думать о воспитании всего коллектива. На практике эти две задачи будут решаться только совместно и только в одном общем приеме».

Антон Макаренко: «Интересы коллектива выше интересов личности. Казалось бы, вполне понятная для нас, советских граждан, теорема. Однако на практике она далеко не понятна очень многим интеллигентным, образованным, культурным и даже социально культурным людям».

Коммуна им. Дзержинского. Рапорт командиров

Антон Макаренко: «И сейчас я склонен думать, что предпочтение интересов коллектива должно быть доведено до конца, даже до беспощадного конца, и в этом случае будет настоящее воспитание коллектива и отдельной личности».

Нет, Макаренко не отрицает личность, не опускает ее, как теперь говорят, ниже плинтуса, наоборот, именно интерес к личности и сделал его педагогом. В самом деле, какая еще у педагогики цель, если не «лепка» нового человека, не ваяние личности? Коллектив нужен разве что политику,

предпринимателю, а не педагогу. Коллектив – не цель педагога, а его средство. Так, по крайней мере, у Макаренко. Средство отнюдь не придуманное Антоном Семеновичем, а взятое им, громко говоря, у истории человечества. Люди стали людьми – через коллектив. Если это всеобщий закон, то и педагогике следует следовать ему.

Кстати, и Макаренко не миновал опасений «вгонять каждую индивидуальность в единую программу, в стандарт». И Макаренко не хотел жертвовать «индивидуальной прелестью, своеобразием, особой красотой личности». И Макаренко не знал, как поступить, «когда подходишь к таким нежным отделам личности, как талант». И Макаренко испытывал страх «остричь всех одним номером, втиснуть человека в стандартный шаблон, воспитать узкую серию человеческих типов». Считать это отступлением от принципа? Не думаю. Тема одинаковости его волновала меньше, чем тема коллективизма. Одинаковость для педагогики тех лет (как и других) – не угроза. И не задача. И не цель. И если Антон Семенович иногда заговаривал о стандартах, то – так положено. Уж если работать в педагогике, то вроде бы надо высказаться по поводу стандартов, шаблонов и талантов. Макаренко и позволял себе это, иногда. Но то был не его конек. А истинная его позиция – такая: нельзя личность «то выпячивать в виде прыща, то размельчать в придорожную пыль».

Воспитание «на автопилоте»

У Антона Семеновича была и конкретная, актуальная причина прибегнуть к коллективу как средству воспитания. Новая власть взяла на себя задачу охватить воспитанием огромные массы людей, на которые до того государство не распространяло свое воспитательное влияние. Педагогика становилась массовой. Вставал вопрос: а где взять воспитателей – сразу и для всех? Взять негде. Макаренко понимал безнадежность «пассивного следования за каждым индивидуумом, попытки справиться с миллионной массой воспитанников при помощи разрозненной возни с каждым человеком в отдельности». Макаренко и предложил: коллектив. Упрощенно говоря, воспитанники могут воспитывать сами себя – в коллективе. Если, конечно, он есть – коллектив.

Антон Макаренко: «Мне кажется, что будущая теория педагогики особое внимание уделит теории первичного коллектива. Что же нужно разуметь под этим первичным коллективом? Первичным коллективом нужно называть такой коллектив, в котором отдельные его члены оказываются в

постоянном деловом, дружеском, бытовом и идеологическом объединении».

Антон Макаренко: «Защищая коллектив во всех точках его соприкосновения с эгоизмом личности, коллектив тем самым защищает и каждую личность и обеспечивает для нее наиболее благоприятные условия развития».

Создание коллектива – вот работа для педагога. Была, есть и будет. Что такое футбольная команда? Коллектив, в котором каждый на своем месте и все звенья укомплектованы и согласованы. Что такое симфонический оркестр? Коллектив, и очень тонко настроенный. Что такое бригада строителей? Коллектив, в котором все рабочие психологически совместимы.

У педагога работа еще сложнее, чем у тренера, бригадира или дирижера – он должен сконструировать коллектив из тех детей, которые ему даны. У него нет выбора. Он не может «капризничать»: этот «пацан» мне не подходит, мне нужен другой.

Как раз в процессе «сколачивания» коллектива воспитатель присматривается к каждому подростку, изучает его, составляет о нем представление и отводит ему место среди других. И впоследствии – в конфликтах, в «тупиковых» ситуациях, при возникновении любых проблем – неизбежно выявляются личности, высвечиваются их характеры, открываются с новой стороны, дают о себе знать их сильные и слабые качества.

Антон Макаренко: «Настоящий коллектив – это очень трудная вещь».

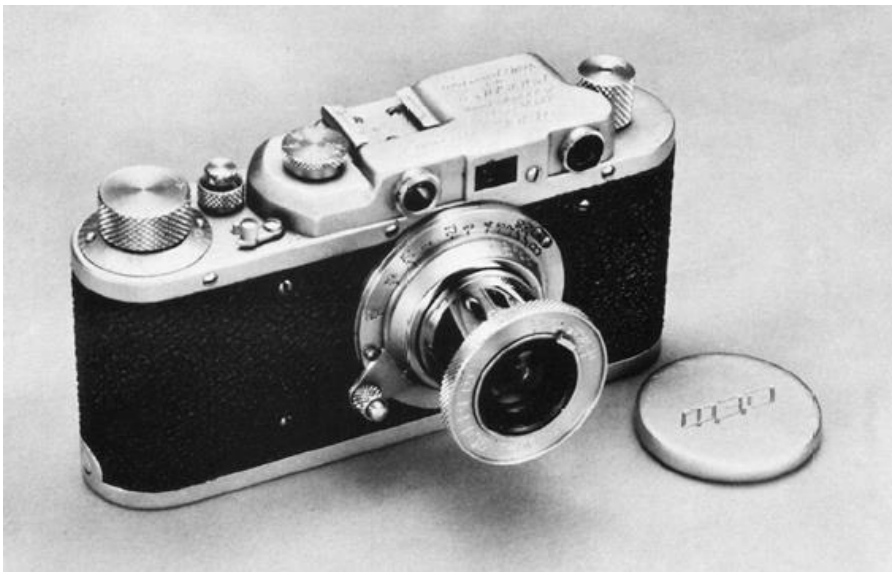
Трудная. И, разумеется, коллектив не создается раз и навсегда. Но когда все-таки его «механизм» собран, когда закрутились «шестеренки», когда «машина» сдвинулась с места и пришла в движение – тогда педагог на некоторое время может отойти в сторону и увидеть, что его детище способно обходиться без него – жить самостоятельно.

Антон Макаренко: Коллектив коммуны жил «в известном смысле самостоятельно. И утром, когда я слышал сигнал „вставать“ и знал, что в моем коллективе нет ни одного взрослого человека, я не беспокоился». И только тогда, когда «они давали сигнал „на работу“, к ним приходили взрослые – инженеры, педагоги и я, которые вели день дальше».

Однако Макаренко понимал и то, что и «методом коллектива» не решить всех задач: педагог, способный выступить в роли организатора коллектива, – большая редкость. Поэтому он торопился из своей практики извлечь свою теорию, следуя которой даже «средний воспитатель» мог бы держать на должном уровне планку воспитания.

«Шхуна» педагогики и «корабль» производства

Вопрос о том, как воспитывать, – особая и, может быть, самая интересная глава в педагогике Макаренко. А особый интерес в том, что из работы с детьми, из вроде бы очень обособленной сферы жизни, из той сферы, которая вроде бы не должна соприкасаться с миром взрослых, потому что не готова к тому, то есть со «шхуны» педагогики Макаренко берет на абордаж «корабль» производства. В некоторых случаях он элементарно показывает производству, как достигать высшей эффективности. Он буквально стирает грань между педагогикой и производством. Так же, как грань между детьми и взрослыми. Он приближает педагогику к производству и, наоборот, производство – к педагогике. Он если не создает заново, то на новой основе возрождает хозяйственную педагогику.



Фотоаппарат ФЭД

Антон Макаренко: «Я не представляю себе трудового воспитания коммунаров вне условий производства. Во всяком случае, я уверен, что труд, не имеющий в виду создания ценностей, не является положительным элементом воспитания».

Антон Макаренко: «Я и сам, как все педагоги, думал, что ребенку нужно давать легкую работу, то есть шить трусики или чинить обувь, иногда делать табуретки. А проработавши с ними 12 лет, я им предложил заграничные драгоценные станки, сложнейшие, в которых действительно дышит интеграл, предложил делать „Лейки“, советские ФЭД. Что такое „Лейка“?

Это 300 деталей, точность которых 0,001 мм. Это производство с заменяемостью частей, точное, сложное, трудное дело. Там, наконец, оптика, которую когда-то знали только немцы».

Коммунар за работой

Антон Макаренко: «Я уже говорил, что здесь надо знать и качество материала, и качество резца, уметь читать чертежи и т. д. Рядом с мальчиком 14–15 лет, который уже сам прекрасный фрезеровщик и руководит группой фрезеровщиков, вы видите мальчика лет 16–17 – начальника цеха, правда, может быть, цеха более простого, а уже в 19 лет юноша руководит сложным цехом. Этот путь, который для взрослого человека, может быть, потребует десяти лет, для мальчика на производстве потребует одного-двух лет. И оказалось, что этот ребенок в течение четырех часов делает полную норму рабочего восьмичасового рабочего дня».

Корпуса завода фотоаппаратов

Антон Макаренко: «Недавно приезжал ко мне врач. Я помню, что он у нас работал шлифовщиком на большом шлифовальном станке, где деталь доводится до последней степени точности, до сотой миллиметра. Он работал так. Ему мастер говорит:

– Пожалуйста, сними на сотую миллиметра – на „сотку“.

Он устанавливает на станке деталь и, не произведя никакой проверки, не работая никакими измерительными приборами, говорит:

– Пожалуйста, вот „сотка“».

Антон Макаренко: «Вопросы промфинплана, технологического процесса, снабжения, работы отдельных деталей, приспособлений, рационализации и контроля, норм и расценок, штатов и качества персонала ежедневно проходят перед коммунарами, проходят не как перед зрителями, а как перед распорядителями, которые не могут отмахнуться ни от одного вопроса».

Коммунар за работой

Антон Макаренко: «Последние годы коммуна имени Дзержинского жила на хозрасчете. Это совсем не пустяк. Вы представляете себе коллектив, который живет на хозрасчете? Это очень важное обстоятельство: он окупал расходы не только по школе, на жалованье учителям, на содержание кабинетов и прочее, но и все расходы на содержание ребят. Кроме того, коммуна давала несколько миллионов рублей чистой прибыли государству. Это удача огромная, потому что хозрасчет – замечательный педагог. Как будто он окончил три педагогических вуза. Он очень хорошо воспитывает».

Антон Макаренко: «Я мог тратить в год 200 тысяч рублей на летние походы, 40 тысяч рублей заплатить за билеты в харьковские театры. Я мог купить автобус, легковую машину, другую легковую машину, грузовую машину»…

Коммуна имени Дзержинского, то есть вчерашние беспризорники и малолетние преступники, показала всей стране, как надо хозяйствовать и что такое индустриализация на деле. Макаренко настаивал: для воспитания пригоден только «настоящий» труд, а не работа «понарошку». Но, с другой стороны, предупреждал: педагогика не должна потеряться в труде.

Если принять во внимание то, что в коммуне к воспитанию привлекались не только специалисты, не только воспитанники, но и все взрослые – инженеры, мастера, чекисты, абсолютно все, вплоть до технических работников, то итог таков: в коммуне все воспитывали всех и воспитывались сами.

Какое время на часах педагогики?

В педагогике Макаренко, кроме местоимения «как», есть

место-имение «кого». Кого воспитывать? Без ответа на «кого» воспитание невозможно. К выпуску «продукта» воспитания нельзя приступить без заказа общества. Нельзя проектировать «человека вообще». Или просто «хорошего человека»: слово «хороший» весьма растяжимо. У каждой эпохи, у каждого общества – свои представления о хорошем человеке.

Один из последователей Макаренко за рубежом, немец Д. Лаутер утверждает, что они стремятся работать «с ясной целью и перспективой». Какая же у них цель? Лаутер: «Однажды мы сформулировали ее так: воспитывать полезных людей для лучшего мира». А какой он, лучший мир? Он где – в настоящем или будущем? Лаутер: «Мы хотим преобразовать мир, но при этом начинаем с самих себя». Вроде того, что сначала они преобразуют себя, а затем – остальных. Но без цели не «преобразовать» и самих себя. Немецкие коллеги хотели бы «перенести» педагогику Макаренко на немецкую почву, они полны благородных порывов, им опостылел индивидуализм, им наскучила обособленность каждого индивидуума, но приживутся ли макаренковские саженцы на современной немецкой почве, где «жесткий запрет на какие-либо средства объединения… под видом утверждения свободы обрекает молодых людей на одиночество»? Это сказано им же, Лаутером: «Хотя мы живем в относительно богатом обществе, где молодежь имеет неплохие шансы, следует признать, что чаще всего наши дети эгоистичны, не имеют жизненных ориентиров, не видят смысла жизни». Современное немецкое общество воспитывает людей так, чтобы они были противоположностью тем, которых воспитывал Макаренко. Сумеют ли немецкие поклонники Макаренко пойти против общества, в котором живут, и добиться успеха? Вопрос риторический.

Антон Макаренко неотделим от социализма 20-х годов в Советской России. И нам непросто определить, что ему дано социализмом и что в нем «ждало часа» и до социализма. Может быть, совпало «свое» и «от времени». Как бы то ни было, он работал на социализм, на его злобу дня, на его насущные требования, а не в расчете на «вечную» педагогику. Он не признавал педагогики на все времена.

Однако можно ли с этим согласиться? Неужто в педагогике нет каких-то общих принципов, пригодных вчера, сегодня и завтра? Ведь мы продолжаем учиться у великих педагогов прошлого – значит, перенимаем у них нечто такое, что временем не списывается в утиль. А что это?

Я не знаю, что это. Педагогику будто бы Фрэнсис Бэкон отделил от, между прочим, философии в начале XVII века, а Ян

Коменский «превратил» в науку – в науку о сущности, закономерностях, принципах, методах и формах обучения и воспитания человека. И что? Какая это сущность, какие закономерности, принципы, методы, формы? И какова цель? В США воспитывают хорошего работника, законопослушного гражданина, разумного потребителя и доброго семьянина. В Европе воспитывают «автономную личность». В СССР воспитывали всесторонне и гармонично развитую личность. Теперь в России воспитывают личность, адаптированную к жизни в обществе. Педагогик – не перечислить: традиционная, авторитарная, гуманная… Кто-то: педагогика – наука, кто-то – искусство, кто-то – философия, кто-то – игра. Одни настаивают на том, что воспитателем может быть только талант, другие на этом не настаивают…

Все педагогики и все педагоги достойны уважения, но они – себе на уме, не поддаются объединению.

Известный педагог Шалва Амонашвили приглашает нас на виртуальный симпозиум, в котором участвуют «выдающиеся мыслители всех времен со всех концов света». «Звучат имена Иисуса Христа и Моисея, Мухаммада и Будды, Квинтилиана и Сухомлинского, Песталоцци и Корчака, Сократа и Фромма, Ломоносова и Выготского, Руссо и Френе, Толстого и Пиаже, Гегеля и Узнадзе, Монтеня и Вентцеля, Коменского и Конфуция, Сергия Радонежского и Блаженного Августина». И что? «Результат этого воображаемого симпозиума есть Антология Гуманной Педагогики». Антология? Ну и что? «Цель в том, чтобы собрать в Чашу современного педагогического мышления Мудрость, не знающую времени и пространства».

Можно все существительные начинать с заглавной буквы, но это не добавляет ясности. Что в той Чаше? Смесь, раствор, коктейль, эликсир? Мудрость – да, а наука – где?

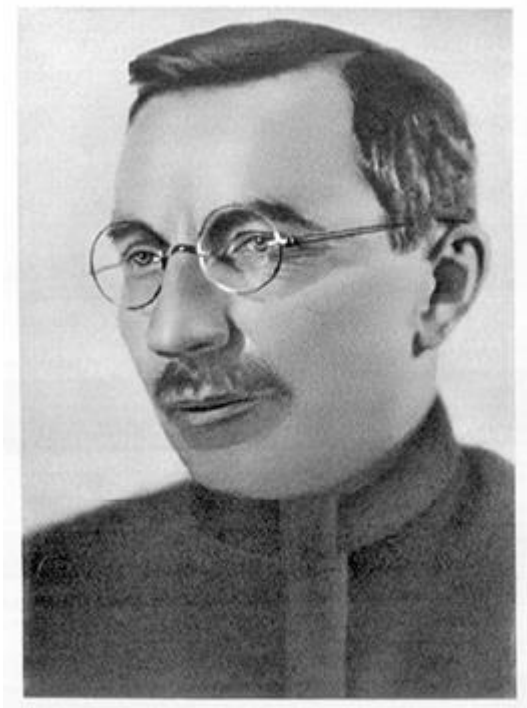
Может быть, из всех научных терминов к педагогике применим один – теория относительности. В ней, действительно, все относительно, как в космосе. Может быть, педагогика – такая наука, в которой невозможны закономерности? Может быть, они, законы, ей вредны?

Печь для «переплавки» человека

Антон Семенович Макаренко застал ту великую эпоху, когда мир, а СССР – особенно, верил в могущество науки, то есть в могущество человека. Тогда, в первой половине XXвека, люди смотрели на мироздание не так, как теперь. Тогда человек еще противопоставлял себя природе. И признавал еще свою слабость

перед ней. Природа все еще представлялась ему темной, таинственной, инертной силой. Но то было время, когда человек настроил себя на победу над слепой природой, грозился покорить ее, поставить себе на службу. Он еще был недоволен тем, как устроена природа, и намеревался изменить ее себе в угоду. Изменить не только «мертвую» природу, но свою собственную, человеческую.

С этой точки зрения наследие Макаренко исследовала Т. Кораблева. «В макаренковском мировоззрении, – пишет она, – нет природы самой по себе, как ценности. Есть только образ преобразованной, облагороженной человеческим гением земли».



А. С. Макаренко, Москва, 1936

И социализм, для Макаренко, – это упорядоченность в противовес хаосу капиталистического рынка. Т. Кораблева цитирует Макаренко: «Идея солидарности захватывает все области жизни: жизнь есть борьба за каждый завтрашний день, борьба с природой, с темнотой, с невежеством, с зоологическим атавизмом, с пережитками варварства, жизнь – это борьба за освоение неисчерпаемых сил земли и неба».

Замысел создания нового человека увлек многих, и отнюдь не только революционеров и политиков. То было время, когда возникла надежда на «улучшенное издание человека». Вслед за

Кораблевой я привожу высказывание П. Блонского: «Наряду с растениеводством и животноводством, должна существовать однородная с ними наука – человеководство, и педагогика должна занять свое место рядом с зоотехникой и фитотехникой, заимствуя от последних, как более разработанных родственных наук, свои методы и принципы». Дальше – больше. Л. Выготский удовлетворенно предсказывал, что «переплавка человека» – «это будет единственный и первый вид в биологии, который создаст сам себя».

Впрочем, Макаренко до такого радикализма не доходил. Он высказывал свои сомнения насчет «переплавки человека». Вообще-то он, в основном, был доволен тем человеком, который уже есть. Он не любил разговоров об идеале человека, о «совершеннейшей личности», о том, что «за три-четыре года можно создать нужный нам тип личности». Он настаивал на том, чтобы не заглядывать так далеко, а «мыслить всегда практически, в пределах практических требований нашего сегодняшнего, завтрашнего дня», удовлетвориться тем, чтобы «подросток был пригоден для жизни в нашем обществе». Макаренко был слишком высокого мнения о человеке, о таком, какой он есть, чтобы допустить для его «усовершенствования» методы «животноводческой селекции». Он понимал, что человек сложен очень «хитро», что для нас он (и мы сами для себя) еще «темный лес», что в «человеководстве» мы еще профаны. Он не разделял скоропостижный оптимизм по поводу животворности огня, в котором можно плавить человека и переплавлять его, как металл. Наконец, он опасался, что поспешное вмешательство в человека может привести к, мягко говоря, неожиданным результатам.

Т. Кораблева приводит и такое высказывание Макаренко: «Коллективизация, может быть, самый яркий в истории случай активного и целеустремленного перевоспитания масс, одно из самых глубоких и смелых по замыслу педагогических явлений человечества».

Может быть, коллективизацию допустимо назвать «педагогическим явлением». Вот именно перевоспитанием масс. Может быть, можно оценивать это явление «по замыслу». Но если это педагогика, то поспешная и насильственная. В том числе и для тех, кто вошел в колхозы.

Не будем слишком строги к Антону Семеновичу. Допустим, что его покорило слово «коллективизация». Легче всего быть умнее задним числом. В конце концов, он был «всего лишь» человеком… Тем не менее коммуна, которую Макаренко создал на окраине Харькова, была, в сущности, детским, а точнее сказать, смешанным детско-взрослым колхозом, правда, не

сельским, а городским, не крестьянским, а рабочим, промышленным.

Еще одна тема, которая в педагогической практике Макаренко стоит как бы в стороне, – семья. Откровенно говоря, до какого-то времени у Антона Семеновича не было повода и времени для размышлений о семье. Не было у него и личной семейной практики. Семья-то была, но не совсем обычная. А главное, ей Макаренко уделял значительно меньше времени, чем коммуне.

На первых порах он даже считал преимуществом то, что у его воспитанников не было семей, которые могли бы вмешиваться в воспитательный процесс в коммуне. Вообще он против «фетишизма семьи», против того, чтобы считать ее «однозначно положительным фактором». Тем более что он наблюдал «сильное влияние плохой семьи – обывательской, мещанской, кулацкой». Он видел дефекты и молодой семьи, когда матерью в ней «нынешняя свободная девушка, воспитанная нами в презрении к пеленочной и печной квалификации». Одно время он надеялся на то, что «новые» дети смогут перевоспитывать «старые» семьи. И если не перевоспитывать, то, как представители «государственной школы», нести в семью новые идеи. Короче говоря, в семейном воспитании его настораживал элемент стихийности – оно могло выпускать в большую жизнь не таких людей, какие требовались новому государству.

Позднее Антон Семенович «поправил» свои взгляды на семью. Он не мог не сделать этого, потому что понимал, что «чрезвычайное» коммунарское воспитание было малой частью всеобщего школьного образования. А в школу дети шли «из семьи». Наконец, он не мог не понимать тех особых, обязательных, незаменимых взаимоотношений, которые устанавливаются между родителями и детьми. И однажды он напишет эти проникновенные и пронзительные слова: «Только тот, кто в детстве потерял семью, кто не унес с собою в длинную жизнь никакого запаса тепла, тот хорошо знает, как иногда холодно становится на свете, только тот поймет, как это дорого стоит – забота и ласка большого человека – богатого и щедрого сердцем».

Система

Наследия и последователи

В интервью с Ольгой Сухомлинской В. Полищук спросил дочь известного педагога о его наследии и его последователях: как широко применяется методика Сухомлинского – через годы после его смерти?

Ольга Васильевна отвечала не очень охотно:

– Применяется – в дошкольных учреждениях, – сказала она и добавила: – И в младшей школе.

– А в Павлышской школе?

– Там стараются, но это очень непросто. Повторить или законсервировать его опыт невозможно.

Педагогика Василия Сухомлинского продолжения не имеет. Но, может быть, опыт других педагогов-новаторов получил широкое распространение? Что-то не припомню таких. Имен много, но только имена, без последствий. Педагогический поиск вообще не поощряется, а тот, кто решится испытать какие-то новшества в своей работе, должен быть готовым к трудной судьбе, если к признанию, то «сквозь зубы», к зависти и неприязни коллег и, главное, к тому, что его опыт так и останется его опытом – в единственном экземпляре. Ни при жизни, ни после смерти он не будет осмыслен, подхвачен и повторен. Имя, может быть, останется, останутся пустые славословия, но на практике в самую педагогику опыт так и не проникнет. Не будет допущен. Не будет принят.

А. С. Макаренко, около 1935–1937

Я не знаю случая, чтобы школа одного педагога-новатора была бы растиражирована массово. И это вопрос: почему так?

А с системой Макаренко – то же самое?

То же самое. Дважды он вынужден был уйти – из колонии имени Горького и из коммуны имени Дзержинского. Грубо говоря, его дважды выгнали. И когда? В самом расцвете педагогической деятельности. На пике. В пору высшей эффективности, когда некого было поставить рядом. Когда даже сам детский коллектив, образно говоря, аплодировал своему воспитателю. «Трудных» детей Макаренко покорил, «трудных» педагогов покорить не смог.

За успех именно – не иначе – был наказан Макаренко. Успеха ему не простили. Не простили – индивидуальности.

Допустимо, что, если бы не «Педагогическая поэма», если бы не Максим Горький, мы ничего и не знали бы о Макаренко. Его опыт, его дар, шестнадцать лет его педагогической вахты были бы безвозвратно похоронены в 30-х годах. Но и после

«Педагогической поэмы», даже при поддержке Максима Горького – ничего не произошло. Да, нахлынула слава, но только и всего. Педагогика его так и не поняла.

Скажу и эти слова: Макаренко потерпел полное поражение.

Но почему?

Челябинский ученый Виктор Михайлович Опалихин многие годы посвятил изучению двух, друг друга исключающих, феноменов: 1) педагогика Макаренко словесно во всем мире признана великой, но 2) она осталась в прошлом. Система Макаренко изучена – и не раз – вдоль и поперек, вся она разобрана по косточкам и разложена по полочкам, восторги по поводу ее эффективности передаются из поколения в поколение, сама жизнь педагога изложена во всех деталях, прослежена по годам, месяцам и дням, а то и часам, книги его читаны и перечитаны, а в итоге – «реальной отдачи нет». В словах Макаренко – есть, а в делах – нет его.

Виктор Опалихин: «Теоретики воспитания говорят о Макаренко уважительно, когда речь идет о его заслугах в свое время. Когда же разговор заходит о реализации его системы в современных условиях, теоретики скромно воздерживаются от активных рекомендаций».

Виктор Опалихин: «Воспитательная система Макаренко в теории воспитания явно „не ко двору“».

Это ясно. А причины… Они – на виду.

Виктор Опалихин: «Система Макаренко, связанная своим происхождением с советским прошлым, не получит и не может получить поддержки государства, проводящего принципиально иную, чем была в СССР, социально-экономическую политику».

Виктор Опалихин: «В этих условиях нет и не может быть единства интересов общества в деле воспитания детей и в отношении к системе Макаренко».

Да, в современном обществе единого мнения нет. Его нет вообще и, в том числе, – о педагогике. Кто-то считает, что воспитывать детей – дело родителей: пусть как хотят, так и воспитывают. Кто-то все-таки находит необходимым участие государства в воспитании подрастающего поколения – «от дошкольного до вузовского». Кто-то машет рукой – дескать, у нас никто воспитанием не занимается, все отдано телевидению. А государство ограничило себя своим кругом забот – экономика, политика, терроризм, национализм, коррупция, наркомания и пьянство. Воспитание у него если где-то и значится, то неизвестно, на каком месте. То есть оно предпочитает бороться со следствиями, а не с причинами.

Виктор Опалихин: «Российская академия образования пока

что не разделяет научных выводов макаренковедов, а потому и не поддерживает исследования по этой тематике ни морально, ни материально».

Такое же равнодушие к Макаренко проявляет и министерство образования и науки.

Другими словами, у нас в наличии такой же «педагогический Олимп», который «царствовал» при Макаренко, и те же «олимпийцы», которые терпеть не могли Макаренко и которым он отвечал тем же.

А интереса у государства – нет…

Всё – не случайно. Сколько ни пытай, у сегодняшнего государства не выпытаешь «признания», каких людей ему теперь воспитывать. Поди, оно само не знает, каких. Ему самому вроде никаких и не надо. Надо бизнесу – пусть и воспитывает.

Виктор Опалихин: «В структуре педагогической науки теория воспитания – самая слабая часть».

И то верно. Какие оценки ставить воспитанию? Нет таких. Какой его результат? Неизвестно. Может быть, и проявится результат, но – когда? Если и заниматься воспитанием, то – попутно с обучением. Когда представится случай. Главное – учеба. Дидактика. Оценки. Баллы. Знания – это практично. А воспитывать… Слишком долгая работа. Работать на перспективу – охотников мало.

Виктор Опалихин: «Тайны успешного воспитания очень трудно поддаются познанию».

В самом деле, если мы допускаем и хотим, чтобы система Макаренко «работала» и сегодня, и завтра, и потом, значит, мы подозреваем в ней, в системе, нечто если не вечное, то долгое.

Виктор Опалихин: «Источник феноменальной эффективности и универсальности системы Макаренко до сих пор остается большой тайной».

Виктор Опалихин: «Как нашел Макаренко эти таинственные законы, которые неведомы и сегодня, в XXI веке, большинству педагогов?»

Виктор Опалихин: «Есть ли вообще такие универсальные законы воспитания? Да, такие законы есть. Заслуга Макаренко перед большой наукой в том, прежде всего, и состоит, что он нашел, нащупал своими руками эти законы».

Настораживает это слово – «нащупал». Значит, и Макаренко знал эти законы не очень внятно – наощупь?

Вопросы – без ответов. И спросить-то не у кого. Кроме как у самого Антона Семеновича. Его и спросим. Что он скажет?

Антон Макаренко: «Нет ничего вечного и абсолютного в наших задачах».

Сказано, однако, яснее ясного. Макаренко волновало не вечное, а актуальное.

Антон Макаренко: «Коммунистическое воспитание – это хорошее воспитание, коммунистическое поведение – это хорошее поведение. Но ведь и до революции было у людей хорошее поведение и плохое».

Мучительный поиск: что же оно такое – коммунистическое воспитание? Что в нем еще – то, чего до сих пор не было?

Антон Макаренко: «Мы говорим, что мальчик должен быть прилежным, развитым, аккуратным, дисциплинированным, смелым, честным, волевым и еще много хороших слов. А в английской школе разве не добиваются, чтобы мальчик был волевым, честным, аккуратным? Тоже говорят. Нет, такая формулировка еще не определяет наших целей. Наши цели особые».

Особые, но – в чем?

Антон Макаренко: «Предположим, раньше говорили, что нужно воспитывать гармоническую личность. Это тоже была какая-то цель, но цель вне времени и пространства, цель вообще идеального человека, а мы должны воспитывать гражданина Советского Союза».

Тут сомневаться не приходится: Антон Семенович не признавал «цель вообще, цель вне времени и пространства». Он не понимал, что это такое – «вообще идеальный человек». Пустые слова – «вне времени и пространства». «Идеальный» – это слишком общо. И слишком далеко. А он ставил перед собой актуальную, злободневную задачу – воспитать советского гражданина. Ему надо было знать именно это – какой он, этот советский гражданин? Что в нем нового и что старого. Что хорошее и что плохое. Что плохое от старого и что плохое – уже от нового.

Антон Макаренко: «А на самом деле некоторые вещи порождены нашей советской жизнью. Возьмите вы горячность, излишнюю самоуверенность, даже удальство, оно у нас сплошь и рядом рождается от нас, от нашего советского патриотизма, пафоса, когда человек прет вперед, стремится к цели и часто разрушает на своем пути».

Опыт жизни как лучший из учителей

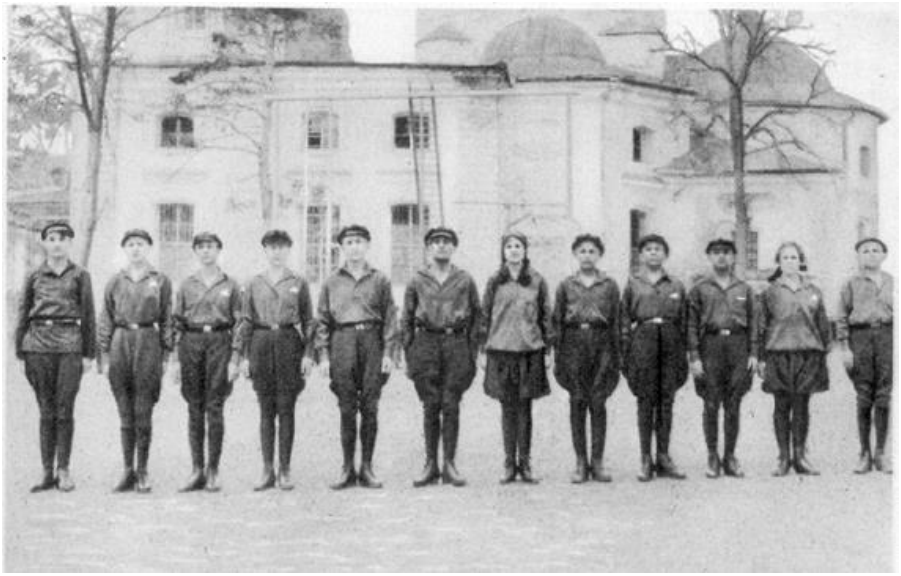
А теперь – о существе. Проследим за нитью макаренковской мысли. Расспросим его, если что непонятно. Уточним каждую

деталь.

Антон Макаренко: «Никто так не учит, как опыт».

Эта фраза – одна из кардинальных в лексиконе Макаренко. Учиться у жизни. У нее искать верные ответы. Она – лучший специалист по верным ответам. Опыт-то и дал ему ответ на его животрепещущий вопрос: как «делать» советского гражданина?

Антон Макаренко: «Воспитывать хорошего советского гражданина – это мне не указывало пути».



Группа колонистов-горьковцев в строю. 1927–1928

– Да, это уже было сказано. Хорошо бы объяснить.

Антон Макаренко: «Я должен был прийти к более развернутой программе человеческой личности».

– Пока ясности нет. Ну, хорошо, развернутая программа. И что?

Антон Макаренко: «И, подходя к программе личности, я встретился с таким вопросом: что, эта программа личности должна быть одинакова для всех? Что же, я должен вгонять каждую индивидуальность в единую программу, в стандарт и этого стандарта добиваться? Тогда я должен пожертвовать индивидуальной прелестью, своеобразием, особой красотой личности, а если не пожертвовать, то какая же у меня может быть программа?»

– И что? Эта дилемма не имеет выбора?

Антон Макаренко: «И я не мог этого вопроса так просто, отвлеченно решить».

– И он остался нерешенным?

Антон Макаренко: «Но он у меня был разрешен практически в течение десяти лет».

– И каков итог? К чему пришел Антон Семенович?

Антон Макаренко: «Я увидел, что в своей воспитательной работе, что да, должна быть и общая программа, „стандартная“, и индивидуальный корректив к ней».

Разберемся. Значит, «отвлеченно» – сколько ни думай – этот вопрос не мог решиться. Он решился практически, в опыте десяти лет. Хорошо. Но тут же – новый вопрос: эта самая «общая программа» не есть ли то вечное или, по крайней мере, долгое, пригодное на все времена и в любых условиях, что так бы хотелось отыскать в педагогике?

Нет, отвечает Макаренко, нет у педагогики вечных и универсальных средств. Педагогу в своей работе надо разрываться между общим, коллективным и частным, индивидуальным. Однако и то, и другое не обладают свойством вечной пригодности, они годны только сегодня и здесь, а не всегда и везде.

Автограф А. С. Макаренко. Страница из «Педагогической

поэмы»

Простите, а те коллеги Макаренко, которые обвиняли и до сих пор обвиняют его в том, что он знал только коллектив и ни во что не ставил индивидуальность, – они Макаренко читали? И для них новость, что Антон Семенович на каждого коммунара вел картотеку, то есть следил за его поступью и «вел» его из года в год, а на выпуске каждому давал характеристику, как бы итоговое свидетельство личности? Что, тоже не знали?

Наверное, Антон Семенович и сам искал в педагогике какие-то законы, подобные законам естественных наук. Ведь если педагогика – наука, то и ей вроде бы нельзя без законов. И, может быть, было такое ощущение, что законы воспитания «висят в воздухе», надо только их «поймать» и уложить в фундамент педагогической науки. Однако повседневная жизнь удаляла его от такой иллюзии. Опыт ожиданий не подтверждал, наоборот, уводил в другую сторону.

Антон Макаренко: «Еще одна ошибка – это тип уединенного средства. Очень часто говорят, что такое-то средство обязательно приводит к таким-то результатам. Одно средство. Возьмем как будто бы на первый взгляд самое несомненное утверждение, которое часто высказывалось на страницах педагогической печати, – вопрос о наказании. Наказание воспитывает раба – это точная аксиома, которая не подвергалась никакому сомнению».

– Но разве это не так?

Антон Макаренко: «Наказание может воспитать раба, а иногда может воспитать и очень хорошего человека, и очень свободного и гордого человека».

– Все очень неопределенно?

Антон Макаренко: «Никакая система средств не может быть рекомендована как система постоянная. Одно и то же средство к разным детям дает разные результаты. У меня не было двух случаев совершенно похожих».

– И какое из этого следует заключение?

Антон Макаренко: «Педагогика есть самая диалектическая, подвижная, самая сложная и разнообразная наука. Вот это утверждение и является основным символом моей педагогической веры».

Согласитесь, что Антон Семенович Макаренко высказал свое кредо весьма вразумительно.

Может показаться, что Макаренко любил парадоксы. Например, взять какую-то аксиому и эффектно ее опровергнуть. Дело не в этом. Антон Семенович всякую мысль, пусть и общепризнанную, норовил «проверить» лично, рассмотреть со

всех сторон, довести до логического конца, чтобы изучить ее всю, от крайности до крайности. Так он поступил и с аксиомой о наказаниях. И убедился, что наказание вмещает несколько смыслов и нельзя ограничиться только одним из них, очевидным.

Что касается наказаний, то с их полным отрицанием нельзя торопиться хотя бы потому, что без наказаний не обходится сама жизнь. Уже потому их нельзя исключить из воспитания. Ведь никому еще не удавалось оградить своих детей от такой «окружающей среды», как жизнь.

Загадка невиданной эффективности

Но все-таки – что система Макаренко? Ведь какой-то порядок устанавливался сам собой, и в нем выстраивалась градация ценностей, перечислялись правила и принципы. Не так ли?

Хоккей на коммунарском катке

Антон Макаренко: «Я – сторонник специальной воспитательной дисциплины, которая еще не создана, но которую именно у нас, в Советском Союзе, создадут. Основные принципы этого воспитания:

1) уважение и требование,
2) искренность и открытость,
3) принципиальность,
4) забота и внимание, знание,
5) упражнение,
6) закалка,
7) труд,
8) коллектив,

9) семья: первое детство, количество любви и мера суровости,
10) детская радость, игра,
11) наказание и награда».

Эти параграфы Макаренко приводит не раз в разных вариантах. Однако перечисленные одиннадцать пунктов, разумеется, никак не претендуют на звание педагогических законов.

Вообще, я против того, чтобы представлять дело так, что Макаренко везде и во всем непогрешим, что все им сказанное – истина. Непогрешимых людей нет и среди великих. И у великого Пушкина не все стихи – великие. В том-то и хитрость, чтобы в кумирах и корифеях увидеть «обычных» людей, а сквозь их обычность различить величие. Непогрешимость всегда фальшива.

Антон Макаренко: «И нам совсем не стыдно сказать, что во многих деталях нашей работы мы еще плаваем, и будем еще плавать, и не можем не плавать. И было бы просто зазнайством утверждать, что за 20 лет мы могли создать, довершить, закончить, оформить большую новейшую педагогическую школу, школу коммунистического воспитания. Мы с вами именно пионеры в этом деле, а пионерам свойственно ошибаться. И самое главное – не бояться ошибок, дерзать».

В своей пионерской работе Макаренко не все успел оформить и довершить. В сущности, у него было время только на то, чтобы разобраться в самых насущных задачах. До «идеалов» у него руки не дошли. Даже как-то о них поразмышлять он отказывался. Схоластики избегал. Претендовать на идеал – на коммунистическое воспитание – он не хотел. Он даже разочаровался в «предложенных идеалах» – «по причине их чрезмерного совершенства». Говорить о них, а тем более замахиваться на них было преждевременно. Будни и идеал – как небо и земля. Он хотел знать, что и как делать сегодня. Он хотел выработать свод правил, проект воспитания – «как чертежи дома в жилищном строительстве: здесь балкон, здесь лестница, кухня». Проект – да, в очертаниях коммунистический, но еще далекий от совершенства.

Современных макаренковедов восхищает невиданная эффективность педагогики Макаренко, ее они считают козырем – его и своим. Да, педагогика Макаренко эффективна и эффектна. Это какой-то фокус: вчера преступник, отшельник и отщепенец, а сегодня – нормальный человек, строитель социализма. Чародей, а не педагог. Превращать преступника в борца с преступниками, воспитанника – в воспитателя, человека-минус исправлять на человека-плюс – кому еще такое удавалось?

Дело в том, что общество пребывало (и пребывает) в том

мнении, что перевоспитывать правонарушителей – очень трудно, почти безнадежно. А Макаренко этот процесс демонстрировал не раз и не два, а в массовом порядке. Сложность и даже опасность такой работы – на самых первых шагах, до установления контакта. А когда начинается диалог, тогда воспитывающий и воспитываемый быстро приходят к взаимопониманию. Может быть, так происходит потому, что каждый правонарушитель в глубине души держит надежду на возвращение к людям. Ему надо только показать уголок справедливости и верности.

Другая работа – с детьми, не испачканными криминалом. Здесь эффективность не так бросается в глаза. И уж никакой эффектности. Эта педагогика долгая, спокойная, без особых страстей и перепадов. Когда дети «нормальные», их вроде и воспитывать нечего. Хотя на самом деле процесс воспитания не имеет ни пауз, ни каникул, ни отпусков. И результат работы с «нормальными» детьми не скор и не очевиден.

Группа колонистов и сотрудников колонии. 1926

Педагогика Макаренко, по сути, – «острый» эксперимент, из которого следовало бы извлечь уроки для воспитания обычных детей. Ведь надо было предполагать, что количество беспризорников будет сокращаться, и Макаренко, рано или поздно, вернулся бы в обычную школу, о чем он, кстати, мечтал и к чему готовился.

Республика самоуправления ФЭД

А что все-таки Антон Семенович Макаренко дал педагогике,

если без деталей и без умствования?

Бесценно и, может быть, вечно то, что он положил на свои ладони и показал нам, чтобы все увидели, слово «коллектив». Да, именно это. Воспитывать личность, но – через коллектив. Через коллектив – значит, через жизнь. Через ту частицу жизни, которую педагог может контролировать. В коллективе, то есть в жизни с людьми, подросток набирается и нравственности, и гражданственности.

Возьмем хотя бы два урока, которым учили в коммуне имени

Дзержинского, – умение подчиняться и умение подчинять. Сколько копий было изломано из-за этих двух умений!.. А между тем, это первые правила истинного самоуправления – умение подчиняться и умение командовать. Командовать так, чтобы тебе подчинялись, и подчиняться так, чтобы не чувствовать себя подневольным. А это возможно только при одном фундаментальном условии: сегодня я командую, ты подчиняешься, а завтра – наоборот. Нет тех, кто только командует, и нет тех, кто только подчиняется. Это и есть истинное, всем понятное, справедливое самоуправление.

Если демократия – власть народа, то она, иными словами, – самоуправление. Самоуправление, которое обязательно зарождается внизу пирамиды и поднимается до ее вершины.

Так Макаренко «создавал» кадры для страны. Создавал для нее управленцев. Учил «кухарок» самоуправлению. Так он создавал республику ФЭД со своей – не иначе – Конституцией. Так он создавал граждан России.

Правило «требовать» наталкивает и на другие размышления. На размышления о том, например, что воспитание – процесс невозможный без постоянного давления. Антон Семенович не соглашался с тем, что человеку должны прощаться некоторые недостатки.

Антон Макаренко: «Но с какой стати должны быть недостатки? А я говорю: никаких недостатков не должно быть. Если у вас 20 достоинств и 10 недостатков, мы должны к вам пристать: а почему у вас десять недостатков? Долой пять. Когда пять останется, – долой два, пусть три останутся. Вообще от человека надо требовать, требовать, требовать!»

Требовать – так много? Потому что человек ленив, инертен, консервативен, невозмутим, трудно пробиваем? Потому что он не знает всех своих возможностей? Не верит в них? И не очень заинтересован стать лучше, чем есть?

Значит, воспитание предполагает нажим, усилия, давление, силу и насилие?

Антон Макаренко: «Это особенно важно, когда речь идет о

воспитании таких качеств, как терпение, умение преодолевать длительные затруднения, брать препятствия не рывком, а давлением».

Известно, что Антону Семеновичу была чужда идея «беззаботного детства». Да, он считал, что в каком-то возрасте ребенок должен испытать радость, что у него должен быть период игры, однако лучшая форма радостного детства для него – посильная трудовая нагрузка. Счастье детей, как и взрослых, он видел не в безделье, беззаботности и удовольствии потреблять. Вообще дети не должны быть уверены в том, что взрослые обязаны их кормить, одевать, учить и т. д., а они перед взрослыми никаких обязанностей не имеют. Человек в возрасте 12–15 лет уже не должен чувствовать себя объектом воспитания. Он этого и не признает, находя, что он уже воспитан достаточно, чтобы быть взрослым, обрести самостоятельность.

Так что же такое воспитание? Принудительная «кормежка»? Маленький человек сопротивляется воспитанию, потому что оно – насилие? Что – от воспитания нет спасения? Что, воспитываться – не интересно?

Теперь я еще раз сошлюсь на Виктора Опалихина.

Виктор Опалихин: объяснение успехов Макаренко «лежит за пределами педагогики, а в области более общей науки – философии». Еще: Макаренко «опирался на знание объективных законов воспитания, открытых не педагогами, а философами». И еще: «Могущество и универсальность системы Макаренко объясняется ее прочной методологической основой, ее философским фундаментом». Наконец, Опалихин находит в педагогике Макаренко нечто от «заповедей народной педагогики».

Если поддержать такую позицию, то попытаемся чуть-чуть приподняться над горизонтом, чтобы обозреть проблему воспитания «свысока».

Раз и навсегда утвердимся в том, что воспитывает общество, и только оно. То есть воспитывает жизнь. А педагогика – часть общества. Та ее часть, которая с некоторых пор призвана воспитывать юношество профессионально. Часть эта, надо признаться, невелика, и она приобретает вес и смысл тогда, когда себя согласует с обществом. Если же педагогика действует вразрез обществу, она обречена на провал. То, что педагог внушает маленьким людям, должно подтверждаться их пребыванием в «настоящей» жизни.

Педагогика – отражение общества, ее образ, ее доверенное лицо. Если на то пошло, общество и не обязано заказывать

педагогике, какой тип человека ему необходим. Как раз профессионализм педагога в том, чтобы самому увидеть и найти свою работу в обществе. Понимая: родители воспитывают себе подобных, так поступает и общество.

Элементарно то, что педагогике нечего искать чего-то в стороне от жизни. Она должна опираться на то, чем живут люди. Что значит для них индивидуальный экземпляр и что – коллектив. Что для них личный интерес и что – общий. Что у людей труд. Что нравственность. Что такое человечество. Что такое прогресс. Что такое душа. И что такое смысл жизни.

А. С. Макаренко с группой коммунаров, окончивших юридический факультет Харьковского университета, 1939

Если смотреть с такой точки зрения, то Макаренко абсолютно прав, положив в фундамент своей педагогики коллектив и – шире – общество, жизнь, опыт, заповеди народной педагогики. Он взял свою систему не «из себя», не «из головы», а из среды. И в соответствии с этими принципами понял: какое общество, такая и педагогика. Только так.

Когда мы говорим, что дело Макаренко должно иметь продолжение, не очень ясно понимаем, можно ли отделить, оторвать систему Макаренко от самого Макаренко. Ясно только то, что никто никогда не повторит Макаренко точь-в-точь. И слава Богу, что это невозможно. Из «случая Макаренко» мы можем сделать два умозаключения. Первое: мы должны уважать индивидуальность воспитателя, не менее чем индивидуальность

воспитанника. И второе: воспитание коллективом не умаляет роли педагога, наоборот, работа «через коллектив» еще сложнее, чем «с глазу на глаз». Не в том дело, чтобы повторить Макаренко, а в том, чтобы было больше педагогов уровня Макаренко. И общество должно содействовать этому морально и материально.

Что, если бы Антон Семенович оказался в нашем времени? Как он поступил бы? Наверное, прежде всего, отказался бы «штамповать» коммунаров. Коммунары в условиях капитализма – несчастные, не понимающие окружающую жизнь и не принимающие ее. Скорее всего, Антон Семенович ушел бы из педагогики. Но если все-таки он захотел бы встроиться в новое общество, приспособиться к нему, то ничего другого не оставалось бы, как повернуть свою педагогику вспять. Строя гипотезы, можно предположить, что он создал бы школу-банк, или школу-магазин, или школу-фирму. Или организовал бы элитную школу. Воспитывал бы не коммунаров, а капиталистов.

В том-то и штука, что Макаренко сегодня невозможен. Мариэтта Шагинян (в свое время): «Эра Макаренко началась полвека назад и заглохла. Ей принадлежит будущее. Сам народ поставит его методику в фундамент нового общества».

Это парадоксальное высказывание Шагинян, на самом деле, содержит в себе некую истину. Будущее принадлежит Макаренко, если будущее принадлежит какой-то форме социализма. Известно, что Горький назвал педагогику Макаренко «окном в коммунизм». Есть ли теперь «окно в коммунизм» – вопрос.

Я не знаю, присущи ли педагогике общие законы. Может быть, их и нет. Нет же законов в литературе, в живописи, в музыке. А воспитание человека – еще сложнее, чем эти творческие отрасли человеческой деятельности. Педагогика – не физика, в ней немыслимы законы, пригодные на все времена. И в России, и в США, и в Китае. Но при желании можно отыскать закон и для педагогики. Например, такой: в педагогике нет никаких законов. И сразу внесется некоторая ясность. По крайней мере, мы освободимся от тщетных поисков.

Часть 2
Приложения

Эти три года в коммуне… Беседа с И. Д. Токаревым

Иван Демьянович Токарев живет в Нижнем Новгороде. Ему уже больше 90 лет, ной в этом возрасте он ясно, и даже в деталях, помнит далекие и близкие события своей жизни. Теперь он – последний в России воспитанник Макаренко.

– Иван Демьянович, а каким вы его помните, Антона Семеновича Макаренко? Ведь вы – единственный в России человек, которого можно об этом спросить.

– Так… Внешний вид… Каким я его помню? Дядька в очках… Большие очки. Нос длинный. Идет всегда строго. Не в развалку, а как строевым шагом. Зимой и летом он носил хромовые сапоги, начищенные до блеска. Полуголифе на нем. Гимнастерка и кавказский тоненький ремешок. В костюме я его не видел.

– По фотографиям, летом он носил белую гимнастерку.

– Да. Но я не видел его таким.

(Иван Демьянович встал, порылся в шкафу, принес книгу).

– Кстати, у вас такая книга есть?

– Нет.

– Ну, считайте, что я вам ее подарил.

– Спасибо.

– Таким, как на фотографии в этой книге, я его в коммуне не видел – с галстуком, в ботиночках… Да, эта книжка на украинском языке…

– Иван Демьянович, не беспокойтесь, я десять лет изучал украинский язык в школе.

– Вот и прекрасно. Значит, отвечаю на ваш вопрос. Я его таким никогда не видел. В коммуне он всегда был строго одетым. Идешь мимо него и всегда опасаешься, чтобы он тебе не сделал какое-то замечание – что ты не стриженный или брюки не выглажены… Всегда хотелось подражать ему. Вот так. Строгий, но справедливый. К сожалению, в том классе, в котором я учился, Макаренко ничего не преподавал. А в других группах он преподавал русский язык, черчение, если заболел учитель, или украинский язык. А в перерывах садился на лавочке. Его обычно обступали, спрашивали кто о чем. Он был сильно эрудирован по истории. Что я могу сказать? Общие впечатления. На собраниях в Громком клубе сидел в партере, а вел собрание секретарь совета командиров. Ну, там, повестка дня и все другое по порядку…

– Он был высоким?

– Высокий. Особенно рядом со мной. Мне тогда было четырнадцать лет.

– А что, улыбался редко?

– Я видел, как в Громком клубе он смеялся. Дело в том, что у нас был драматический кружок, и этот кружок вел заслуженный артист Александр Григорьевич Крамов, артист театра Русской драмы. И однажды, в один прекрасный день, сидит Макаренко на первом ряду. И мы тут же – малыши всегда на первом ряду. А постарше – подальше. И был какой-то спектакль. И вдруг, я смотрю, – на сцену выходит Макаренко. На первом ряду – он, и на сцене – он. Точь-в-точь Макаренко. Понимаете? А это Крамов так принарядился и загримировался, что не отличить. И «Макаренко» строго спрашивает: «Почему плохо вымыл? Садись, под арест». И голос тот же. А настоящий Макаренко – хохочет… Потом, после представления, они похлопали друг друга по плечам, посмеялись…

Макаренко никогда не боялся критики – ему, на собрании, можно было сделать замечание, сказать, если что не так. В коридоре висела стенгазета длиной, наверное, метров двадцать. И в ней была рубрика «Школа». Я помню, как коммунар Ветров получил двойку, и его в газете нарисовал Виктор Николаевич Терский, который вел у нас кружок рисования – я тогда удивился, как точно он «схватил» Ветрова. И всего его залепил двойками. Все хохотали. А Ветрову, что – стыдно, конечно, и обидно… В той газете были и мои заметки.

– Но вы с Макаренко в прямой контакт входили?

– Нет, прямого разговора у нас не было. Чего не было, того не было. Другие говорят, что вроде у него на коленях сидели, а я говорю только то, что было. Помню, как он шел в школу. Как на собраниях выступал – коротко, ясно. Тогда я впервые услышал слово «демагог». Было сказано, что Оноприенко – демагог. Я спрашиваю учителя: «А шо оно такое? Что-то плохое?» Он меня за рубашку: «Пойдем в библиотеку». Пошли. «Дайте словарь иностранных слов. Садись и читай». На собраниях никакой демагогии не допускалось. Минута – на выступление.

– Но, наверное, не все были в восторге от Макаренко. Были и недовольные?

– А кто недоволен? Из коммунаров? Я таких не знаю. Но по-настоящему мы оценили его, когда уже вышли из коммуны. И потом, когда у некоторых коммунаров появились свои дети. Посещая школы, в которых учились наши дети, мы сравнивали их с нашей коммуной. И видели – сравнение не в пользу школы. Приведу пример. Коммуна находилась на Украине, а мы говорили на русском языке. Почему? Потому что коммунары были разных

национальностей. Там были даже две китаянки. И другие. Так это я к чему говорю? В моей группе учителем русского языка был Сергей Петрович Пушников. Мы его уважали. И Макаренко очень уважал. А как он у нас оказался? Где-то Антон Семенович прослышал, что это хороший специалист, и перетянул его в коммуну. Он еще кружок вел – литературный. Конкретно. Изучаем Пушкина. «Евгений Онегин». Ну, эпоха, кто написал, что и как. Дальше. Он Серовой Валюшке: «Ты будешь Татьяной». И мне: «А ты, Токарев, будешь Онегиным. Выучите слова и через неделю – декламировать». Наступает время, учитель приходит: «Ну, Онегин, готов?» – «Готов». Я вышел к доске: «Вы мне писали, не отпирайтесь, я прочел души доверчивой признанье, мне ваша искренность мила, она в волненье привела» – и так далее… Учитель: «Отставить!» – «Что, Сергей Петрович, я же все слова знаю». – «Все слова ты знаешь, но ты забыл, кто ты есть. Ты – Онегин, ты влюблен… Вот как надо: „Вы мне писали, не отпирайтесь“…» (в другом темпе, с чувством). На следующий раз. У него в углу – гитара. За пять минут до окончания урока он начинает играть и объяснять: это элегия, это романс… У него уроки пролетали быстро, не успевали опомниться. Уроки Сергея Петровича Пушникова мы запомнили на всю жизнь.

Такой же был Магура Евгений Селиверстович – украинский язык преподавал. Тот любил, чтобы мы что-нибудь спели. И я пел у него на уроках. «Ой, что дуже загулявся, ледве-ледве я сюды добрався…»

И так далее. «О, гарно, хлопче». В Харькове был театр украинской драмы – туда он нас водил. Смотрели «Запорожец за Дунаем», спектакли по Лесе Украинке…

– Иван Демьянович, а что, однако, Макаренко был красивый или некрасивый?

– Нет. Пушников – да, то красавец, а Макаренко не отличался особой красотой… Но что поражало – его рассказы. Что-нибудь расскажет смешное, а сам даже не улыбнется. Не то что наши юмористы по телевизору – сам говорит и сам смеется. А ничего смешного нету.

– Женщины его вроде бы не любили?

– Нет, женщины влюблялись в него. У него была в колонии Горького, по рассказам, женщина, которую он любил, а она не ответила ему взаимностью: если бы Макаренко был директор завода или еще каким начальником… А он с этими босяками связался. У меня есть два тома книги «Она научила меня плакать». Вы не читали? Я дал одной знакомой почитать ее, и она мне сказала: «Хоть бы один мужчина сказал бы мне такие слова, которые находил Макаренко»… Слова, которые могли восхищать

и покорять.

– Но Ольга Петровна Ракович так его и не поняла.

– Да, не поняла. А Галина Стахиевна не посмотрела на его внешность, она сразу его отличила… Когда она проверяла колонию, поняла, что это за человек. У нее муж был доктор биологических наук, их квартира была уставлена чучелами птиц и животных. Коммунары ходили смотреть эти экспонаты. Вроде хороший был дядя, но что-то у них не заладилось. И Галина Стахиевна все бросила и перешла к Макаренко. Где-то у меня есть два или три письма от нее. Мы собирались встретиться с ней. В 1942 году в одной из газет было напечатано ее обращение к коммунарам, воевавшим на фронте.

– А как вы считаете, Макаренко был счастливым?

– Кто его знает. Трудно сказать. Чтобы так уж счастливый… Не знаю. Дело еще вот в чем – детей не было. А потом что еще… Я ни разу не видел Антона Семеновича в клубе с женой. Или в театре. Мы с женой шестьдесят лет прожили, и чтобы я в театре сидел один? Но мне трудно судить о таких вещах, ведь тогда мне было четырнадцать-пятнадцать лет – что я мог знать и понимать? Мне в коммуне было хорошо, и я стремился быть хорошим, но по сравнению со многими был отстающим. Я ведь в детстве книжек не читал, я коров пас. У нас в доме не было ни одной книжки. Одна была, какая-то церковная, так дед с последней страницы вырывал и заворачивал самокрутку. Другой бумаги не было. <…>

– С 1933 года вы часто встречались с отцом?

– Не часто. В 1933 году я находился в коммуне. Отец туда приезжал ко мне. Я как раз лежал в больнице. Воспитательница сказала, что меня куда-то увезли, и она не знала, куда. Поэтому тогда мы не встретились. И мне не сказали, что приезжал отец, когда я вернулся из больницы. Хочу вспомнить и о том, что в этой Полтавской коммуне из деревни Турья получил письмо от своей бабушки о том, что мама умерла. И она сообщила, что нашла в ее фартуке три рубля – все, что у нее было. Эти три рубля бабушка прислала мне в конверте. Я спустился вниз, поплакал, мой друг Миша успокаивал меня.

Весь 1933 год мы жили в Полтавской коммуне. А весной 1934 года нас забрали в коммуну имени Дзержинского. Когда папа приезжал в Харьков к моей сестре, они, несколько человек, приехали ко мне. Он не знал, что это за коммуна. И намеревался взять домой. Короче говоря, меня вызвали в кабинет Макаренко. Думаю, что такое, в чем провинился. Мне говорят: к тебе приехали. Мы сели на лавочке, и папа спросил, хочу ли я домой. Я ответил, что хочу остаться. А тут как раз проходил Антон

Семенович. Обратился к отцу: как вы решили? Отец ответил, что пока неизвестно. Тогда Макаренко ко мне: «Так ты уезжаешь или остаешься?» – «Остаюсь». И Макаренко ушел. Домой мне, конечно, хотелось, но и коммуна уже не была мне чужой. В коммуне условия лучше. И я понимал, что только здесь могу получить путевку в жизнь. Дома что – корову пасти? А здесь у меня завод, учеба. Друзья. Так и остался.

– Итак, вы появились в коммуне. С этого места.

– Хорошо. Я появился в коммуне. Когда меня подобрали в Харькове, сначала я попал в Куряж, а из Куряжа – в Полтаву, через совхоз. Вы не бывали в Полтаве? Не бывали. Там на горе огромный монастырь. Там располагалась детская трудовая колония имени Павла Петровича Постышева. Там находилось больше двухсот человек. В огромном молельном зале стояли железные кровати, на каждой – соломенный матрац, соломенная подушка, одеяло, простыня, рядом тумбочка. Кусочек мыла и полотенце. Кормили три раза в день. Воспитанники были разбиты на отряды во главе с воспитателями из бывших красноармейцев, которые по вечерам проводили беседы, читали книги. Воспитанники учились в загородной школе. Никаких маршей не было, все ходили сами по себе. Вообще мы там чем угодно занимались.

А потом нас снова привезли в Харьков, в детскую трудовую коммуну… Приехали, вышли из автобуса, смотрю – асфальтированные дорожки, клумбы, розы цветут, чистота везде… Выходит к нам секретарь совета командиров – тюбетеечка, гимнастерочка, полу-галифе, гамаши, ботиночки. Красота! Построили нас и – в Громкий клуб. Сели. Выходит Макаренко, представился и говорит, что, смотрите, у нас никакого забора нет, никого мы тут не держим насильно. Сами походите, посмотрите. Будете работать. Будете учиться. Вопросы есть?

Какие там у нас вопросы… И распределили нас по отрядам. А было нас человек пятьдесят. В комнате нас оказалось четыре человека. Условия прекрасные. Меня спрашивают, умею ли я натирать полы. Я сказал, что представления не имею. Мне объясняют, что надо намазать пол мастикой, чтобы просохла, и так далее. А теперь – в баню. Там нас подстригли. Смотрю, моей одежды нет, а дают другую, хорошую одежду. А старую одежонку облили керосином и сожгли. Я посмотрел в зеркало – о, красавец мужчина. Потом нас познакомили с заводом электросверлилок и фотоаппаратов, чтобы мы определились, где работать.

Я пошел на завод фотоаппаратов, в механический цех. Смотрю, там станки токарные, револьверные, строгальные…

Тогда я не знал, как они называются. Посмотрел. Но механический цех почему-то не очень понравился. Пошел в оптический цех. На первом этаже – обдирочный цех, туда я не пошел. А сразу – на второй этаж. Коммунарки в белых халатах, в шапочках. Мне говорят, что здесь работают с оптикой. Тут мне понравилось. И сразу заявил: хочу в оптический цех.

Я уж не буду вам рассказывать, как из стекла получается линза для фотоаппарата. Может быть, потом. Если интересно.

– Интересно. Расскажите.

– Хорошо. Значит, стеклянную плиту алмазной пилой разрезают так, так и так. А потом – так, так и так. Получаются квадратики. Квадратики склеивают один к другому. Образуется такая штука. Она зажимается в станок и – р-р-р-р… Крутится. Я беру песок с водой, сюда сыплю, оно ж-ж-жж-жжж крутится – и в результате обдирки я получаю блин. Всё. Дальше блин подается на шлифовку. Надо сделать сферу. Есть такие бабашки, я их вкладываю сюда, края срезаются и – что у меня вышло? Плосковыпуклая линза. Ясно? А если нужна двояковыпуклая линза, то надо брать другие бабашки. Вот тебе и линза. Свет попадает на нее, преломляется, так и так – и лучики сходятся в одной точке. Понятно? И я буквально за месяц или два все это освоил. Все, начиная с обдирки. А потом,

когда линза отшлифована, ее нужно полировать. Там тоже имеются бабашки. После полировки я сдаю линзу на контроль, там ее проверяют и выписывают мне наряд. Так в течение трех с половиной лет я здесь работал. И неплохо зарабатывал. Тут свои правила. Если я заработал всего 200 рублей, то из них 120 рублей – на питание, обмундирование и все такое. А остальные 80 рублей – мои. Но из них одна восьмая отдается тем ребяткам, которые не работают – у нас не работали до тринадцати лет. Еще одна восьмая – совету командиров на расходы. А остаток, рублей сорок, пятьдесят, – на мою сберкнижку. Правда, давали немного и на карманные деньги. После выхода из коммуны я имел на книжке около тысячи рублей. Их мне хватило на три года учебы в техникуме.

– Ваши линзы шли на фотоаппараты?

– Да.

– На настоящие? Которые – на продажу?

– Да. На продажу. Товарная продукция.

– А у самого был когда-нибудь свой аппарат ФЭД?

– Конечно. Даже дважды награждали. И даже в 2008 году, когда я ездил в Харьков, мне подарили фотоаппарат старого образца. Их уже не выпускают. С 1986 года прекратили выпуск. Потому что их забила иностранщина. Те оказались лучшего

качества. И завод перешел на производство запасных частей к вертолетам и самолетам.

– Но вы уже тогда, в коммуне, научились фотографировать?

– У нас был фотокружок. Но я не интересовался. А уже много позднее, когда приехал на завод, зашел в отдел брака и набрал бракованные детали, которые в свое время изготавливал своими руками. На память. Одну из линз использую для чтения, если шрифт слишком мелкий. Есть у меня и другие линзочки и призмочки. Мы их делали для перископов и фотоувеличителей. (Показывает линзы).

– Это стекло каких лет?

– Тех годов. Тридцатых. Мне могут сказать, что вру. Отвечу. После коммуны, после трех лет учебы в техникуме и потом, когда в 1940 году меня призвали в армию, я все свои вещи отдал сестре, которая меня приютила в 1933 году – в то время они с мужем на окраине Харькова построили себе дом – ей я оставил свой архив. Она все сложила в сундучок, в клеенку завернула и закопала в саду. После войны я раскопал сундучок, и мой архив прекрасно сохранился. И сохранились редкие фотографии. Смотрите, это я. Это мой друг Миша Литовка, коммунар.

Я учился в техникуме, а Миша пошел в летную школу. Точнее, в летную школу мы пошли вдвоем, но его приняли, а меня забраковали. Я не гожусь ни в Морфлот, ни в авиацию. Мишу взяли. «А ты куда хочешь?» – «Тоже в летчики». Хорошо. Там такой круг, становишься на него, держишься за штангу. Глаза мне завязали, начали крутить. Потом – «Пройди туда». Я прошел. А мне: «Нет, в летчики ты не годишься». – «Как, Миша прошел, а я нет?» – «То Миша, а то Ваня». Я чуть не плачу. Ладно. Еще упражнение. Низкая скамейка, сел, он стал мне на носки – «Наклонись». Я – раз, два, три… А теперь – иди. И такая же история – не могу пройти прямо. Один майор спрашивает: «А куда-нибудь в авиацию его можно?» – «В связь можно». Так я попал в Харьковское военное училище связи. Миша учился в Харькове, и я учился в Харькове.

– Но, Иван Демьянович, нам придется вернуться в коммуну. Ведь вы там не только работали, но и учились.

– Да. Там был рабфак. Но сначала ходил в школу. Определяли, кому в какой класс. Задавали задачки. И решали: этого примерно в шестой класс, а того – в пятый. После школы закончил рабфак. Вот на фотографии Галочка Французова, наш друг. Девочка скромная, красивая, дочь капитана первого ранга, которого после революции матросы взяли и увели неведомо куда, сама она из Ленинграда, осталась с матерью. Она была очень грамотная, и почерк у нее был красивый. Как диктант, мы шепчем

ей: «Галя, тут запятую нужно ставить?» Она нам подсказывала. Она училась в Харьковском медтехникуме, и мы с Мишей ее посещали. Потом разъехались. И когда мы освободили Харьков, я на аэродроме взял «полуторку», сам за руль, поехал к дому, где жила Галя Французова. И увидел одни развалины.

– Иван Демьянович, а вы в коммуне командиром отряда бывали?

– Нет, не приходилось. Я пришел позже. Нас было четверо. Сначала один, Вася Лобода, за ним другой был командиром, потом третий, а на четвертый год я должен был стать командиром отряда, но не пришлось: был уже выпуск. Не приходилось и с Макаренко беседовать с глазу на глаз. А с преподавателями даже спорил. Когда изучали тригонометрию, синус альфа – да? И косинус бета. А когда задачки решали – не получалось целое число. Получалось, допустим, четыре и три в периоде. Я спрашивал: что это за наука? Прибавляем, отнимаем, умножаем – всегда целые числа, а тут – непонятно. Учительница мне: оставайтесь после занятий. Все ушли. И что вы думаете? Вот доска. Вы будущий командир. Здесь течет речка. Вы на этой стороне, противник – на другой. Вам нужно артиллерией поразить эту цель. Какой прицел? Какое расстояние до цели? Вы же не пойдете измерять расстояние? Учительница: с помощью тригонометрии мы измерим это расстояние. А я: как же вы измерите? Она: проведем базу на вашей стороне. Теодолитом измерили этот угол. И по одной стороне и углу определим расстояние до цели. Тогда я и понял эту науку, тригонометрию. И вечером, уже в темноте, я залез на телеграфный столб, опустил катушку ниток, замерили с Мишей расстояние, а днем замерили тень. И все подтвердилось. И увлекся я этой наукой. Нам зададут три задачки из учебника, а я решал все от начала до конца.

– Иван Демьянович, можно подумать, что Макаренко – идеал человека…

– Видите, оценивать человека, с которым не работал, очень трудно. Тем более с позиций четырнадцати лет. Я могу говорить только о внешних проявлениях. А что у него в уме и в душе, я не мог знать.

– Но кто воспитывал самого Макаренко? Кто? Кто его так хорошо воспитал? Макаренко воспитывал вас, будучи педагогом, специалистом по воспитанию. А кто его воспитатели?

– Кто воспитывал Макаренко? Он увлекался Горьким. Горький оказал на него очень сильное влияние. Ведь писатель тоже был беспризорником. И никакого литературного института не заканчивал, а стал великим писателем. Его жизнь научила. Так и Макаренко. Жизнь ставила перед ним вопросы. Судя по архиву

Макаренко, он издавна интересовался такими вопросами, как беспризорность. Какие ее причины? С неба она не падает. Она – из семьи. От общества. У него нашли в архиве много справочного материала о разводах, о детском криминале и так далее. И он мечтал написать книгу для будущих отцов – по каким критериям выбирать невест. Чтобы до гроба жить вместе. И вторую книгу – для будущих мам, как выбирать себе жениха. И тогда не будет детского криминала. Откуда все эти бандиты? Из семьи. Отец пьяница, мать – забитая…

Через дом от моего, здесь, в Нижнем Новгороде, – моя подшефная школа. Меня поразило то, что среди учащихся много курильщиков. Обычно я отнимаю у учителя минут десять для свободной беседы. Например, спрашиваю, вкусна ли земляника. Вкусна, отвечают. А откуда она берется? На земле растет. А золотые сережки с камнем у девушки – откуда? Из земли. А теперь вопрос: кто возле школы набросал окурков, всякого мусора? Кто загрязняет землю?..

– Иван Демьянович, давайте теперь порассуждаем о судьбе учения Макаренко. С одной стороны – признание, а с другой – мало последователей…

– Человеческий фактор. Есть энтузиасты, как Манефа Ильинична. Она прочитала «Педагогическую поэму», изучила все, что можно, о жизни Макаренко, и говорила: это редчайший человек. Я с ней согласен. Еще молодым человеком, в 1905 году Макаренко писал о проблемах педагогической науки, о ее кризисе. Именно он настаивал на том, что обучить и воспитать – это разные крылья. Если ты научил человека грамоте, но не воспитал его нравственно, такой человек не взлетит на одном крыле. У нас есть богатые люди, которые вроде бы закончили по два-три вуза, а как ведут себя бессовестно? А вы читали книгу Азарова? Е1азывается «Не подняться тебе, старик». В свое время он стал доктором педагогических наук на восхвалении Макаренко. А теперь заявляет: «не подняться тебе, старик». А Макаренко и не падал. Он всю жизнь боролся с этими «олимпийцами» в педагогике. И Азаров, оказывается, – один из них. Здесь у меня была стычка со студентами юридического факультета. Я им рассказал о Макаренко, в глубины педагогики не лез, а о том говорил, как воспитывался в коммуне. И как сложилась моя жизнь после нее. А один из студентов встал и говорит: мы считаем, что Макаренко – диктатор. А я считаю, что он демократ. И я еле вышел в том споре победителем. Студенты опираются на какой-то один факт. Крупская сказала, что система Макаренко не советская. Так надо было ей приехать и посмотреть, что это за колония. А один факт ни о чем не говорит. Я по утрам

стою на балконе и вижу, как родители ведут детей в детский сад. Дети упираются, не хотят. А мама опаздывает на работу, и она, в отчаянии, шлепает ребенка по заднице. Она не может сладить с родным дитем. А в колонии были 17-18-летние парни, которые прошли криминальную школу жизни. Как с ними? Кто знал, как их вывести на истинный путь?

– А наше время годится для системы Макаренко?

– Для меня такие вопросы затруднительны. У меня же нет профессионального опыта. А скажу вам так. По наблюдениям в школах и школах-интернатах, где бывал, я не видел людей, которые проявляли интерес к системе Макаренко. Обычно говорят: это же было давно… Мол, было и прошло. Будто бы Макаренко хвалил советские порядки, Сталина хвалил. То есть вроде учение уже устарело. Но есть педагоги, которые и в наше время являются сторонниками Макаренко. Надо взять из его системы такие вещи, которые не устарели и теперь. Например, роль труда в воспитании.

– Макаренко воспитывал строителей коммунизма. Какое общество, такая и педагогика. Он воспитывал людей для того общества. А сейчас кого воспитывать? Строителей чего?

– Трудный вопрос. Кого воспитывать сейчас? Не денежных тузов. О Стаханове и не вспоминают. То, что происходит сейчас, я не могу ни объяснить, ни понять.

– Но сами вы убеждены, что в системе Макаренко много полезного?

– Конечно. При встречах я показываю эти схемы. (Принес схемы для занятий. «Это не все»), Я их сам придумал и начертил. Из картонных коробок вырезаю стандартный лист и на него наклеиваю вычерченную мною на белом листе схему, чтобы удобнее было пользоваться при чтении лекции. Но это всего лишь иллюстрации к учению Макаренко. Чтобы все было наглядно. И в то же время – показать главное.

(Берет одну из схем). Схема «Деятельность колонии имени Горького». Такой схемы в «Педагогической поэме», конечно, нет. Я чертил эту схему на доске. Мелом начертил круг. В круге – виды деятельности. Колесная мастерская. Там коммунары делали колеса и продавали крестьянам. Паровая мельница. Они взяли ее в аренду. Сапожная мастерская. Себе шили обувь, а также на продажу. Дальше. Корзиноплетная мастерская. Корзины плели из аира. В десяти шагах речка, а по берегам – аир. Они его срезали, чуть-чуть высушивали и плели корзины. Потом плели корзины из лозы. А из аира еще плели коврики. Что важно – всё делали руками. Далее – слесарная, кузнечная и столярная мастерские. И кузнецы свои, и столяры. Для себя, а еще обслуживали население.

Школа. Швейная мастерская. Шили маечки, трусики – такую легкую одежду. Сельхозотряды. В колонии было 120 десятин земли. Оранжереи. Полеводческие и животноводческие бригады. Конюшня. Сад и огород.

По одной такой схеме можно строить беседу часа на два. Уже при мне в коммуне было два завода – ФЭД и электросверлилок.

– По сути дрели.

– Да. В то время мы покупали дрели за золото. И Макаренко предложил поручить это дело коммуне. Конечно, работали инженеры, конструкторы, инструкторы, а рабочими стали коммунары. Три учебных цеха было – оптический, механический и столярный. Я в оптическом цеху учился, а потом работал на заводе.

– Это вроде ФЗУ – фабрично-заводское училище?

– Совершенно верно. Были еще и производственные кружки. Там уже больше теории. Изучали, как проходит луч света через объективы, какие преломления в линзах – это узнавали в кружке. Я с огромным интересом изучал эту теорию. Хозяйственная часть. Накормить, обуть, содержать помещение – словом, следили за всем хозяйством. Все вместе готовились к праздникам. «Союзтранс» – так называли детей до тринадцати лет, они не работали, но служили на побегушках – кого-то позвать, за кем-то сбегать, пригласить, отнести записку. Другой-то связи не было. Ну, санчасть. Рабфак и школа. Четыре библиотеки. Редакционная коллегия. Кружков при клубе было более двадцати. Хоровой, драматический, художественный (в нем я занимался), спортивный, футбольная команда… На занятия хорового кружка я ходил не петь, а слушать песни.

А это план коммуны. Вот смотрите, здесь спальни, никакого забора не было. Лес хвойный и лиственный. Мастерские, кочегарка, баня. Оранжерея. А это четырехэтажное здание, где жили инженерно-технические работники. Правда, здесь жили не все инженеры, некоторые ездили на работу из города. Это переход в столовую. Спортивный зал. Центральный вход. Клумбы. Когда мы приехали из Полтавы – розы цветут… Бог ты мой… Такой примерный план коммуны. Ко времени моего ухода в 1937 году.

Еще одна схема – «Профессии, которые приобрели воспитанники Макаренко после выхода из колонии и коммуны». Юристы (Зайцев, Ветров), летчики (Литовка), врачи, председатели колхозов (два человека), много рабочих, в основном девушки. Дипломаты. Экономисты. Писатели. Работники торговли. У нас был один коммунар, который действовал в бандитской шайке, они грабили ювелирные магазины. Эту шайку раскрыли, и он

попал в коммуну. А после коммуны закончил торговый институт в Харькове, и по воле судьбы его назначили директором ювелирного магазина. И когда подводили итоги работы магазинов, – смотрят, у того воровство, у того воровство, а у этого – нет. «Нет, сказал он, и не будет». А почему? Обокрасть ювелирный магазин без сообщника из магазина очень трудно. Уж он-то знал, как это делается. Дальше, связисты. Я в том числе. Домохозяйки. Артисты. Разные специалисты. Так что нельзя сказать, что Макаренко штамповал своих воспитанников по одному образцу, несправедливо.

А это схема летних походов. Поскольку коммуна была на хозрасчете, то имела в банке деньги на счету. Сами расплачивались за всё, за билеты, за гостиницы, за питание. Спускались по Волге, останавливались в городах Поволжья. Бывали в Москве. Отдыхали на Черном море.

– А вы куда-нибудь ездили?

– Конечно. В Святогорск, на берег Северского Донца. В Бердянск. Коммунары много повидали. В Баку ездили. В Севастополь. Мало ли куда.

– Коммуна – это школа-хозяйство. Если сейчас перенимать опыт Макаренко, надо создавать школы-хозяйства. Школа не должна быть чисто учебным заведением. Да?

– Правильно. У детей должна быть какая-то полезная работа.

– Иван Демьянович, а что там сейчас, на месте коммуны?

– Там теперь завод «Коммунар», выпускает секретную продукцию. В 2008 году я был там. С провожатым. Везде – табу. Секретное производство. Где были цеха, там какое-то из стекла и бетона здание, которое выпускает секретную продукцию. Где были клумбы, вымахали сосны и закрыли территорию. А завод ФЭД был чуть дальше. В годы войны его эвакуировали на восток, на Урал, если не ошибаюсь, в город Юрюзань. И там выпускали детали для самолетов. Начинали под открытым небом. После войны завод вернулся обратно, и снова начали выпускать фотоаппараты. К 1986 году был выпущен семимиллионный фотоаппарат, и на этом всё. Теперь там работают на авиацию и космос. Завод процветает. Это окраина Харькова.

– Иван Демьянович, а можно сказать, что в коммуне имени Дзержинского была установлена диктатура коллектива?

– Вот-вот, и студенты нашего университета, в Нижнем Новгороде, называли педагогику Макаренко командной. Я им говорю: а как вы хотели? Никакой организации? На первых порах нужен «диктатор». Кстати, у нас в 62-й школе был один хулиган, никого не слушался. Однажды разбил окно. Это дело разбирали

на классном совете. Классный руководитель попросила меня: поприсутствуйте. Я, конечно, побывал там, высказал свое мнение в классе и отдельно с учителем. На классном совете она рассказала, что он натворил. И предложила: кто что скажет? Молчат. Наконец, одна девочка: давайте его простим, он, наверное, больше не будет. На том и сошлись. Тогда класс не поддержал педагога. А у нас в коммуне – как было? Кто провинился – выходи на середину. Почему ты подводишь отряд? Нас из-за тебя не пустят в театр. Уже не Макаренко напрягает голосовые связки, а сам отряд. Без поддержки отряда или класса педагогу работать очень трудно.

– Но это же обидно – один виноват, а наказаны все. Меня-то за что наказали?

– Обидно, конечно. Но надо, чтобы его осудили все. Только тогда можно рассчитывать, что провинившийся исправится. Против всего коллектива стоять не очень комфортно. На середине зала под градом слов с тебя три пота сойдет. Это знали все. Курильщиков тоже выводили на середину. Коммунарам разрешалось курить только после 17–18 лет и то с разрешения врача. А если с виду хилый и болезненный, и врач не разрешит. И если он закурит, его тотчас поставят на середину.

– А вас вызывали на середину?

– Нет. Я работал хорошо. Учился. Но я видел, как на середине отдувались другие.

– А часто проходили собрания?

– Как? Почти каждый день. По сигналу собираются все. Зашли в Громкий клуб.

– Все – это сколько?

– Около пятисот.

– И все собирались?

– Все. Ну, кто-то, может быть, заболел… И собирались не только коммунары. И рабочие, и служащие, и педагоги.

– А если многие хотят выступить?

– Какой порядок? Секретарь совета командиров объявляет повестку дня. Допустим, встреча Первого мая. Совет решает: первый отряд занимается уборкой территории. Второй отряд едет в Харьков и обходит квартиры – домашние телефоны тогда были редкостью – и приглашает на праздник гостей. Третий отряд дежурит в столовой, следит, чтобы приготовить праздничный обед. И так всех распределили. И только тогда, когда выявлялись вопросы, которые совет командиров решить не мог, тогда обращались к Макаренко. Опора была на самоуправление.

– Идет обсуждение какого-то вопроса. Пять, десять, пятнадцать человек хотят сказать.

– Тебе – одна минута. Выступай и говори дело. Не начинай с отмены крепостного права. Сформулируй свою мысль кратко. Прежде чем выступить, подготовься. Чтобы тебя поняли, но без лишней болтовни. И сам Макаренко поднимал руку: дайте мне слово. И он никогда не затягивал свое выступление. Ну, а если у тебя доклад и тебе дали сорок минут, тогда можешь располагать своим временем.

– А кто останавливал тех, кто долго говорил?

– В Конституции страны ФЭД сказано: говори коротко. И если кто заболтается, секретарь совета командиров пресекает: все, хватит, садись. Конечно, он не следит за временем по секундомеру, чуть больше минуты, чуть меньше – главное, чтобы по делу.

– Каждый день – собрание. Не надоедало?

– Каждый день было что-то новое. Какие-то новости.

– А когда собирались?

– Только вечером, после работы, после школы. Вы не думайте, что это я выдумываю, об этом можно прочитать в книгах.

– Конечно, но мне хочется – из первых уст.

– Допустим, про увольнения. Подхожу к командиру своего отряда: я хочу в увольнение. Он пишет увольнительную записку. Когда вернешься? В пять часов вечера. Хорошо. Но если вернулся в семь, будешь наказан. Ты нарушил дисциплину. Или другое: в трамвае коммунар должен уступать место старшим. Но уступать надо не потому, что будет выговор, а по привычке. Выработай себе привычку на всю жизнь: вошла в трамвай старушка с клюкой – не сиди, встань. А еще лучше – не садись совсем.

– Иван Демьянович, а что, был какой-то «стандарт» коммунара?

– А вот схема – какими качествами должен обладать выпускник коммуны. Какие качества? Уметь жить и любить жизнь. Уметь бороться и строить. Уметь приказать и подчиниться. Сознательный хозяин советской страны. Вот. Честность. Аккуратность. Активность. Образованность. Принципиальность. Дисциплинированность. Коллективист. Идейная убежденность. И эмоциональная развитость. Справедливость. Потому-то я на фронте своего сослуживца ударил палкой, когда увидел, как он закрылся в складе и ест колбасу, которую списал на убитых. Это была бесчестность. И я не мог сдержаться.

– А можно отличить коммунара от некоммунара?

– По внешнему виду не отличить. По поведению, по отношению к работе отличить можно.

– А как отличить?

– Мы друг друга отличаем легко. Главное, чтобы другим

людям со мной было хорошо.

– В вашей схеме нет такого качества, как доброта.

– Ну, может быть, мое упущение. Ведь нет необходимости перечислить все качества. Только самые важные.

– А доброта – не важно? Или, допустим, такое качество, как тактичность. Я что хочу сказать? Известно, что детдомовцы отличаются от людей, которые воспитывались в семье. Чем отличаются?

Детдомовцы – коллективисты, друг за друга, своих в обиду не дают, правду-матку говорят в глаза, но у них нет такого качества, как тактичность. Например, Макаренко на собраниях, бывало, ругали – за то, что он слишком добрый. Наказал на пять часов ареста, а через два часа выпустил. Говорили, что это неправильно.

– Да, иногда хочется сделать снисхождение. Да, это проявление доброты.

– Но Макаренко поблагодарил коммунаров: спасибо, что вы не разрешаете быть добрым в тех случаях, когда человек не заслужил снисхождения.

– Доброта Макаренко меня удивила в другом смысле. Сам Макаренко мог преподавать и черчение, и русский язык, и украинский и так далее. Но человек он был очень загруженный. И где-то на совещании он узнал, что один художник ищет работу. Он с ним познакомился и пригласил в коммуну. Это был как раз Виктор Николаевич Терский. Он закончил службу где-то в кавалерийской части. Художественную академию в Ленинграде не окончил, но рисовал и чертил прекрасно. Когда речь зашла о работе в коммуне, Терский сказал Макаренко: у него семья – жена и двое детей, квартиры нет. Макаренко сказал: приезжай. И уступил ему свою квартиру. А сам перешел в домик на окраине. И там жил с матерью и дочерью своего брата Виталия Олимпиадой. Он говорил: мне бы только было где переночевать, а остальное время отнимала коммуна. Такая у Макаренко доброта. А Терский у нас прекрасно работал, и мы его любили. В коммуне он преподавал черчение и рисование. И оформлял газету. И руководил художественным кружком, в котором и я занимался. <…>

Вот, смотрите, схема – о спорте. Рядом с коммуной была погранШкола. Они учились конной езде, рубке лозы, прыжкам на коне через препятствия. Нашлись коммунары, захотевшие стать пограничниками. И они к ним ходили – в секцию конного спорта. У нас были занятия на любой вкус. Акробатический кружок. Вышивальный. Литературный – Сергей Петрович Пушников руководил. А еще из театра оперы и балета имени Пушкина к нам

ходил Александр Григорьевич Крамов, заслуженный артист. На вечерах в Громком клубе, после собрания, они часто выступали перед коммунарами.

Было две группы – гимнастический кружок для мальчиков и физкультурный для девочек. Планетарный кружок. Члены этого кружка посещали планетарий, слушали там лекции, наблюдали в телескоп планеты. Хореографический, драматический… Руководили артисты театра Русской драмы. Джаз-оркестр, духовой оркестр. Джаз выделился из духового оркестра. А духовой оркестр всегда сопровождал нас на парадах, участвовал в праздниках. И что интересно – нельзя было из духового оркестра уйти. Об этом предупреждали всех, кто приходил в оркестр. Научился играть на инструменте – вот и играй. Не подведи. У нас в художественном кружке такого запрета не было – не хочешь ходить, не ходи. Ты не связан коллективом. Арктический кружок – посещали всего несколько человек, и они ездили в Ленинград и на пароходе изучали арктическую жизнь. И один или два коммунара путешествовали в Арктику. Всё это до моего приезда в коммуну. Хоровой кружок. Я к ним заглядывал – послушать. Сяду где-нибудь и слушаю.

Это схема – про хозяйство. Я, конечно, не знал, сколько надо денег на содержание маленьких – до тринадцати лет. Но мы и не думали возражать, что часть нашего заработка шла на их содержание. А другая часть – в фонд совета командиров. Мы знали, что, в конце концов, эти деньги – на нас же. Например, коммунарка выходит замуж, приданое ей – из фонда совета командиров. Или кого-то надо отправить в санаторий полечиться.

– Вы считали, что это – справедливо?

– Справедливо. А как же? Когда я уходил из коммуны, у меня на книжке накопилось рублей тысяча. И я оттуда брал деньги во время учебы в техникуме. Стипендии-то не хватало. И еще студенты получали вторую стипендию из фонда совета командиров. Потом, уже без Макаренко, это запретили. Правда, можно было написать заявление директору техникума – поскольку я воспитанник Макаренко, а нас в техникуме было двое, Вася Чумак и я, и нам подкидывали еще по десятке. Плюс 15 рублей – стипендия. Можно было пропитаться: завтрак – 32 копейки, обед – 45 копеек, таким образом, на рубль можно было прожить день. А позже мы подрабатывали.

– А в коммуне питание было бесплатное?

– Нет, платное. И одежда, и все остальное. Из тех денег, которые мы отчисляли на свое содержание. Коммуна жила на полной самоокупаемости. У нас появился капитал.

– И это справедливо?

– Справедливо. Если не нравилось, нам говорили: предложите свой вариант. А мы ничего предложить не могли.

– Почему старшие должны содержать маленьких?

– А куда их девать? Макаренко проявил такую благотворительность – коммуна имеет средства, чтобы содержать младших.

– Где-то я читал, что Макаренко утверждал, что за четыре часа коммунар выполнял взрослую норму.

– Выполнял. Я, допустим, заработал двести рублей, столько же или, может быть, чуть больше получал и взрослый рабочий. Мы-то были проворнее. Всё бегом, всё бегом.

– Иван Демьянович, а можно сказать, что три года в коммуне были главным событием вашей жизни?

– Конечно. За эти три года я получил специальность. «Из ничего» – профессия. Преподаватели в коммуне были замечательные. Я их часто вспоминал. Многому научила меня коммуна – дисциплине, ответственности, товариществу.

– Значит, в вашей жизни было несколько важных событий. Первое событие – коллективизация, второе событие – коммуна и третье событие – война. А четвертое событие – создание семьи.

– Точно.

– Из этих событий наиболее значительное влияние имела коммуна?

– Безусловно.

– До коммуны вы не знали свою дорогу. Кроме как пасти коров. А коммуна вас поставила на путь истинный. И по нему вы идете всю жизнь.

– Правильно.

Щербинин, или где теперь Антон Макаренко?

Образование – это легко.

Воспитание – это трудно.

Такое соотношение.

То, что эти «сосуды» сообщающиеся, – иллюзия. По крайней мере, еще никто не доказал, что между ними – токи-перетоки. Иллюзия даже и то, что они всегда рядом. Воспитание ушло из нашего образования – и ничего… Нет, они – разные.

Образование – это знания.

Воспитание – это нравственность.

Образователей – тысячи и тысячи.

Воспитателей – единицы.

Принцип такой: обучился – обучай, воспитался – воспитай. Обучиться – да, а воспитаться – вопрос…

Место для образования – класс.

Место для воспитания – жизнь.

Необразованный человек – человек.

Невоспитанный человек – животное.

Великого педагога Антона Макаренко увлекло не образование, а воспитание. Классу он предпочитал завод. Завод, на котором дети производили первоклассные фотоаппараты.

Школа-хозяйство – это принцип Макаренко. Каждая школа должна иметь свое хозяйство. Не нарошенское, а взаправдашнее. Еще лучше – внедренное, вписанное в народное хозяйство. Не случайно даже и то, что завод, построенный педагогом Макаренко для своих воспитанников, через годы станет космическим. Однажды туда приедет Сергей Королев, человек, отправивший в космос Юрия Гагарина.

Плохо есть, когда школа закрылась от общества. Хорошо есть, когда общество открыто перед школой.

Это – увертюра. А теперь пусть скажет Сергей Владимирович Щербинин, воспитатель, который, подобно Макаренко, имел две попытки выйти с детьми в большую жизнь.

«К Антону Макаренко я шел долго. А начинал учителем физкультуры. Сначала закончил институт физкультуры, потом – геофак пединститута, потом – академию государственной службы. А вообще я человек коркинский.

Был день, когда Людмила Арсентьевна Юсупова, заведующая гороно, вызвала меня и сказала: «Ты справишься, иди в школу

№ 4 в поселке Роза и – карты тебе в руки». Даже квартиру пообещала.

Это 1981 год. Кого сначала учить и воспитывать? Педагогов. Потому что они не понимали меня. Мы разговаривали на разных языках. Я им говорил одно, они мне – другое. Дальше. Кого учить и воспитывать после педагогов? Родителей микрорайона. Микрорайон шахтерский, сложный. И многоэтажные дома, и частные усадьбы, и бараки. Высокая преступность. Точнее сказать, много правонарушений.

Школа – восьмилетняя, 580 детей. Здание небольшое. Учились в две смены. Всё – сложно. Надо сказать, что в то время был такой лозунг: школа – центр воспитательной работы в микрорайоне. Хорошо, так тому и быть. Идея – чтобы в каждом дворе, на каждой улице создать разновозрастные, как у Макаренко, отряды школьников. Отрядов оказалось более 90, в каждый входило до 12 человек. Выбрали отрядных командиров. На это мероприятие пригласили родителей. И они, к удивлению многих, – пришли. Собралось человек четыреста. Командирами выбирали ребят, скажу так, с избыточной энергией. Живых, подвижных, активных, даже и хулиганистых.

И – пошло. Праздники дворов. Поздравляли – кого? То тетю Машу, то тетю Глашу. То в честь 8 марта, то в честь 1 мая. Но до праздников надо было, естественно, привести дворы в надлежащий вид. Убрать в подъездах.

Представьте себе: 90 командиров собираются на заседание совета. Говорили, голосили, обсуждали. Но не так, чтобы дети сами все делали, – нет, их надо неназойливо вести, направлять. В том-то и суть.

Что дальше? Детские площадки. Мы сказали: дайте нам материалы – всё сделаем сами. Сделали. Потом открыли при школе клуб собаководства. Поголовно занимались спортом. Дело пошло. Через год не стало правонарушений.

Теперь – о финансах. Без денег – как? На уроках труда стали делать кельмы, мастерки, терки. Начали шить. Девчонки шили полотенца, рукавицы, прихватки, короче, кухонные принадлежности. А еще была у нас небольшая теплица. Выращивали цветочную рассаду. Ящички для рассады сколачивали мальчики. Свою продукцию продавали предприятиям, ЖЭКам, пионерским лагерям. У нас был заключен договор со строительными организациями, и мы им поставляли рукавицы, варежки, мастерки. Как могли, зарабатывали.

Деньги… Я их не касался. Всё решал совет командиров. На строительство храма? Сколько? Полторы тысячи. Что еще? Какой-то семье помочь? На праздники дворов – сколько? Торт купить

бабушкам? И так далее.

Чтобы сплотить детей, я проводил многодневные походы. А было нас человек пятьсот. Отправлялись классами, вместе с родителями. Осваивали ближнюю местность, окрестности Коркино.

Что еще важно? Надо было научить детей жить вне школы, в новых условиях. Не скажу, что было все гладко. Не обходилось без «отдельных случаев». Но они были исключениями.

В этой школе я проработал восемь лет. Работал бы и дальше, но горком партии предложил мне другую работу. К тому времени я уже с головой ушел в педагогику Макаренко, и заведующая гороно Елена Михайловна Салмина, знавшая об этом, предположила, что я мог бы использовать опыт Макаренко в нашем детском доме. Он находился, мягко говоря, в плачевном состоянии. Дети какие-то забитые, все в клеточных одеяниях, подстрижены под ноль, в баню ходили строем.

С чего здесь начинать? С того же, с системы командиров. Опять же по Макаренко. Наводить порядок через разновозрастные отряды, через заботу старших о младших… А прежде всего, перестроить детский дом. Весь интернат я разбил на квартиры. В квартире – туалет, ванна, биде, умывальники, душ, кухня, спальня. От общей столовой я отказался. Кухня была общей, а ели дети у себя в квартире. Ели, мыли посуду, убирали у себя. В группах лишних воспитателей убрал, группы стали семьями, воспитатели – папами и мамами. А детский дом назвал домом детства.

Теперь другой вопрос – вопрос социализации наших воспитанников в обществе. Свою школу мы ликвидировали, а детей распределили по школам города.

И что? Правонарушения свелись к нулю. Дети стали лучше учиться. Они учились, работали, были всегда заняты. А воспитатели занимались малышами. Дети посещали дом пионеров, станцию юных техников, спортивные секции. Они не были замкнуты, как прежде, в интернате.

Про труд. У нас были механические мастерские. Между прочим, станки покупали на свои деньги. Делали заказанные нам детали для железной дороги. Мебель делали. Девочки шили. Была большая теплица. С весны ели свою редиску, зелень. Рассады хватало и на продажу. Урожай собирали сами. А кроме того, мальчики мастерили кухонные гарнитуры, девочки шили скатерти, занавески, рукавицы. У нас были промышленные швейные машинки, на которых охотно шили и мальчики, иные лучше девочек. Наконец, были у нас и «серьезные» заказы – мы

поставляли железной дороге контактные шайбы.

Для всех обязательно – плавание. Чтобы каждый умел плавать. Сауна: для разных возрастов своя температура, свои процедуры. После сауны – бассейн, а потом фитотерапия с медом. Лечебные травы собирали в лесу и выращивали сами. Загар. И для каждого ребенка – массаж. Дети практически не болели.

У нас появился ансамбль народных инструментов. Этим занимался Виктор Мефодиевич Мелехин, профессионал высокого класса. Он учил детей играть на баяне, на домбре, на бас-гитаре. Иногда мы устраивали мастер-классы. Нам давали Дворец культуры, в нем разворачивали выставку «Все начинается с детства», тут же продавали свои поделки. Люди охотно раскупали наши игрушки. По праздникам я разрешал стряпать пельмени, чебуреки. Смешно было смотреть, как пацаненок, весь в муке, лепит пельмени. Сам процесс был, может быть, важнее еды.

Наши выставки-продажи заканчивались концертами. Часа на полтора. Выступали дети и сотрудники. Вместе.

Кульминация всех воспитательных мероприятий – многодневные походы.

Походы – это всё: умение жить в обществе, преодолевать трудности, понимать природу. Дождь, грязь, жара, комары, застрял автобус – всё воспитание. Рыбалка, кругосветки… У нас было шесть байдарок. Два автобуса, грузовая машина, автомобиль. Своя походная печка, на которой пекли пирожки, жарили рыбу. Своя походная баня. Особое удовольствие – после жаркого дня вечером попариться в бане…

В поход ходили все, с двухлетнего возраста. Малыши ходили в близкие походы. Три километра прошли – вернулись. А старшие… Если, допустим, база у нас в Чебаркуле, старшие идут в поход, допустим, к Тургояку, пешком. Или до Сатки. Так мы жили в палаточном городке целый месяц.

Конечно, все это я не могу отнести на свой счет. Мне повезло с педагогами-единомышленниками. Это – В. М. Соловьева, Л.Л. Щербинина, В. Г. Мусихин, И. О. Генкель, С. А. Кончина и многие другие. Большую помощь оказывали спонсоры – директор Коркинского рыбзавода В. Н. Пупышев, тогдашний директор горгаза В. В. Комарёв, и не только они. Наконец, глава города В. И. Марченков всегда уделял детдому особое внимание.

Тем не менее прошло время и, откуда ни возьмись, появились «доброжелатели», завистники и любители «докладывать». Пошли разговоры, что я не чист на руку. Будто обогащаюсь за счет детей. Будто, например, я построил себе двухэтажный коттедж. А там – обыкновенный дом на садовом участке. И так далее.

Конечно, без бани, без теплицы, без всего того, что у нас было, работать проще. И после меня бассейн забросили, сауну разрушили, теплицу снесли… Ввели одновозрастную систему, сделали общую столовую. Все музыкальные инструменты выбросили.

Я пришел к выводу, что система Макаренко не поддается массовому тиражированию. Сам, как лакмусовая бумага, пропитывался учением Макаренко. Встречался с многими известными макаренковедами – беседовал и спорил с ними, проверял сам себя. И в итоге понял: работа, которую я проводил, – не для всех».

Уже несколько лет, как Щербинина «вежливо попросили». Не факт, что вежливо, но факт, что попросили. В других фактах разбираться не будем. Зададим только один вопрос: то, что делал Щербинин, – плохо? Нет, не плохо. Мне, например, нравится. Можно лучше? Можно. И надо. Но туда же, в том же направлении, по тому же курсу. По – Макаренко. Не только школа, не только классы, не только уроки, не только умственный труд, но и – обязательно – труд ручной. Не знаю, как это было установлено, но наука будто бы выяснила, что человек умственной профессии будет лучше думать, умствовать, если поработает руками. Руки помогают мыслить.

Антон Макаренко – один из самых прославленных в мире людей. А он – кто? «Всего лишь» педагог. Мог ли Антон Семенович в последний год жизни предположить, что пройдет пятьдесят лет после него, и 1988 год будет объявлен (ЮНЕСКО) международным годом Макаренко? Что его признают великим – среди ста великих людей XX века? Что во всех странах мира отыщутся педагоги, которые объявят себя не то что его знатоками и почитателями, а восторженными поклонниками и горячими последователями?

И в то же время Антон Макаренко нигде не победил. Нигде.

Почему?

То, что предлагал Макаренко, – дело не школьного масштаба. В сущности, он хотел воспитать народ («Сегодня дети, завтра – народ»), Так все устроить, чтобы в обществе не стало несчастных, обездоленных, обозленных, потерявших себя людей. А это – что? Это – первейшая, высочайшая, величайшая из всех социальных задач, которые можно себе представить.

Но могут ли педагоги воспитать народ? Вряд ли. Воспитательное воздействие педагогов – мизерное, если сравнить его с воспитательным воздействием среды, то есть общества. Чтобы изменить народ, необходимо изменить социальное

устройство – среду. А общество еще не созрело до того, чтобы поставить перед собой такую задачу – изменить само себя. Может быть, оно когда-нибудь созреет для этого, но созревает оно, судя по всему, медленно.

От всех, кто «как Макаренко», – избавляются. Как в свое время избавились от него самого.

Антон Макаренко – не с нами. Хочется думать, что он впереди нас.

Ильенков

С чего начать? Речь пойдет о детях несчастных – глухих, немых, но еще и слепых. Для них в Подмосковье, в Загорске, был открыт детский дом. А главное – о психологе А.И. Мещерякове и философе Э.В. Ильенкове, которые работали в этом детдоме в 60-70-е годы. И еще, естественно, о том, какое они имеют отношение к А.С. Макаренко.

Александр Иванович Мещеряков и Эвальд Васильевич Ильенков, друзья в студенческие годы, оба закончили МГХ но после его окончания Мещеряков «пошел» по линии психологии, а Ильенков – по философской линии. Оба – доктора наук. И оба увлеклись работой в Загорске, превратив этот дом для детей-инвалидов в научную лабораторию по проблемам психологии, философии и педагогики. Однако этот рассказ требует «захода».

Не случайная преемственность

Чарльз Диккенс в «Американских заметках» рассказывал, как в 1842 году он увидел Лору Бриджмен, первую в истории слепоглухонемую, овладевшую речью: «Она сидела передо мной, точно замурованная в мраморном склепе, куда не проникало ни малейшего звука или луча света, и только ее бледная белая ручка, просунувшись сквозь щель в стене, тянулась к добрым людям за помощью». Лору Бриджмен научил говорить врач и необыкновенный человек Самюэл Хаув – основатель Перкинсовской школы под Бостоном, где училась также Елена Келлер. А в Москве шла пьеса Вильяма

Гибсона «Сотворившая чудо» – о том, как обучали грамоте самую известную слепоглухонемую Елену Келлер.

Вообще работать с детьми без слуха и зрения «соглашались» только люди с добрым сердцем, истинные энтузиасты. Рассказывают, что Инесса Холл, сотрудница доктора Самюэла Хаува, от восхода до заката, без праздников и выходных дней занималась с мальчиком Леонардом Дауди. Он был ужасен, когда его привезли к ней. Он бегал на четвереньках задом наперед, потому что биться головой о стены было больно. Но через несколько лет Инесса научила его говорить, дала ему какое-то образование, что позволило ему жить уже без опеки.

В нашей стране первая клиника для слепоглухонемых детей была открыта не где-нибудь, а в Харькове. Вообще почему-то сложилось так, что Харьков, Полтава, другие города и села были – в одни годы или в разное время – центрами передовой

педагогической мысли, педагогических исканий. Наверное, тому есть свое объяснение, но в причины такого феномена пока никто не вникал – что было, то было.

Клинику для слепоглухонемых детей в Харькове возглавлял профессор Иван Афанасьевич Соколянский. В НИИ педагогики он возглавлял секцию, которая включала в себя и детдом для слепоглухонемых, созданный по его же инициативе. Среди первых воспитанников этого детдома была Ольга Скороходова, которая позже стала сотрудницей Соколянского. Член-корреспондент Академии наук Д.Б. Эльконин работал в Харькове же в колонии для малолетних преступников и был близко знаком с Соколянским. Не мог не знать о Соколянском и Антон Макаренко. И он о нем знал. Более того, Макаренко имел в виду сделать Соколянского одним из героев «Педагогической поэмы» под фамилией Воробьев – показать «человека одной доктрины, преданного своим слепым и теории условных рефлексов».

Их отношения, однако, сложились непросто. Считалось даже, что Соколянский был врагом Макаренко. В самом деле, в марте 1928 года, на заседании НИИ педагогики, Соколянский за что-то критиковал Макаренко. В то же время в одном из писем Соколянский писал, что его дружба с Макаренко «длилась до моего ареста ГПУ После того, как меня выпустили и реабилитировали, Антон Семенович уже меня не признавал – очевидно, он меня считал врагом. Макаренко охладел, очевидно, полагая, что нет дыма без огня».

Соколянский был арестован в 1933 году и лишен свободы на три года условно. Но через несколько лет, уже в 1937 году, его арестовали вновь и вновь освободили через полтора года. В его освобождении, как говорили, активную роль, с помощью Максима Горького, сыграл Макаренко. Вскоре Соколянский покинул Харьков и переехал в Москву, где был принят научно-исследовательским институтом спецшкол и детдомов Наркомпроса. Когда началась война, Харьковский детдом, где Соколянский занимался со слепоглухонемыми детьми, не успели эвакуировать, и фашисты уничтожили несчастных детей как «неполноценных».

Соколянский умер в 1960 году. А интернат в Загорске, единственный в стране, открылся в 1963 году. До этого за помощью для своих несчастных детей родители могли обращаться в Институт дефектологии, в лабораторию, которой руководил Мещеряков, а до него – не кто-то другой, а именно профессор Иван Афанасьевич Соколянский, который теперь считается основателем советской тифлосурдопедагогики – науки о работе со слепоглухонемыми детьми.

В жизнь – из мрака и безмолвья

Карл Левитин в своем очерке «Лучший путь к человеку», посвященном ученым и детям детдома в Загорске, пишет: «Они слепы и глухи. Вечная беззвучная ночь окружает их. Страшное, огромное, неизмеримое несчастье. Весь наш мир, полный красок и музыки, для них – недоступная далекая планета. Как объяснить такому ребенку, что есть отец, мать, небо, земля? Что существует человеческая речь, состоящая из слов, и буквы, которыми эти слова можно писать. Как объяснить все это человеческой плоти, в которой нет не только мыслей, но даже желаний, и которая попросту перестанет быть, если вовремя не втолкнуть в нее пищу, – даже жевать не умеет слепоглухой от рождения человек?» Установление контактов с ним начинается с вилки, стола, стула, тарелки, рубашки, кровати, ночного горшка, стен, потолка…

Э.В. Ильенков: «В Загорске был очень трудный мальчик: когда его привезли, он лежал в углу и ни на что не реагировал – только ел и спал. Прошли годы, прежде чем удалось научить его одеваться, обслуживать себя, он стал даже говорить».

А.И. Мещеряков: «Нормальный ребенок, едва появившись на свет, сразу попадает в какую-то определенную среду, и она приносит ему пользу либо вред. Свет, тепло, улыбка матери, звук ее голоса – все это проникает в его мозг, и там образуются связи».

А.И. Мещеряков: «Но когда к нам привозят ребенка, слепого и глухого ко всему на свете, без желаний, без каких бы то ни было мыслей, как установить с ним контакт? Он не интересуется ничем – любой предмет, который вы вложите в его руку, тут же падает на пол».

А.И. Мещеряков: «Остаются лишь неустранимые потребности живого организма – в еде, в питье, в тепле».

Э.В. Ильенков: «Как пробиться к его мозгу, который пока еще – всего лишь вполне исправный механизм, предназначенный для мышления, но в нем надо соединить между собой многочисленные части, чтобы он смог перерабатывать “сырье“ – сигналы окружающего мира».

А.И. Мещеряков: «И вот, когда после долгого и упорного труда воспитателя слепой и глухой ребенок, если ему хочется есть, начинает тянуться к ложке, тогда он и делает свой первый шаг на пути к человеку».

И – очень важный, фундаментальный итог:

Э.В. Ильенков: «Человек человеком не рождается, он им становится». Внимание: «В нем столько от человека, сколько он присвоил человеческого».

Слепому и глухому ребенку судьба оставила только один

канал связи с окружающим миром – осязание. Он может «увидеть» и «услышать» то, что вокруг него, только пальцами. С помощью азбуки Брейля, на специальной пишущей машинке с металлическими штырками на клавишах, воспитатель начинает вводить в сознание ребенка понятие о букве, слове, фразе… Педагог своими руками прикладывает пальчик ребенка к клавише… Сколько раз надо это повторить, чтобы ребенок что-то схватил? Как догадаться, как понять, что ребенок усвоил именно то, что хотел воспитатель? Надо иметь неимоверное терпение и уверенность в том, что успех возможен, чтобы так, шажок за шажком, дать маленькому человечку почувствовать, что вокруг него не тьма и пустота, а много чего есть, в том числе и люди, их добрые спасительные руки.

Невероятно, но факт: слепые и глухие люди могут стать членами человеческого общества, войти в него и найти в нем свое место. Без помощи людей и нормальный человек не смог бы это сделать, а слепому и глухому существу требуется многократно больше помощи. По существу, он может рассчитывать только на самоотверженность своих воспитателей. Как бы то ни было, уже упомянутая О.И. Скороходова стала кандидатом наук, писала басни, даже размышляла о музыке стиха… Юрий Лернер учился в МГУ Наташа Корнеева решила стать педагогом.

Карл Левитин, автор очерка о Загорской лаборатории, – о встрече с людьми, которых ученые вывели из мрака и тишины: «Я слышу их голоса – чистый, абсолютно правильный выговор Саши, очень тихий и высокий дискант Наташи, громкую, но не совсем привычную речь Юры и совсем уж необычную мелодику, с которой произносит слова Сергей – он говорит почти без всякой интонации. Я сижу за обычной пишущей машинкой, а каждый из моих собеседников держит указательный палец на маленьком пластмассовом кружке, из которого высовываются шесть стерженьков – по три в двух вертикальных колонках. Каждой букве, цифре или знаку препинания соответствует своя комбинация из шести точек – это и есть азбука Брайля, которой пишут книги для слепых. Но слишком необычно сознание, что пальцы твои через клавиши вводят металлические штырьки в соприкосновение с живой плотью. Это ощущение слияния, прямо-таки физической связи с собеседником, настолько подавило меня, что я не сумел поговорить так, как хотелось бы. “Нет, учиться на психологическом факультете не очень трудно“. -“Да, сейчас, в сессию, конечно, приходится подналечь“. – “Сейчас вот, например, все мы оторваться не можем от “Я отвечаю за все“ Юрия Германа“.

Такой у меня вышел разговор. Но тут пришел Ильенков. Его

встретили как родного и буквально затащили к телетактору – изголодались по хорошей беседе. “Эвальд Васильевич, – сказал Саша, чеканя слова, – давайте что-нибудь философское. Например, о явлении и сущности“…»

Контакт со слепоглухонемыми детьми начинается не со слова, а с дела. С действия. С поступка. В труде. Поэтому Загорский интернат был оборудован мастерскими. Дети работали с молотком, отверткой, рубанком, швейной машинкой, и неплохо с ними управлялись. Но мастерские здесь тоже были лабораториями. Не просто урок труда, а аудитория, в которой формируется личность. Обыкновенные инструменты помогали очеловечивать детей, лишенных другого способа приобщения к людям.

Карл Левитин: «Уже десять часов вечера, а Ильенков все еще сидит в коридоре с Сашей, и они о чем-то беседуют. Александр Иванович выглядит тоже усталым, но трое остальных ребят накопили за день тысячи вопросов к нему. О чем они говорят – мне не скажет никто, даже спрашивать нельзя. “Как-то раз приходит Мещеряков, а его уже ждет Юра Лернер, – рассказывает мне Ильенков. – “Александр Иванович, – спрашивает Юра, – как вы думаете – могу ли я быть счастлив?“ Тот растерялся, но ведь – педагог. Говорит осторожно: “А как ты сам думаешь?“ – “А я, – отвечает Юра, – счастлив в самом прямом и точном смысле этого слова. Ведь счастье – это иметь что-то, что можно потерять. Я ж ничего не имел, но каждый день нечто приобретаю“».

В самом деле эти дети не имели ничего. А всё, что получили, – от людей.

После смерти Мещерякова ответственность за детей взял на себя Ильенков, а после смерти Ильенкова работа интерната сошла на-нет. Победила позиция тех, кто считал, что с этих детей довольно, если научить их монтировать розетки…

Синхрофазотрон для педагогов

Что, педагогика Александра Ивановича Мещерякова – другая, особая педагогика? Другая, конечно, и, конечно, – особая. Уж она-то, безусловно, требует индивидуального подхода, особенно на первых порах. Впрочем, и нормальные дети на первых порах воспитываются индивидуально. Только в возрасте трех-пяти лет они «готовы» к переходу на «коллективное воспитание». У слепых и глухих детей такой переход возможен значительно позже. И все-таки работники детдома в Загорске утверждают, что слепоглухота не создает каких-то особых педагогических проблем. Суть та же. «Всё это наши проблемы, стоящие перед каждой матерью и перед

каждым отцом, перед любыми яслями и любым детским садом, перед каждой школой и перед каждым вузом». А особенность в том, что эти же проблемы слепоглухота ставит острее и «чище». Это «чище» следует не только взять в кавычки, но и подчеркнуть. При работе со слепоглухими детьми воспитателю не мешают «посторонние шумы», доступ к сознанию ребенка имеет только он один. Никакая «улица» ему не помеха. Воспитатель в одиночку «творит» человека. Правда, если он ошибся, ничто и никто не поможет ему исправить ошибку. Все останется так, как он сделал. Вся ответственность – на нем.

Работа со слепыми и глухими детьми выявила один очень тонкий, едва заметный, на первый взгляд, частный, а на самом деле всеобщий и очень опасный «нюанс» в работе воспитателя. Проследим за ходом мысли Мещерякова. В работе со слепоглухонемыми детьми сначала активна только рука воспитателя. Он должен добиваться и ждать, когда проявит свою активность рука ребенка. Надо уловить момент, когда она, детская рука, попытается что-то делать сама. Уловить этот момент – и сразу прекратить помощь. Если продолжать помогать, активность ребенка угаснет. И исчезнет навсегда! Заповедь Мещерякова: «При малейшем намеке на самостоятельность в осуществлении действий – сразу же ослаблять руководящие усилия!» Важно сказать, что это правило обязательно не только при работе со слепоглухонемыми детьми, оно – всеобщее. И если прозевать этот момент, то можно надолго и, может быть, на всю жизнь лишить человека способности действовать самостоятельно. Надо вовремя помочь и вовремя прекратить помощь.

Даниил Борисович Эльконин, член-корреспондент академии наук, на защите докторской диссертации Мещерякова о Загорском интернате сказал так: «Загорский детский дом для психологов и педагогов – все равно что синхрофазотрон для физиков». А Ильенкову дети, лишенные зрения и слуха, позволили решить давнишний философский спор Дидро с Гельвецием и Спинозы с Декартом – о том, что есть душа человека и как она создается. Говоря словами К. Левитина, случай Ильенкова – одни из редчайших, когда философ в научном споре мог опираться на свою собственную экспериментальную работу. В интернате Эвальд Васильевич имел то, о чем философ мог только мечтать, – наблюдать процесс мышления «от нуля».

Основываясь на психологических исследованиях Мещерякова и на собственных наблюдениях в детдоме Загорска, Ильенков обобщил их философски, тем самым, помимо всего прочего, еще раз допустив родственность педагогики и философии. Я взял у

Ильенкова три его умозаключения.

Первое. Опыт Загорска ценен, прежде всего, тем, что он ставит педагога в особые условия. Эти условия не оставляют сомнений по поводу вывода, который ими диктуется. А вывод таков: слепой и глухой ребенок без помощи людей не может стать человеком. Тут спорить не о чем. Этот опыт – чистый. Без помех. Ильенкову остается только сделать следующий шаг: нормальный ребенок в принципе не отличается от инвалида по слуху и зрению. И нормальный ребенок без помощи людей человеком не станет. Нас не должна вводить в заблуждение видимость того, что нормальный ребенок вроде бы не требует такой «тесной» опеки, как слепой и глухой, что его мозг открыт и доступен всем влияниям и потому способен «очеловечиваться» самостоятельно. Конечно, нормальный ребенок, растущий без специального воспитания, впитывает всю «стихийную» информацию, поступающую от окружающей его среды, и становится «каким-нибудь» человеком, но именно «каким-нибудь». Как бы то ни было, всякое влияние, оказываемое на него, – человеческое. От людей. Без них и нормальный ребенок человеком не станет.

Вывод Ильенкова: «Биологически человеческий индивид не предназначен даже к прямохождению. Предоставленный самому себе, ребенок никогда не встанет на ноги и не пойдет». И еще: «В психике человека нет ровно ничего наследственного. В хромосомах не зашифрована ни наша память, ни характер, ни степень эмоциональной возбудимости, ни талант к музыке или стихосложению. Генетика не ответственна ни за нашу лень, ни за легкомыслие, ни за эгоизм. Все это дает нам среда – окружающие люди, предметы, зачастую самые незаметные следы человеческой культуры. Человек – существо целиком социальное». И еще: психика человека «запрограммирована не внутри, а вне тела индивида, в его “неорганическом теле“, как назвала когда-то философия предметное тело цивилизации».

Человека, каждого из нас, «делают» не только родители, не только школа, не только ближайшее окружение, не только какое-то общество, а все человечество. Чтобы получился человек, надо использовать весь опыт, который накопило человечество. Это и есть – воспитание.

Э. Ильенков: «Опосредствованно, через бесконечное количество отношений, каждый индивид на земном шаре реально связан с каждым другим, даже с тем, с которым он никогда непосредственно не входил и не войдет в контакт».

Э. Ильенков: «Сила личности – это всегда индивидуально выраженная сила того коллектива, того “ансамбля“ индивидов, который в ней идеально представлен, сила

индивидуализированной всеобщности, устремлений, потребностей, целей, ею руководящих».

Значит – что? Мозг – пустое место? Сосуд, который можно наполнить чем угодно?

А.И. Мещеряков: «Не совсем так. Морфология мозга может иметь существенные особенности. Но эти особенности влияют на психику человека не сами по себе, а только благодаря обществу – через людей. Какие бы особенности своего мозга человек ни унаследовал, что бы ни передалось ему генетическим путем, лишь общество может сделать эти особенности достоинством или недостатком, побудить человека развивать те или иные задатки или бороться с ними. Мы наследуем массу предрасположенностей к тому, чтобы стать Бетховеном или Репиным, или каким-нибудь Рокфеллером, но только малая часть из них реализуется – благодаря другим людям, среде, обществу».

Выдающийся советский философ Эвальд Ильенков считал себя марксистом, но марксистом необычным, не зацикленным на догматах. Марксистская философия, как известно, – материалистическая, а Ильенков признавал идеальное. Поскольку эта тема – особая, я упомяну только о том, что весь опыт человеческой культуры – субстанция идеальная. Этот опыт, независимо от человечества, существует, но неизвестно, где. Где-то рядом и в связи с человеческой культурой, но – идеально. И именно этот опыт позволяет, поколение за поколением, воссоздавать человеческое общество. Из бездуховного тела – создавать личности.

Да, мы одинаковы, но не совсем

Так, не ставя перед собой такой цели, философ Ильенков поддержал педагога Макаренко, согласившись с ним в том, что человек воспитывается в коллективе. Это происходит в любом случае. С педагогами или без них. Какой коллектив, такое и воспитание. А педагогу остается одно: создавать такой коллектив, который необходим обществу.

Второе умозаключение Ильенкова – о том, что такое личность, ее неповторимость. В мире нет ничего абсолютно одинакового. В том числе нет двух одинаковых людей. Неповторимость – фундаментальное свойство личности. «Неповторимость свойственна каждой отдельной личности настолько органически, что если ее отнять, то исчезнет и сама личность». Но можно ли ее, неповторимость, отнять у личности?

Вспомним, в чем обвиняли недруги Антона Семеновича Макаренко? В том, что коллектив подавляет личность. Что он

воспитывает безликую массу для тоталитарного режима. Что это «педагогический мусор» – то, что главное коллектив, а не личность. Что за коллективом перестали видеть человека. Что у Макаренко человек – это винтик.

Если вникнуть, такие обвинения не имеют смысла. К кому бы они не были обращены. Стоит ли нам так уж беспокоиться о том, чтобы не «штамповать» одинаковых людей? Стоит ли нам так уж ратовать за то, чтобы люди были не похожи друг на друга? Если следовать логике этого страха, то хорошо не только сохранять различия между людьми, но и углублять и расширять их.

Как бы мы ни старались, ничего у нас не получится. Как сказал Ильенков, «единичное есть единичное, и тут уж ничего не поделаешь». Не получится у нас сделать людей одинаковыми. До сих пор ни у кого это не получалось. И не получится впредь. Федор Моргун, человек, известный на Полтавщине, и не только там, после встречи с коммунарами сказал: «Какие же вы все одинаковые… И какие же вы все – разные».

Я не знаю ни одного примера, чтобы какой-то коллектив каким-то способом добился одинаковости. Даже в тюрьме такого не случается. Тем более в армии. Можно специально подбирать парней по росту, возрасту, цвету волос, глаз и по любым другим признакам – одинаковости не будет. На какое-то время может мелькнуть чисто внешняя похожесть, но только и всего. Даже в близнецах, если вглядеться, обнаружатся различия.

Зачем же мы так печемся о различиях? Не они ли, если оглянуться назад, виновники многих, если не всех, наших бед, – от уличных драк до мировых войн? А какой вред от мнимой одинаковости?

Получается – что? Бороться за различия нет смысла. Они есть и без наших усилий. А если есть что-то недостижимое, так это одинаковость.

Третье умозаключение Ильенкова – о самоуправлении. Размышления о том, как важна роль общества в формировании личности, не могли не привести философа к размышлениям о том, каким должно быть само общество. По каким законам оно развивается. Поддается ли оно какому-то управлению. Ильенков пришел к выводу, что функции управления государство должно передавать людям – «только так можно преодолеть отчуждение человека от человека». В итоге – «движение к коммунизму есть нарастание элементов самоуправления в обществе».

Нет нужды доказывать, что и в этом смысле философ Ильенков «поддерживает» теорию и практику педагога Макаренко.

Граф

Толстой и Макаренко. Сопоставление

Когда умер Лев Толстой, Антону Макаренко было больше двадцати лет. Он мог бы съездить в Ясную Поляну и познакомиться с живым классиком. Но он не поехал туда. Он увлекался Горьким, Чеховым, другими писателями, а Толстым, насколько я могу судить, – нет. Толстой был не его писатель? Что-то не совпадало? Наверное, так.

Толстой прав и когда ошибается

Нет ничего проще, чем опровергать Льва Толстого.

Он считает: «Человек родится совершенным».

Он убеждает: «Воспитание есть принудительное, насильственное воздействие одного лица на другое с целью образовать такого человека, который нам кажется хорошим».

Он сообщает: «Родившись, человек представляет собой первообраз гармонии, правды, красоты и добра».

Он утверждает: «Воспитание есть возведенное в принцип стремление к нравственному деспотизму».

Он настаивает: «Воспитание есть стремление одного человека сделать другого таким же, каков он сам».

Он повторяет: «Права воспитания не существует».

Он объясняет: «Учить и воспитывать ребенка нельзя и бессмысленно по той простой причине, что ребенок стоит ближе меня, ближе каждого взрослого к тому идеалу гармонии, правды, красоты и добра, до которого я, в своей гордости, хочу возвести его».

Он – категорично: «Воспитание портит, а не исправляет людей».

Спорить? Возражать? Исправлять? Ставить Толстого на путь истинный? Это – самое простое.

Да, конечно, можно сослаться на психолога Александра Мещерякова и философа Эвальда Ильенкова, которые, работая со слепыми и глухими детьми в интернате Загорска, убедились, что родившийся ребенок – почти пустой сосуд. Чистый, но пустой. С каждым днем он будет наполняться. Но – как и чем? Чем попало или с выбором? Если с выбором, то удастся ли отсеивать «плохое»? Если отсеивать, то опять-таки что? В любом случае ребенок рождается – никакой.

Значит, Лев Толстой ошибался? Ошибался. И все-таки…

Ребеночек-то разве не ангел? Да, ангел. Разве не воплощение чистоты, невинности и безгрешности? Да, воплощение. И разве с годами он не теряет этот свой образ сущего идеала? Да, теряет.

Значит, Лев Толстой прав?

Лев Толстой – это Лев Толстой. Он в правоте своей ошибается и в своих ошибках прав. Свою мысль он всегда доводит до конца, до края, а там обнаруживает нечто противоположное тому, с чего начинал. И тогда он ведет свою мысль обратно, от конца к началу, от края до края. Поэтому в его размышлениях правота и заблуждения плавно перетекают одно в другое.

Нам важно, что великий писатель Лев Толстой проявлял интерес к педагогике. И даже всерьез увлекался ею. Ради нее бросал свои романы. Чтобы воспитывать – практически. Как и Макаренко, ему недолго было убедиться, что на чистом теоретизировании в педагогике далеко не продвинешься. «Не философскими откровениями в наше время, – писал он, – может подвинуться наука педагогика, но терпеливыми и упорными повсеместными опытами». В Ясной Поляне он опытами и занялся. Открыл школу для крестьянских детей. Писал для них «Азбуку», «Новую азбуку», «Книги для чтения». Издавал журнал «Ясная Поляна», в котором печатал свои педагогические статьи. Путешествуя по Европе, он интересовался, как там обстоят школьные дела. Можно даже сказать, что ради того и путешествовал. Между прочим, в Швейцарии, в П, юрихе, осмотрел Институт слепых и глухонемых детей. Так что ему было бы, о чем поговорить с Мещеряковым и Ильенковым. А вернувшись домой, он вновь принимался за школьные дела. Писатель элементарно работал учителем.

Нет смысла в достижении идеала

Это тот же случай: писателю свойственно увлекаться педагогикой. Не знаю, был ли еще человек, который с такой нетерпеливой страстью хотел изменить человека, как Лев Толстой. Изменить – к лучшему. Усовершенствовать. Для того он и сочинял – сначала свои романы, а потом публицистические статьи. Но писательство не давало ему сведений о результате. Оно если и откликалось, то смутно. Потому-то и возникала иллюзия, что педагогика оперативнее литературы. Соблазнительно было то, что в педагогике – все на глазах, в непосредственном контакте, под постоянным наблюдением. Потому-то Лев Толстой то уходил из литературы в педагогику, то возвращался обратно. То и дело разочаровывала литература, но

то и дело разочаровывала и педагогика.

Не сразу поймешь Льва Толстого: он сам целиком уходил в воспитание, и он же воспитание – отрицал. Чем объяснить такое непостоянство, такие метания и такую «капризность»? Тем же и объясняется – результатом. От воспитания ждешь одного, а оно выдает другое. До совершенного человека – идти и идти… Жизни не хватит. И такое ощущение, что идешь не к идеалу, а от него. Чем дальше от ребенка, тем глубже разочарование. И будто от твоих усилий – только хуже. Вроде ты напрашиваешься воспитывать, а это никому не нужно. Никто не хочет воспитываться. Разве что под нажимом, под принуждением.

А иначе – как? Если не заставлять, не усаживать за парту, не тыкать пальцем: «читай», не грозиться «двойками» и чем-то еще, не выговаривать, не стыдить, не становиться в позу деспота, – то как? Почему-то бесценный опыт человечества приходится вталкивать, втискивать, впихивать в ребенка как нечто скучное, неинтересное и неудобоваримое. В обычной жизни ребенок надоест со своими «почему?», но как только учиться – отворачивается. Надо иначе учить? Увлекать? Прямо-таки завораживать?

А надо ли? Антон Семенович Макаренко сомневался в этом. Он говорил, что в жизни много скучной, монотонной работы, что даже во всяком творчестве есть занятия, требующие усилий и усидчивости, упорства и дисциплины. Значит, эти качества полезно прививать в процессе учебы. Если так, то принуждения не избежать. Понуждать, тащить его, упирающегося, за руку, давить авторитетом, запрещать, держать контроль… Вновь и вновь входить в роль надоевшего наставника. Воспитывать, сознавая, как им, детям, противны и надоедливы все эти увещевания, наставления, нотации… И, главное, как они беспомощны…

Л. Н. Толстой: «Всё или 0,999 воспитания сводится к примеру, к исправлению и совершенствованию своей жизни».

Конечно! Не надо напрашиваться со своим воспитанием – будь примером для подражания. Известно же, что дети – обезьяны, они всё впитывают, перенимают, всему подражают. И это происходит не только безнасильственно, но даже бессознательно.

Прекрасно. Но… Как стать примером? Делать себя лучше и лучше? Ради того, чтобы стать примером? Совершенствовать себя? Самого себя воспитывать? Быть одновременно воспитателем и воспитанником?

Легко сказать… Получается: не я воспитываю сына, а он – меня. Не он от меня зависит, а я завишу от него. Я у него на поводке, а не он у меня. Это одно. Кроме того, я должен как бы

отказаться от себя. Признать: такой, какой я есть, – не гожусь. Надо переделываться. Я же, но – другой. Лучше.

Лучше… Но «лучше» – это какой? Сын-то мне не скажет, каким хотел бы меня видеть. И сам я не знаю. Знал бы, уже перевоспитался бы. Не дожидался бы рождения сына. Педагоги свидетельствуют, что без цели воспитание невозможно. Как же воспитывать себя самого, не зная цели? И не поздно ли переделывать себя, когда ты уже отец?

Боюсь, что напрасны все наши старания. В лучшем случае можно дать себе зарок изжить свои недостатки. Отказаться от плохих поступков. Например, от пьянства. Конечно, и то благо. Но личность свою не изменить. А если личность слабая, то и от пьянства не отказаться…

Отец должен оставаться самим собой. Не «подавать» себя, а натурально жить. А стать лучше… Сделать вид, что – лучше, можно, и это будет ужасно.

На этом месте Лев Николаевич Толстой дает нам повод поговорить об «идеальном человеке». О «совершенной личности». Толстой разочаровался в педагогике, потому что она не привела его к идеалу гармонии, правды, красоты и добра. У него не получилось. И у других не получилось. Но, может быть, и не могло получиться. И хорошо, что не получилось и не получится. Идеал невозможен. Достижение идеала его же уничтожает. Что еще хуже: мы остаемся без идеала вообще. Одно дело стремиться к идеалу, когда он – впереди, когда он цель, а другое – нигде никакого идеала и никакой цели. То есть полный крах. У идеала есть смысл, лучший из смыслов – двигаться к нему, но никогда не достигнуть.

Человек придуман таким, какой он есть. В нем есть гармония, но есть и дисгармония, в нем есть правда, но есть и ложь, в нем есть красота, но есть и безобразие, в нем есть добро, но есть и зло. И – слава Богу. Потому что одно без другого не бывает. Если исчезнет зло, исчезнет и добро. С одним дополнением: добро не исчезнет, оно само породит зло, чтобы и самому – остаться.

Человек тем и гармоничен, что в нем сочетаются плюсы и минусы. И люди бывают хорошие и плохие. Без плохих людей мы потеряем представление о хороших.

Человек бывает совершенным в двух случаях – в начале жизни и после нее. А между этими точками требовать от него совершенства – зачем? Совершенство изменит его неузнаваемо.

Лев Николаевич Толстой страстно хотел сделать человека лучше. И мы этого хотим. И пока мы этого хотим, человек не вернется в звериное стадо, а останется в человеческом обществе.

Об авторе

Михаил Саввич Фонотов – писатель, журналист. Обозреватель газеты «Челябинский рабочий».

Автор книг:

«Мир открыт для добра: Очерки и новеллы о природе» (1989), «Соловьиный остров (Южный Урал в этюдах)» (2001),

«Голубые зеркала Каменного пояса» (2004),

«У горы Извоз. Верхнеуральск: Все, что знаю» (2008),

«В поисках Рифея: книга для чтения» (2008),

«Геометрия растений: Как природа изобретала зеленый мир» (2008), «Такой Челябинск, каким я знаю его в XXI веке» (2008),

«Мы и наше здоровье» (2009),

«Родная старина. Очерки истории Южного Урала» (2011).

Член Союза журналистов РФ.

Заслуженный работник культуры РФ.

Лауреат журналистских премий, в том числе премии «Золотое перо России» (2010).